

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Быстров Никита Александрович

**Репрезентация культурно-ценностных концептов посредством
интертекстуальных включений в американском политическом
медиадискурсе (коммуникативно-прагматический аспект)**

Специальность 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (германские языки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Ольга Дмитриевна Вишнякова

Москва – 2025

Оглавление

<i>Введение</i>	3
<i>Глава 1. Теоретические основания изучения коммуникативно-прагматических особенностей англоязычного политического дискурса</i>	12
1.1. Современный политический медиадискурс США как объект филологического исследования	12
1.2. Концепт как ключевая единица лингвокультуры	36
1.3. Интертекстуальность как элемент политического текста	50
1.4. Коммуникативно-прагматический потенциал политического текста и способы его реализации	59
Выводы к Главе 1	74
<i>Глава 2. Концептуальные структуры “Civil War”, “Freedom”, “Equality” в составе онтологической базы американского политического дискурса и особенности их репрезентации на уровне интертекстуальных включений</i>	81
2.1. Вербально-репрезентативные характеристики концептуальной структуры “Civil War” и ее роль в современном политическом дискурсе США	82
2.2. Вербально-репрезентативные характеристики концептуальной структуры “Freedom” и ее роль в современном политическом дискурсе США.....	110
2.3. Вербально-репрезентативные характеристики концептуальной структуры “Equality” и ее роль в современном политическом дискурсе США	120
2.4. Функционально-содержательные особенности интертекстуальных включений как элемента коммуникативно-прагматического потенциала политического текста.....	132
Выводы к Главе 2	147
<i>Заключение</i>	152
<i>Библиография</i>	157
Список используемой литературы.....	157
Словари и справочные издания.....	183
Электронные ресурсы.....	184

Введение

Настоящая работа посвящена изучению особенностей языковой репрезентации культурно-ценностных концептов в американском политическом медиадискурсе. В качестве одного из способов представления данных ментально-лингвальных единиц выступают интертекстуальные включения, функционально и содержательно отражающие коммуникативно-прагматический аспект политической коммуникации. Реализация интертекстуальных включений в политических текстах печатных СМИ выполняет различные функции: когнитивную (структурирование мышления, активизация познавательного процесса и организация знаний, обращение к ресурсам долговременной памяти, активизация внимания), стилистическую, коммуникативно-прагматическую, риторическую. Основное внимание в работе уделяется коммуникативно-прагматическому аспекту реализации интертекста. Политический медиадискурс рассматривается в диссертации как дискурс политики, представленный в СМИ в текстах соответствующей тематики в определенных для данной области жанрах. Иными словами, дискурс СМИ выступает в качестве широкой сферы реализации институциональных дискурсов различных типов, в данном случае – дискурса политики. Выбор рассматриваемых концептов “Civil War”, “Freedom”, “Equality” обусловлен их принадлежностью, наряду с другими, к онтологической базе культурно-ценностной шкалы американского социума и степенью значимости в современном политическом медиапространстве.

Актуальность темы настоящего исследования определяется необходимостью изучения дискурса политической коммуникации с точки зрения представленных в нем ключевых ментально-лингвальных единиц, отражающих специфику культурно-ценностной шкалы американского социума и выступающих в качестве одного из способов оказания коммуникативно-прагматического воздействия на целевую аудиторию. Актуальным представляется вопрос о роли интертекста в процессе репрезентации данных концептуальных структур с точки

зрения согласования концептуальных систем коммуникантов с учетом их содержательной специфики и особенностей языкового выражения.

Объектом исследования являются культурно-ценностные концепты “Civil War”, “Freedom”, “Equality”, находящие вербальное выражение в современном американском политическом медиадискурсе.

Предметом исследования являются способы языковой репрезентации данных концептов, в частности – интертекстуальные включения, функционально и содержательно направленные на реализацию коммуникативно-прагматических целей политической коммуникации.

Научная новизна проведенного исследования состоит в рассмотрении интертекстуальных включений в качестве способа вербальной репрезентации культурно значимых концептов в американском политическом медиaprостранстве, с учетом общих и индивидуальных содержательных особенностей рассматриваемых ментально-лингвальных структур. Новизна исследования обусловлена также тем фактом, что в диссертации впервые осуществляется анализ коммуникативно-прагматических особенностей, репрезентирующих данные регулятивные концепты интертекстуальных включений с точки зрения установления контакта с адресатом, убеждения, изменения политических ориентиров, побуждения к действию на основе рассмотрения их функционально-семантических характеристик. В работе осуществляется попытка проанализировать концептуальные структуры “Civil War”, “Freedom”, “Equality”, которые обладают сложными по своему характеру содержательными областями и представляют собой неоднозначно интерпретируемые сущности в современной общественно-политической жизни США. Изучение данных концептов в терминах концептуальных структур обусловлено непрерывной динамикой и комплексным характером содержательных областей, что находит отражение в их языковом представлении на уровне интертекста.

Цель работы заключается в выявлении специфики американских культурно-ценностных концептов “Civil War”, “Freedom”, “Equality”, представленных посредством интертекстуальных включений в текстах СМИ, как одного из способов достижения коммуникативно-прагматических целей политической коммуникации.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

- для формирования теоретико-методологической базы исследования провести обзор и систематизацию существующих положений современной науки, относящихся к областям функциональной, структурной и когнитивной лингвистики, лингвопрагматики, интертекстуальности, дискурсологии, лингвокультурологии и лингвокультурной концептологии;
- обратиться к результатам исследований, относящихся к междисциплинарному уровню анализа в области изучения концептов и соответствующих им общественно-политических понятий, в том числе ключевых регулятивно-ценностных ориентиров американского лингвокультурного социума, а также к результатам исследований в сфере изучения политической коммуникации как элемента политической культуры;
- провести комплексное изучение выбранных для анализа концептов: осуществить анализ дефиниций языковых единиц, репрезентирующих данные концепты, обращаясь к авторитетным лексикографическим источникам, рассмотреть данные языковые репрезентанты в реальных условиях речевой коммуникации в содержащих их контекстах, что позволит выявить особенности актуализации данных значений в различных ситуациях общения;
- обратиться к корпусным данным на основе поисковика Google Books Ngram, производящего поиск частотности слов в оцифрованном корпусе

книг и журналов Google Books, в целях выявления культурной значимости изучаемых концептов;

- провести анализ системных и функциональных характеристик языковых единиц, являющихся репрезентантами концептов “Civil War”, “Freedom”, “Equality”, что позволит выявить специфику оценочного и прагматического потенциала данных языковых единиц, а также установить степень влияния дискурсивных факторов на формирование и закрепление их смыслов в рамках политического медиадискурса;
- осуществить комплексный анализ эмпирического материала в виде примеров реализации интертекста, в том числе установить исходные прецедентные тексты, выступающие в качестве источника интертекстуальных структур, а также всесторонне проанализировать присущие им коммуникативно-прагматические характеристики в содержащих данные единицы контекстах;
- провести анализ коммуникативно-прагматических особенностей интертекстуальных включений, выступающих в роли репрезентантов концептуальных структур “Civil War”, “Freedom”, “Equality”, принимая во внимание их семантико-прагматические характеристики и условия контекстов употребления.

Методы исследования определяются поставленными задачами, теоретической и практической направленностью работы и характером анализируемого материала. В диссертации применяется комплексная методика, которая включает в себя такие виды анализа, как дефиниционный анализ (рассмотрение словарных определений языковых единиц, номинирующих изучаемые в работе концепты), концептуальный анализ (анализ содержательных областей концептов на основе обращения к функционально-семантическим свойствам репрезентирующих их языковых единиц, в целях реконструкции данных концептуальных содержаний), контекстуальный анализ (изучение особенностей контекста, обуславливающего процесс актуализации языковых

значений и становление смысла на уровне интертекстуальных включений, репрезентируемых рассматриваемые концепты), дискурсивный анализ (анализ особенностей функционирования содержащих данные интертекстуальные включения текстов, представляющих дискурс современной американской политической коммуникации на вербальном уровне, с учетом тесного взаимодействия собственно лингвистических и экстралингвистических факторов); интертекстуальный анализ (выявление и анализ интертекстуальных включений и прецедентных феноменов, являющихся источниками таких включений, а также обращение к истории их формирования и особенностей реализации); лингвопрагматический анализ (анализ коммуникативно-прагматического потенциала интертекстуальных включений как языковых репрезентантов регулятивных концептов).

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов в области функциональной, структурной и когнитивной лингвистики, лингвопрагматики, дискурсивного анализа, интертекстуальности, лингвокультурологии, лингвокультурной концептологии. Исследование опирается на труды О.В. Александровой, Н.Д. Арутюновой, О.С. Ахмановой, Л.Л. Барановой, М.М. Бахтина, О.Д. Вишняковой, Я.А. Волковой, Н.Б. Гвишиани, В.М. Глушака, В.З. Демьянкова, Т.Г. Добросклонской, В.И. Карасика, И.М. Кобозевой, А.И. Комаровой, В.В. Красных, Ю. Кристевой, Е.С. Кубряковой, А.Э. Левицкого, А.А. Липгарта, И.М. Магидовой, Л.А. Манерко, Е.О. Менджеричкой, Л.В. Минаевой, А.П. Миньяр-Белоручевой, Г.Г. Молчановой, Ю.Л. Оболенской, Л.В. Полубиченко, З.Д. Поповой, А.И. Смирницкого, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал, G. Cook, J. Culler, N. Fairclough, G. Genette, M.A.K. Halliday, F. Henry, E.D. Hirsch, G. Lakoff, J.L. Mey, R. Norquist, B. Paltridge, C. Tator, T. Van Dijk и др.

Материалом исследования послужили интертекстуальные включения, репрезентирующие концепты “Civil War”, “Freedom”, “Equality”, содержащиеся в печатных текстах политической тематики в американских СМИ: речи

политических деятелей США (16), журналистские (32) и авторские (3) статьи в ведущих американских газетах и журналах (*The Atlantic*, *The Washington Post*, *The New Yorker*, *The New York Times* и др.)

Теоретическая значимость диссертации состоит в углублении теоретической базы анализа англоязычного политического дискурса, развитии методики анализа институциональных дискурсов в соотношении с дискурсом СМИ, а также в расширении представлений об интертекстуальности с учетом новых путей ее изучения как способа актуализации коммуникативно-прагматического потенциала языкового выражения концептуальных содержаний. Данное исследование является вкладом в развитие теоретических оснований изучения вербально репрезентируемых регулятивных концептов американской лингвокультуры, относящихся к ее онтологической базе и представленных на уровне интертекста, выступающего в качестве способа установления концептуальной общности адресата и адресанта в условиях политической коммуникации. Таким образом, работа вносит вклад в развитие коммуникативистики, политической лингвистики, лингвокультурологических исследований в сфере применения английского языка.

Практическая ценность диссертации определяется возможностью использования проанализированного языкового материала и методов его анализа в дальнейших исследованиях в области изучения политической коммуникации. Результаты данной работы могут найти применение в создании учебных курсов практического английского языка, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, дискурсологии, стилистики, а также в подготовке научных квалификационных проектов различных уровней.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Онтологическую базу американского политического дискурса в соответствии с ценностной шкалой лингвокультурного социума составляет ряд ключевых концептов, среди которых могут быть выделены такие, как “Civil War”, “Freedom”, “Equality”. Данные концептуальные образования могут выступать как

социально-политические понятия, одновременно реализуя свойства стоящих за ними концептов, что выявляется в ходе анализа их вербальных репрезентаций. В дискурсе печатных СМИ данные концепты представлены посредством различных языковых реализаций, в том числе на уровне интертекстуальных включений.

2. Интертекст как дискурсивное явление обладает способностью оказывать влияние на смысловое наполнение содержательной структуры текста, привнося в нее новые смыслы. В американском политическом дискурсе одним из аспектов выражения этих смыслов и, соответственно, реализации функционально-семантических особенностей репрезентируемого интертекстом концепта, является его коммуникативно-прагматическая составляющая.

3. Коммуникативно-прагматический потенциал интертекстуальных включений может использоваться в целях сближения концептуальных систем коммуникантов и, как следствие, оказания коммуникативно-прагматического воздействия на адресата. Реализация интертекстуальных включений, репрезентирующих ключевые регулятивные концепты данной лингвокультуры, способствует достижению коммуникативно-прагматических целей адресанта и, совместно со стилистическими средствами языка, оказанию воздействия на адресата, что в политическом дискурсе США может использоваться для решения задач манипулятивного свойства – корректировки картины мира и формирования определенного мировоззрения у целевой аудитории.

4. В американской политической коммуникации особо может быть выделена традиция опоры на один и тот же источник интертекста в речевых произведениях политической направленности, относящихся к разным эпохам, с целью привлечения внимания адресата к соблюдению принципов преемственности и стабильности в основных направлениях политики США и значимости концептуальных содержаний, представленных на уровне данного интертекста.

Апробация работы. Основные положения работы нашли отражение в 6 научных статьях, 4 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова, а также в разделе коллективной монографии. Результаты

исследования были представлены на 3 конференциях: Международной научно-практической конференции «От термина к дискурсу» (РТУ МИРЭА. 20-24 мая 2024 г.), Международном симпозиуме «Современная филологическая наука: достижения и инновации» (ИвГУ. 2024 г.), Международной конференции «Язык и знание: динамика когнитивных механизмов воздействия на ментальный мир человека» (РГГУ. 17-18 апреля 2025 г.).

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования. Диссертация состоит из Введения, Главы 1 «Теоретические основания изучения коммуникативно-прагматических особенностей англоязычного политического дискурса», включающей четыре параграфа, Выводов к Главе 1, Главы 2 «Концептуальные структуры “Civil War”, “Freedom”, “Equality” в составе онтологической базы американского политического дискурса и особенности их репрезентации на уровне интертекстуальных включений», состоящей из четырех параграфов, Выводов к Главе 2, Заключения, списка использованной литературы (233 наименования), списка словарей и справочных изданий, списка источников фактического материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и научная новизна исследования, определяются его объект и предмет, формулируются цели и задачи диссертационной работы, представлены методы анализа, теоретическая база, материал исследования, теоретическая и практическая значимость работы, положения, выносимые на защиту, апробация результатов исследования, общая характеристика и структура диссертации.

Глава 1 «Теоретические основания изучения коммуникативно-прагматических особенностей англоязычного политического дискурса» направлена на освещение и анализ теоретических основ диссертационной работы, представленных трудами отечественных и зарубежных ученых в таких областях, как функциональная и когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвопрагматика, лингвоконцептология, лингвостилистика, дискурсология.

Глава 2 «Концептуальные структуры “Civil War”, “Freedom”, “Equality” в составе онтологической базы американского политического дискурса и особенности их репрезентации на уровне интертекстуальных включений» посвящена анализу способов вербальной репрезентации концептуальных структур “Civil War”, “Freedom” и “Equality” в современном политическом медиадискурсе США, в первую очередь – интертекстуальных включений, на основе описанной в Главе 1 теоретической базы и применения выработанной методики исследования.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, формулируются основные результаты и определяются его перспективы.

Глава 1. Теоретические основания изучения коммуниктивно-прагматических особенностей англоязычного политического дискурса

1.1. Современный политический медиадискурс США как объект филологического исследования

Существующая взаимосвязь между языком и политической жизнью человека была описана еще в трудах древнегреческих философов. В них указывалось на природу человека как «политического животного» [Aristotle, 1984]. С лингвистической точки зрения политика выступает в качестве социальной деятельности, «в которой язык является формой ее существования, учитывая вопросы власти, агитации, пропаганды, рекламы, информативности и убеждения с ориентацией на трансляцию определенных идей, что обеспечивает эмоциональное воздействие на слушающих/читающих индивидов, побуждение их к политическим действиям, для выработки и принятия общественно-политических решений» [Левицкий, 2023, с. 179].

Впервые вопрос эффективности публичной политической речи был поднят античными риториками. Так, древнегреческий философ Аристотель в своей работе «Риторика» указывал, что способы убеждения с помощью речи кроются в характере говорящего (этос), настроении публики (пафос) и в самой речи [Aristotle, 1909]. Однако мыслитель рассматривал содержательное наполнение речи, не затрагивая ее форму и способность изменяться в процессе декламации. Риторическую эффективность и логическую целостность речей и способы их достижения описывали также представители философской школы софистики. Они выдвигали принцип построения ораторского произведения – «препон» (т.е. «должное», «подобающее»), согласно которому оратору необходимо думать об уместности своего высказывания, о соответствии стиля и содержания речи ситуации и ожиданиям аудитории [Автухович, 2003, с. 15]. Именно тогда были выдвинуты первые идеи о том, что на политический текст оказывают влияние

ситуативный, исторический и культурный контексты, а также различные характеристики участников политической коммуникации.

Учитывая всю многогранность феномена политической публичной речи, рассмотрим лишь некоторые аспекты ораторской речи, представляющиеся наиболее важными для данной работы.

Во-первых, тексты политических выступлений подлежат устному изглашению, но, как и всякое подготовленное выступление, они ориентируются на письменную речь. Выдающиеся произведения ораторского искусства древнегреческих и древнеримских ораторов дошли до нас в виде литературных текстов, а речи современных политических и общественных деятелей распространяются с помощью газет, журналов и социальных сетей. То есть применительно к изучаемому материалу устная речь на самом деле основывается на письменной и фиксируется последней. Разумеется, современные технологии позволяют прослушивать и просматривать публичные речи политиков в аудио- и видеоформате, однако стоит помнить, что печатные и цифровые издания все равно публикуют транскрипты таких речей.

В процессе подготовки и произнесения публичной речи всегда возникает внутреннее противоречие между письменной формой, ввиду заблаговременной подготовки такого выступления, и устной формой передачи информации, на которую влияет разговорная речь. Для всех выдающихся ораторов характерно использование книжных стилей и одновременно стремление к порождению живой устной речи. Для создания эффекта непринужденности ими используются разговорная лексика и фразеология, а также разговорный синтаксис: вопросительные и присоединительные конструкции, обращения и другие средства. Для того чтобы сделать речь более убедительной, ораторы нередко пользуются намеками, иронией, сарказмом, многозначительными умолчаниями, резкими оценочными суждениями, противопоставлениями, сравнениями, ремарками, «картинностью» речи, пословицами, поговорками, аллюзивными фигурами речи и другими классическими ораторскими приемами.

В этой связи интерес представляет определение ораторской речи, учитывающей данное внутреннее противоречие обсуждаемого феномена: «Это особый вид собственно литературной речи – вид, который я бы назвал в известном смысле подделкой письменной речи под устную. Такая подделка действительно необходима в той или иной степени во всех публичных выступлениях, но она ничего общего не имеет с тем случаем, когда оратор не умеет справиться со стихией устной речи или не умеет ориентироваться в должной мере на письменную» [Пешковский, 1959, с. 165]. Противоречие спонтанности устной речи и конвенциональности письменной речи было замечено и описано и в трудах более поздних авторов. Так, например, профессор Л.Л. Баранова в книге “Ontology of English Written Speech” пишет, что такое противоречие в полной мере проявляется именно в политической риторике [Баранова, 2008]. Таким образом, письменный политический текст будет включать в себя характеристики, свойственные устному тексту, тогда как устный текст будет стремиться к ограничениям, свойственным письменному тексту.

Во-вторых, политическая публичная речь, как правило, крайне экспрессивна и субъективна, при этом данные характеристики зачастую имеют ярко выраженную идеологическую окраску. Уточним, что идеологическая модальность в своей основе имеет явление общеязыковой модальности, которая «выражает как разные виды отношения высказывания к действительности (объективная модальность), так и разные виды отношения говорящего к предмету сообщения (субъективная модальность)» [Добросклонская, 2009, с. 86]. Субъективная модальность напрямую связана с оценочностью речи, при этом идеологическая модальность выделяет именно такие оценочные отношения, «которые строятся на основе определенных политических взглядов и идеологических ценностей» [Там же]. Мотивированные социальной природой языка варианты обозначения реальности могут отражать разные идеологические, ценностные и политические установки участников коммуникации [Montgomery, 1992]. Можно также сказать, что восприятие конструируемых языком вариантов окружающей действительности не всегда однозначно для всех людей. Т. ван Дейк пишет, что

события приобретают свое значение только при сообщении о них под воздействием множества социально-идеологических факторов [Van Dijk, 1998].

Включение публичных политических речей идеологической модальности объясняет появление являющегося неотъемлемой частью политической риторики феномена идеологической полисемии [Мухортов, 2014, с. 70]. Сущность данного явления раскрывается в процессе манипуляции адресантом «идеологически модальной лексикой» [Добросклонская, 2009, с. 90], которую затем разные группы адресатов истолковывают по-разному, при этом расхождение между толкованиями может быть разительным. В результате, изначально нейтральные слова могут приобретать уничижительные коннотации, которые используются политиками для стигматизации оппонентов.

Так, в 2020 году президент США Дональд Трамп назвал известного американского иммунолога доктора Энтони Фаучи «демократом» (Colson T. Trump says 'everyone knows' that Dr. Fauci is a Democrat, despite the fact that he is not a member of any party, Oct. 16, 2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.businessinsider.com/donald-trump-claims-dr-fauci-is-a-democrat-no-evidence-2020-10> (дата обращения: 28.05.2025)), намекая на его партийность и политическую предвзятость. Сама лексическая единица «демократ» в изоляции является только обозначением политической аффилиации, однако политик-республиканец использовал ее для проявления речевой агрессии по отношению к Э. Фаучи, ожидая, что среди его сторонников этот ярлык будет воспринят негативно. Можно также предположить, что такое маркирование врача-иммунолога, по задумке адресанта, приведет к тому, что высказывания и действия доктора Фаучи будут восприниматься значительной долей населения как направленные против них. Феномен идеологической полисемии может быть отчасти мотивирован политической корректностью, особенно распространенной в странах Запада. Феномен политической корректности и его влияние на политический дискурс США будет рассмотрен далее.

В-третьих, адресат политического сообщения зачастую сталкивается «с такими явлениями, как интертекстуальность (включения в текст элементов других текстов, т.е. цитат, аллюзий и т.д.), транстекстуальность (эксплицитная или имплицитная связь между текстами, например, при создании пародии), паратекстуальность (связь текста с его окружением, например, иллюстрациями, предисловием, комментариями и т.д.), метатекстуальность (связь текста с присутствующими в нем реалиями и персоналиями)» [Минаева, 2014, с. 18]. Иными словами, политическая коммуникация наполнена различными видами межтекстовых связей, которые способствуют осуществлению воздействия, убеждения, манипуляции и оценки и позволяют обозначить собственные идеологические позиции адресанта и его культурные ценности. Феномен гипертекстуальности политического текста «разрушает линейность политического текста, устанавливая его связи с другими текстами и социокультурными реалиями, что позволяет реципиенту осознать полицентричность политического дискурса» [Там же, с. 23]. Это позволяет создавать ситуации, в которых реципиент политического текста отсылается к другим текстам, личностям или реалиям, и, тем самым, создавать в его сознании целую цепь ассоциаций и образов, с помощью которых адресант способен повлиять на свою аудиторию.

В-четвертых, политическая коммуникация характеризуется ориентированностью на максимальное воздействие на реципиента, что обуславливает насыщенность политического текста персуазивной и суггестивной модальностью. Так, например, персуазивная и суггестивная модальности могут выступать в качестве средства реализации оценочного смысла заголовка к конкретному содержанию [Смирнова, 2022]. Данное суждение может быть экстраполировано не только на заголовок политического текста, но также на весь текст. Посредством персуазивной модальности реализуется воздействие текста на реципиента, тогда как «суггестивная модальность обеспечивает создание определенного желаемого эмоционального образа у реципиента» [Там же]. Для оказания воздействия на адресата политическим актором используется различная

аргументация, т.е. как абсолютная, так и сравнительная, а также аргументы, апеллирующие к личности, к разуму, к норме, к реальности [Глушак, 2017, с. 94].

Стремление воздействовать на аудиторию как можно более эффективным образом вынуждает автора политического текста адаптировать текст высказывания под адресата. А.А. Леонтьев в книге «Психология общения» затрагивает тему ориентировки в собеседнике и пишет, что «инициатор общения строит свое общение в расчете на определенную реакцию со стороны партнера» [Леонтьев, 1999, с. 200]. Исследователем выделяется множество факторов, которые влияют на так называемую «ориентировку в личности» адресата, однако в соответствии с целями настоящей работы выделим из них следующие: «2) способность коммуникатора к моделированию личностных особенностей любого собеседника, к пониманию его мотивов и целей, к моделированию его личности как целостного образования; 3) «настроенность» коммуникатора на данного собеседника, умение ориентироваться в его личности (за счет общей способности или за счет опыта общения и взаимодействия с данным человеком); 4) владение коммуникатором «техникой» моделирования внутренних особенностей личности на основе внешних признаков» [Там же, с. 203].

Многие политики прошлого подтверждали на практике актуальность данных тезисов, применительно к политической коммуникации. Например, В.И. Ленин в статье «О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы» писал следующее: «Но о республике надо уметь говорить: о ней нельзя говорить одинаково на заводском митинге и в казачьей деревне, на студенческом собрании и в крестьянской избе, с трибуны III Думы и со страниц зарубежного органа. Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой» [Ленин, 1911, с. 11-12].

Кроме того, успех политической коммуникации зависит от степени совпадения ценностной картины мира адресата и адресанта. Поэтому интеракция

невозможна без учета ценностных ориентаций общества, его культуры [Ксензенко, Менджерицкая, 2024, с. 98-99].

На использование адресантом различных средств выразительности оказывает влияние целый ряд факторов. В числе таких факторов – качественные характеристики представителей целевой аудитории, условия коммуникации и т.д. Данное утверждение справедливо в отношении любого типа коммуникации. В то же время особую значимость оно приобретает, если речь идет о массовой коммуникации [Ксензенко, Менджерицкая, 2024, с. 98]. Основываясь на данном положении, можно сделать следующий вывод: на политический текст неизбежно влияют различные дискурсивные факторы, что делает понятия «дискурс» и «политический дискурс» исключительно важными для данного исследования.

Дискурс – явление многозначное и многоаспектное, и его трактовка различается в разных областях гуманитарного знания, а также внутри самой лингвистической науки. Данный термин происходит от латинского слова “discursus”, которое изначально означало «беготня/маневр», позднее приобрело значение «беседа», а затем – «рассуждение» и «довод».

Во второй половине XX века языковеды в своих исследованиях начали выходить за рамки слов, словосочетаний и предложений и обращать внимание на взаимосвязи между ними, рассматривая текст как единое целое. Кроме того, началось изучение взаимосвязи между языком и речью, их первичности или вторичности по отношению друг к другу [Смирницкий, 1954]. Данное смещение перспективы привело к тому, что текст стал рассматриваться как «единица языка в использовании» (“a unit of language in use”) [Halliday, Hasan, 1976]. То есть текст становится текстом в ситуации реального общения, являясь ее результатом. Этот процесс общения, согласно, например, Дж. Брауну и Дж. Йулю, называется дискурсом [Brown, Yule, 1983]. Такие выводы были сделаны учеными в ходе исследований в областях психолингвистики и коммуникации.

Дихотомию «текст-дискурс» в своих работах дополнил понятием «контекст» британский лингвист Г. Кук. Он считает, что текст не может

существовать в изоляции от контекста, и отделить его от контекста можно только искусственно в исследовательских целях [Cook, 1989]. Так, в книге “Discourse” автор определяет два типа языка: абстрактный и искусственно созданный тип, который используется для преподавания и исследований, и тот тип языка, который используется для общения и донесения информации [Там же]; в связи с этим дискурс определяется исследователем как “text and context together, interacting in a way which is perceived as meaningful and unified by the participants” [Cook, 1992, p. 2].

Российские ученые-лингвисты Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова провели четкую границу между текстом и дискурсом: «Текст – это прием, абстрактная формальная конструкция. Дискурс же – это разные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами... Текст – это готовая данность, которая может изучаться в своей завершенности, КОНЕЧНОСТИ, тогда как дискурс всегда должен изучаться скорее как ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ ТЕКСТОВ со своими отличительными особенностями» [Кубрякова, Александрова, 1999, с. 189-195].

Канадские лингвисты Ф. Генри и К. Тэтор определили дискурс следующим образом: “Discourse is the way in which language is used socially to convey broad historical meanings. It is language identified by the social conditions of its use, by who is using it and under what conditions. Language can never be 'neutral' because it bridges our personal and social worlds” [Henry, Tator, 2002, p. 25]. Иными словами, дискурс включает в себя многие экстралингвистические факторы, не касающиеся текста как такового: контекст ситуации общения, статус, состояние и взгляды участников коммуникации, а также общие условия, в рамках которых происходит коммуникативный акт. Подобные сведения «представляют собой информацию, которая отражает различные социальные традиции общества, исторические и культурные факты жизнедеятельности народа и так далее» [Попова, 2024, с. 200]. Отсутствие экстралингвистической информации у участников коммуникации «может в значительной степени осложнить общение» [Там же]. Заметим также,

что именно такие факторы обеспечивают «формирование и понимание конкретных смыслов в процессе общения» [Болдырев, 2012, с. 39].

Важность социокультурного контекста для анализа дискурса подчеркивалась и зарубежными учеными [Stubbs, 1983]. С точки зрения критического дискурс-анализа дискурс может быть описан как «форма общественной практики» [Fairclough et al., 2011], что позволяет включать в понятие дискурса не только вербализованный текст, но и различные внеязыковые факты. Таким образом, дискурс не только формирует вербальный и невербальный контексты, но также и формируется ими.

В отечественной лингвистике широкую известность получила определение Н.Д. Арутюновой, которая определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» или, образно выражаясь, «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова, 1998, с. 137]. Важность отчетливо выраженного социального содержания подчеркивается также в следующем определении, где дискурс представляется «текстом, погруженным в ситуацию общения» [Карасик, 2000, с. 5]. Факторы, выведенные Н.Д. Арутюновой в качестве неотъемлемых составляющих дискурса, определяются А.П. Чудиновым как преимущество такого подхода, так как «дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний» [Чудинов, 2006, с. 40].

Дискурс формируется ситуативным, институциональным и социальным контекстами, а также взаимодействием людей в рамках этих контекстов [Reisigl, Wodak, 2005]. Таким образом, дискурс не только порождает смыслы внутри социума, но также выполняет регулятивную функцию, затрагивая в том числе и регулирование их толкования представителями этого социума [Hodges, 2018, p. 673]. В то же время сами участники социальных интеракций дискурсивно конструируют «объекты познания, ситуации, социальные роли, а также

идентичности и межличностные отношения» [Wodak et al., 2009, p. 8]. Сама же социальная реальность является концептуально опосредованной и не может существовать без различных интерпретаций и толкований [Fairclough, 2012]. Тексты тем самым конструируют идентичности и одновременно закрепляют их [Fairclough, 2013]. Иными словами, представители социума в рамках того или иного дискурса взаимодействуют друг с другом, формируя различные ситуации и их характеристики. Процесс интерпретации людьми этих характеристик, в свою очередь, обусловлен самим дискурсом. На интерпретативный характер дискурса указывает В.З. Демьянков: «Дискурсом называют текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора. Расплывчатая семантика языка способствует гибкому внедрению в чужое сознание: новый взгляд модифицируется <...> под влиянием системы устоявшихся мнений интерпретатора, а заодно и меняет эту систему» [Демьянков, 2002, с. 32].

Описание и анализ дискурса как явления затрудняется его динамической природой, где он представляет собой «интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение их коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания» [Карасик, 2000, с. 5]. Данное определение позволяет рассматривать дискурс как «речемыслительную деятельность» [Красных, 1998, с. 190] или «отражение мышления средствами конкретного языка» [Менджеричкая, 1999, с. 13]. Такая деятельность обладает как лингвистическим (вербальная составляющая коммуникации), так и экстралингвистическим планами (конситуация, то есть контекст в самом широком его понимании) [Красных, 2008, с. 53].

Все вышесказанное в определенной мере затрудняет четкое обозначение границ и объема дискурса как такового. С одной стороны, дискурс в контексте может состоять всего лишь из нескольких слов, например, дорожный знак “STOP”

или табличка “no smoking”. С другой стороны, дискурс может включать в себя тысячи слов, например, романы. Однако стандартный объем дискурса как правило находится между приведенными крайностями [Hinkel, Fotos, 2001].

Подытоживая описание сущности дискурса, мы, вслед за Б.М. Гаспаровым, обозначим следующие составляющие дискурса: «1) коммуникативные намерения автора, 2) взаимоотношения автора и адресатов; 3) всевозможные “обстоятельства”, значимые и случайные; 4) общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано; 5) жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается; 6) множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия» [Гаспаров, 1996. с. 10]. Иными словами, дискурс может пониматься как «передача когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через посредство текста в его лингвистическом воплощении и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации» [Менджерицкая, 2006, с. 55]

Далее рассмотрим особенности политического дискурса и политического медиадискурса, выявленные и описанные как отечественными, так и зарубежными исследователями.

При восприятии дискурса как текста, помещенного в конкретную коммуникативную ситуацию, политический дискурс может определяться как особые события или практики, в которых цели, задачи и функции исключительно или преимущественно имеют политическую природу. Важность для анализа представляют три аспекта таких практик: участники, природа и контекст того или иного политического события. С точки зрения Т. ван Дейка особое внимание должно уделяться именно контексту и природе тех или иных политических событий [Van Dijk, 1997].

Отечественные языковеды также понимают политический дискурс как всю совокупность «речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также

правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич, 1991, с. 6]. Кроме того, политический дискурс может интерпретироваться как объект лингвокультурологического изучения [Шейгал, 2005, с. 5] или как «вторичная языковая подсистема, обладающая определенными функциями, своеобразным тезаурусом и коммуникативным воздействием» [Воробьева, 2000, с. 9]. В данной работе за основу принимается определение политического дискурса, данное Е.И. Шейгал, которая представляет данный тип дискурса как «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [Шейгал, 2004, с. 23].

Как знаковое образование политический дискурс обладает реальным и виртуальным измерениями, «при этом в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [Шейгал, 2004, с. 5]. В связи с этим приведенное выше определение может быть дополнено следующим соображением: в понятие политического дискурса следует включить также различные невербальные факторы, порождаемые участниками политической коммуникации. При этом заметим, что «невербальная коммуникация и коммуникация вербальная настолько тесно связаны, что практически невозможно рассматривать их по отдельности, особенно в случае межличностного общения» [Баранова, 2024, с. 142].

Говоря о содержательной стороне политического дискурса, стоит также упомянуть семантическую триаду, включающую следующие составляющие: «формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция), борьба с противником (агрессия как проявление агональности)» [Шейгал, 2005, с. 61]. Значимы также трансформации знаков внутри данной триады, когда стилистически нейтральные

специализированные знаки ориентации – т.е. наименования политических институтов и ролей, имена политиков, а также терминология из других сфер человеческой жизни – как общего, так и специализированного характера под воздействием дискурсивных факторов подвергаются движению «от информатики к фатике, т.е. превращение знаков ориентации либо в знаки интеграции (приобретение идеологической коннотации «свои» и положительной эмотивности), либо в знаки агрессии (приобретение идеологической коннотации «чужие» и отрицательной эмотивности) [Шейгал, 2005, с. 62]. Такое движение также дает возможность более полно понять описанное ранее явление идеологической полисемии. Интересно отметить, что подобные процессы могут наблюдаться в других дискурсах, также ориентированных на максимальное воздействие на адресата, например, в PR- дискурсе [Сергиенко, 2021; Minyarg-Beloroucheva, Sergienko, 2021].

Определенную трудность при описании политического дискурса создает неоднозначность понятия «политика». Так, С.Н. Плотникова в своих работах отталкивается от того, что само это понятие может толковаться как в узком, так в и широком смысле, что приводит к выводу о существовании двух типов политического дискурса: дискурс политиков и дискурс реагирования [Плотникова, 2009]. С одной стороны, дискурс политиков институционален и включает политику в узком понимании, т.е. это исключительно профессиональная сфера деятельности. С другой стороны, дискурс политики – это публичная реакция на дискурс политиков, и, соответственно, политика воспринимается в своем широком понимании и имеет непрофессиональную природу. Немного иначе к данному вопросу подходит О.В. Корф, чья классификация основана на выявлении характеристик акторов (адресанта и адресата) политической коммуникации и ситуации, а также характера связи. Выделяются профессионально-политический, внутривнутриполитический, политико-агитационный, политико-бытовой и медиа-политический субдискурсы [Корф, 2009, с. 16].

Из вышесказанного можно сделать два основных вывода. Первый вывод заключается в том, что политический контекст создается всеми участниками политического процесса, в том числе политическими обозревателями, представителями СМИ и общественных организаций, а также так называемыми лидерами общественного мнения. Следовательно, анализ политического дискурса должен включать в себя рассмотрение не только текстов, порожденных профессиональными акторами политического процесса, но также и тех текстов, которые появляются в медиа и социальных сетях как реакция на слова и действия политиков.

Кроме того, политический дискурс в широком смысле (то есть «дискурс политики» или «медиа-политический субдискурс») сближается с медиадискурсом за счет того, что политический дискурс, как дискурс институциональный, может быть представлен в текстах печатных СМИ. В настоящей работе анализ проводится на материалах, представленных в рамках данного пересечения, которое будет именоваться политический медиадискурс.

Обратимся к определениям. Так, некоторые исследователи подчеркивают тематическую близость текстов, где медиадискурс представляется как «тематически сфокусированная, социокультурно обусловленная речемыслительная деятельность в масс-медийном пространстве» [Кожемякин, 2010, с. 14]. Другие исследователи фокусируются на различных экстралингвистических факторах, где медиадискурс определяется как «вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой информации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина, 2004, с. 132]. Приведем также определение, данное Т.Г. Добросклонской: «медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в

сфере массовой коммуникации во всём богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2008, с. 153].

В данной связи обратим внимание на внутреннее деление медиадискурса, в котором особый интерес представляет публицистический медиадискурс. Такой фокус внимания обусловлен тем, что публицистический медиадискурс – это «воздействующий тип дискурса, текст любой тематики, но обязательно имеющий политико-идеологический модус формулирования текста» [Клушина, 2008, с. 36]. Иными словами, данный субдискурс наиболее близок к рассматриваемой в представленной работе политической коммуникации благодаря ориентированности на воздействие на адресата, а также присущей ему политико-идеологической окраске.

Подчеркнем, что медиадискурс – «сообщение в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации» [Добросклонская, 2006, с. 22], что означает необходимость при анализе принимать во внимание различные экстралингвистические факты, связанные с «особенностями создания медиасообщения, его получателя, обратной связи, культурнообусловленных способов кодирования и декодирования, а также социально-исторического и политико-идеологического контекста» [Там же, с. 23]. Актуальность такого подхода к рассмотрению медиадискурса позволяет выделить параметры медиадискурса «в соответствии с когнитивными установками адресата (т.е. идеологической направленностью того или иного текста, теми идеями и отношением, которые в нем заложены), характеристиками целевой аудитории, на которую этот текст направлен, и, наконец, лингвистическими и экстралингвистическими стратегиями подачи информации, представленными непосредственно в тексте» [Менджеричкая, 2006, с. 54]. Работы, посвященные анализу отдельных изданий печатных СМИ, демонстрируют адекватность такого подхода [Менджеричкая, 1999, с. 17].

Анализ медиадискурса не представляется полным без рассмотрения некоторых особенностей таких понятий, как «медiateкст» и «медиафера». Так,

исследователи подчеркивают сложность медиатекста, представляющего собой «совокупность вербальных и медийных признаков», которые, в свою очередь, «образуют единое целое и приобретают черты объемности и многослойности» [Добросклонская, 2006, с. 24]. Медиафера, при этом, является средой, «в которой не просто распространяется информация и осуществляется коммуникация, но благодаря новым техническим изобретениям и возможностям меняется сама парадигма подачи и восприятия новостей, а также способы взаимодействия участников этого процесса» [Ксензенко, Менджерицкая, 2021, с. 101]. В данной связи исследователями подчеркивается интерактивный характер процессов внутри этой среды [Там же].

Для определения смежного политическому массмедийного дискурса Т.Г. Добросклонская предлагает комбинировать функциональный подход, где учитывается взаимосвязь речеупотребления с той или иной сферой человеческой жизни, и тематический подход, при котором необходимо группировать как устные, так и письменные тексты в соответствии с поднимаемыми в них темами [Добросклонская, 2015, с. 47].

На основе вышеизложенного попытаемся предложить, опираясь на труды Т.Г. Добросклонской, Е.О. Менджерицкой, В.В. Красных, собственное определение политического медиадискурса, которым воспользуемся в данной работе. Политический медиадискурс – это тот аспект речемыслительной деятельности человека, который по своему содержанию отражает политическую тематику и зафиксирован в виде текстов, представленных в средствах массовой информации. При этом такая деятельность имеет прямую связь с различными языковыми, экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными и прочими факторами.

Стоит отметить, вслед за некоторыми исследователями, что политический дискурс, а также политический медиадискурс, представленный на уровне текстов, неоднороден в лексическом плане, так как для него «характерна не только общеполитическая лексика, состоящая в первую очередь из так называемых

политических терминов и идеологием, но и терминология других областей знания: экономики, юриспруденции, государственной безопасности и обороны и проч.» [Полубиченко, Михайловская, 2017, с. 123]. Подобная неоднородность может быть связана как с тем фактом, что домен политики затрагивает практически все сферы жизни человека, так и с тем, что участниками становятся непрофессионалы, то есть люди, не владеющие в полной мере вербальным инструментарием политики.

Подобное включение в профессиональный дискурс внешних элементов наблюдается в другом институциональном дискурсе – деловом. Так, исследователи указывают на логичность включения литературного жанра “business fiction” в сферу делового дискурса на основании увеличивающегося взаимодействия мира делового общения с другими областями жизни человека, в данном случае с вымышленными мирами, создаваемыми авторами «с опорой на опыт работы в рамках того или иного бизнес-предприятия» [Назарова, 2019, с. 95]. Подобные процессы наблюдаются также при анализе политического медиадискурса, в котором происходит соприкосновение узкопрофессионального мира политики с миром журналистики и бытовой жизни.

Напомним, что политическая коммуникация по своей природе является образцом речевых актов, маркированных высокой степенью оценочности, экспрессивности и ориентированных на максимально эффективное убеждение адресата. Так, исследователи массово-информационного дискурса указывают на то, что дискурс подобного рода может преследовать следующие цели: информирование, воздействие и развлечение. При этом, особую важность приобретают именно две последние [Ксензенко, Менджерицкая, 2024, с. 90]. Данное свойство характерно в том числе и для политического медиадискурса, чья задача «не просто описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Демьянков, 2002, с. 33]. Следует напомнить также о персуазивной и суггестивной модальностях, уже описанных ранее, которые определяют направленность

политической коммуникации «на утверждение точки зрения автора убеждающего текста, в том числе и противоположной или заведомо не принятой обществом, побуждение его к определенным мыслям и действиям или же снижение уровня критического восприятия» [Сергиенко, 2018, с. 165].

Подобное описание характерно для любого национального политического медиадискурса, однако стоит отметить, что политический медиадискурс США обладает своими уникальными чертами, для понимания которых необходимо рассмотрение ключевых, на наш взгляд, особенностей американского общества и сложившейся в ходе развития американского государства политической культуры США:

- разнородность современного американского общества;
- роль политической корректности;
- высокая степень религиозности общества;
- политическая культура, сконцентрированная на себе.

Американское общество характеризуется высокой расовой, этнической, религиозной и культурной социальной разнородностью. Достаточно большая часть современных американцев – это иммигранты или потомки иммигрантов в первом или втором поколении, которые не осведомлены о различных тонкостях американской истории, культуры и традиций. Более того, в настоящее время в стране увеличивается число людей, для которых английский не является родным языком. В этой связи стоит отметить плюрицентричность и мультикультурность современного английского языка, когда разные его варианты способны «выражать культуру их пользователей» [Прошина, 2023, с. 188]. При этом даже внутри общности американцев, чьим родным языком является американский вариант английского языка, может наблюдаться относительная неоднородность, обусловленная историческими и географическими различиями в культурах, и, следовательно, в картинах мира [Вишнякова, Скурихина, 2011; Вишнякова, 2013]. Подобное разнообразие не может не приниматься во внимание политиками, чьей целью является повлиять на как можно более широкую аудиторию. Актуальность

так называемой «культурной безграмотности» (“cultural illiteracy”) [Hirsch, 2002] для американского политического дискурса значительно выше, чем для более этнически и культурно однородных англоговорящих сообществ. Этот фактор вынуждает американских политиков упрощать свои речи как в лексико-грамматическом, так и в стилистическом аспектах.

Кроме того, такая разнородность повышает внимание политических акторов к следованию правилам политической корректности, возникшей в американской политической культуре и ставшей ее неотъемлемой частью. Политическая корректность (политкорректность/ПК) – это в своей основе обеспокоенность тем, чтобы избегать определенных мнений, действий и, что наиболее важно, форм выражения, которые могут подразумевать предрассудки и оскорбление [Баранова, 2013]. Гетерогенность американского общества обуславливает необходимость выражать свои мысли и идеи таким образом, чтобы не оскорбить ту или иную группу населения. Интересно, что политкорректность может иметь идеологическую и институциональную окраску.

Например, политика запрета аборт в США может называться различно, в зависимости от того, к какому лагерю причисляет себя говорящий. “Pro-life policy” (т.е. политика в защиту жизни) означает поддержку данной политики и в большинстве случаев указывает на сторонника Республиканской партии, тогда как “anti-choice policy” (т.е. политика против выбора) будет указывать на противника такой политики и сторонника Демократической партии [Там же].

Третьим аспектом является высокая степень религиозности подавляющего числа американцев. США во все периоды своей истории были очень религиозной страной, и большая часть американцев так или иначе принадлежит к различным ветвям протестантизма (Smith G.A. et al. Decline of Christianity in the U.S. Has Slowed, May Have Leveled Off. [Электронный ресурс] <https://www.pewresearch.org/religion/2025/02/26/decline-of-christianity-in-the-us-has-slowed-may-have-leveled-off/> (дата обращения: 28.05.2025)). Христианство играет большую роль как в политической, так и общественной жизни США. По этой

причине религиозные тексты оказывают сильное воздействие на то, как политические тексты создаются и произносятся, а аллюзии религиозного характера являются часто используемым инструментом в арсенале американских политиков.

В 2014 году был проведен анализ американских политических речей на основе словаря Cambridge International Dictionary of English (CIDE) [Минаева, 2014]. В своей работе автор сравнивает материалы американского и британского политических дискурсов, а также источники аллюзивных материалов, которые используют политики этих стран. Анализ показал, что цитаты из Священного Писания занимают намного более значимое место в речах американских политиков по сравнению с британскими. Количество библейских аллюзий по сравнению с общим числом аллюзий в речах американских политиков составило 12%. Схожие результаты показывали и другие исследования [Левенкова, 2008].

В ходе анализа данных CIDE можно обнаружить еще одну важную деталь. В сравнении с британцами, американские политики, как правило, ссылаются на видных политических деятелей собственной страны намного чаще. Более того, процент таких аллюзий составляет 50%, тогда как политики других стран занимают лишь пятое место с намного меньшим числом упоминаний. Второе место по частотности упоминаний занимают отсылки к рядовым гражданам США, что составляет 17%. Из этого можно сделать вывод, что американская политическая культура необычайно сконцентрирована на самой себе.

Ожидаемым итогом такой сконцентрированности на себе является то, что американский избиратель мало осведомлен о политических деятелях других стран. Так, в ходе президентских выборов в США 2016 года Дональд Трамп придумал прозвище для своего оппонента, Хиллари Клинтон, которое являлось аллюзией на бывшего федерального канцлера ФРГ Ангелу Меркель и ее провальную и неконтролируемую миграционную политику. Однако, как показано в исследовании О.Д. Вишняковой, подобная попытка не возымела успеха. Большинство американцев не знали, кто такая Ангела Меркель и не были

информированы о миграционном кризисе в Европе. Данная ситуация способствовала созданию когнитивного диссонанса у целевой аудитории кандидата в президенты [Вишнякова, 2017]. Очевидно, что подобное не может быть объяснено незначительностью фигуры или события.

Следует отметить, что характерные свойства политического медиадискурса США являются прямым и закономерным продолжением вышеописанных особенностей американской политической культуры и современного американского общества. Среди таких свойств можно выделить следующие:

- ориентированность политических текстов на сложное синтаксическое оформление, при использовании достаточно простой лексики;
- использование в политических текстах прозвищ как оценочных средств;
- идеологизированность интерпретации средств репрезентации концептов;
- институциональные различия как результат межпартийной борьбы двух ведущих политических партий.

Многие исследователи американского политического медиадискурса отмечают ярко выраженную тенденцию американских политиков использовать более простое лексическое содержание речей и использовать более сложное синтаксическое оформление. Принимая во внимание разнородность общества, адресанту необходимо адаптировать манеру донесения своего высказывания под как можно более широкую аудиторию и использовать сложные синтаксические средства для эффективного достижения своих коммуникативных целей.

Так, данная тенденция была отмечена при анализе речей Билла Клинтона и сравнении их с речами Барака Обамы [Мухортов, 2015]. В анализируемых текстах, произнесенных 42-ым президентом США, наблюдается обилие анафор, параллельных конструкций и повторений в речах, при этом исследование продемонстрировало, что параллельные конструкции являются отличительной чертой американского президентского дискурса как такового [Там же]. Отметим

также, что проведенный учеными количественный анализ при исследовании политического дискурса на материале в том числе и английского языка продемонстрировал, что различные синтаксические средства составляют половину всех используемых средств выражения экспрессии [Курбакова, Куклева, 2023, с. 292].

Можно высказать предположение, что религиозность общества – которая в политической жизни США часто становится своеобразным имиджевым активом и носит демонстративный характер – также влияет на особое внимание американских политических деятелей к синтаксическому оформлению своих речей. Политики стараются имитировать манеру проповеди, распространенную среди баптистских священников, которую можно охарактеризовать как монотонную и наполненную различными синтаксическими средствами.

В этой связи представляет интерес статья “How Obama Does That Thing He Does. A professor of rhetoric cracks the candidate’s code”, в которой говорится о том, что после речей Барака Обамы люди не помнят точно, что было сказано, но при этом переполнены счастьем и оптимизмом (Shafer J. How Obama Does That Thing He Does [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/press_box/2008/02/how_obama_does_that_thing_he_does.html(дата обращения: 28.05.2025)). Автор статьи приводит следующие слова Джорджа Паркера: “the speech dissolved into pure feeling, which stayed with me for days” [Там же]. Такое описание похоже на эффект от религиозных церемоний, когда на людей воздействуют эмоционально, а не рационально. Предположительно, особое синтаксическое оформление речей помогало Бараку Обаме достичь подобного «религиозного» эффекта.

Для американской политической традиции типично также давать политическим деятелям прозвища. Можно вспомнить такие прозвища, как “Father of the Nation” («Отец Своей Страны») – Джордж Вашингтон; “Honest Abe” («Честный Эйб») – Авраам Линкольн; “The Apostle of Democracy” («Апостол Демократии») – Томас Джефферсон; “The Phrasemaker” («Фразёр») – Вудро

Вильсон, и это далеко не полный список. В большинстве случаев подобные прозвища становятся частью фольклора, чье авторство неизвестно, и служат оценивающим средством, зафиксированным в коллективной памяти народа. Однако некоторые политики используют такие средства для уничтожения оппонентов и одобрения сторонников. Присваивание прозвищ становится одним из ключевых черт риторики некоторых американских политиков, таких как Джордж Буш или Дональд Трамп [Вишнякова, 2017]. Присвоение броских и запоминающихся прозвищ, напоминающих в какой-то мере клички борцов-рестлеров или названия товаров массового потребления, приводит к тому, что американская политическая жизнь со стороны может казаться грандиозным телевизионным шоу. Запоминающиеся фразы и остроумные прозвища привлекают внимание миллионов людей, развлекают их и служат своеобразным оценочным средством.

Стоит сказать, что упомянутая ранее идеологическая полисемия может вызывать изменчивость содержательной стороны различных концептуальных структур, находящихся свою реализацию как в устных, так и письменных политических текстах. Единожды произнесенная фраза может быть изменена и использована против своего создателя.

В своей инаугурационной речи Д. Трамп обещает гражданам США изменения и заявляет: “This American carnage stops right here and stops right now” (Read Donald Trump’s Full InaugurationSpeech [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://abcnews.go.com/Politics/full-text-president-donald-trumps-inauguration-speech/story?id=44915821> (дата обращения: 28.05.2025)). Перед этим он перечислил отрицательные стороны жизни в США, включая «бедность внутренних городов», «проржавевшие фабрики», неэффективную «систему образования, утопленную в деньгах» и высокий уровень преступности [Там же]. Все перечисленные проблемы называются оратором “the American carnage” («Американская резня»), которую он пообещал прекратить. Очевидно, агональная функция фразы “the American carnage” заключалась в очернении предыдущей

администрации и, соответственно, всей Демократической партии. Затем фраза была использована в названии книги Тима Алберты, политического корреспондента издания “Politico”, “American Carnage. On the Front Lines of the Republican Civil War and the Rise of President Trump” [Alberta, 2019]. Книга описывает метаморфозы Республиканской партии и ее эволюцию от консерватизма до движения MAGA (Make America Great Again) и трампизма. Через год эссе “American Carnage. Donald Trump and the collapse of the Union”, опубликованное в интернет-издании “The Monthly”, обращается к тому же высказыванию бывшего президента. Статья посвящена критике работы администрации Д. Трампа. Также в ней выражены опасения по поводу дальнейшего разделения американского общества и возможности переизбрания Д. Трампа (Watson D. American Carnage. Donald Trump and the collapse of the Union [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.themonthly.com.au/issue/2020/july/1593525600/don-watson/american-carnage#mtr> (датаобращения: 28.05.2025)). Политические оппоненты изменили ассоциации и смыслы, стоящие за концептом, и фраза превратилась в средство борьбы с самим автором высказывания. Подобное развитие, вне всякого сомнения, не было тем, чего изначально добивался оратор.

Обращение к феномену интерпретации может объяснить природу подобных метаморфозы. Интерпретация в науке может трактоваться как метод, подчеркивающий важность понимания намеренных действий человека [Jary, Jary, 1991, p. 325]. Также подчеркивается, что интерпретация как таковая определяется осознанием того, что любое утверждение о социальном мире обязательно связано с любым другим [Там же]. Таким образом, необходимо отметить, что в процессе интерпретирования объект или явление понимаются в своей взаимосвязи с другими объектами или явлениями, то есть принимаются во внимания социокультурный контекст или фоновые знания индивида. Вместе с тем любой акт интерпретации зависим от контекста, так как любое высказывание обретает смысл только в контексте конкретной ситуации интерпретирования [Демьянков, 1999, с. 11]. Вначале концептуальная структура “American Carnage”

ассоциировалась и, соответственно, интерпретировалась как словесное нападение на администрацию, предшествующую президентству Д. Трампа. Однако либеральные журналисты изменили контекст, добавив новые ассоциации и «закрепив» фразу за другими реалиями. Таким образом было изменено то, как большинство американцев понимали и интерпретировали данное высказывание. В результате данное словосочетание стало характеризовать президентский срок Д. Трампа, а не время правления администрации Барака Обамы, как было задумано изначально.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что современный американский политический медиадискурс представляет собой собрание письменных текстов и сопряженных с ними невербальных и внеязыковых фактов, а также контекстов, которые так или иначе относятся к сфере политики и зафиксированы в текстах печатных СМИ. Отметим также, что представленная работа основывается на широком понимании политики, то есть в анализ включены материалы СМИ и социальных сетей, которые являются общественной реакцией на политические события и заявления профессиональных политиков.

1.2. Концепт как ключевая единица лингвокультуры

Изучение политического дискурса и политических текстов, составляющих его содержательное наполнение, требует обращения к области концептуального анализа [Глушак, 2017, с. 93]. В этой связи обратимся к данной сфере исследования и рассмотрим феноменологию культурного концепта, являющегося одним из ключевых понятий лингвокультурологии.

Напомним, что лингвокультурология – это «лингвистическое знание, концепция, учение о языке, культуре и личности» [Воробьев, 2015, с. 225]. Ее целью можно назвать постижение культуры через язык, а не наоборот (что отличает лингвокультурологию от лингвострановедения) [Воркачев, 2010, с. 5]. По мнению исследователей, главной целью лингвокультурологии является «извлечение» посредством анализа языковых знаков как можно большего количества лингвокультурно значимой информации как для универсальной, так и

для уникальной объективации концептов двух и более языковых сообществ [Mizin, Korostenski, 2019]. Следует отметить, что параллельно с «лингвокультурологией» существует понятие *Cultural linguistics* «культурная лингвистика», которая в настоящее время особенно распространена в трудах западных исследователей. Впервые термин появился в монографии Я. Анушиевича [Anusiewicz, 1995], однако ни в англоязычной, ни в русскоязычной науке его идеи широкого распространения не получили, так как сама монография была написана на польском языке и на другие языки не переводилась. По этой причине первенство в создании термина многие исследователи отдают Дж. Палмеру [Palmer, 1996]. Данная дисциплина изучает взаимосвязи между языком, культурой и процессом концептуализации [Palmer, 1996; Sharifian, 2003]. Стоит также отметить, что процесс глобализации в языковом плане ведет к обратному результату, а именно языковой фрагментации, что, как утверждают исследователи, является актуальным вопросом в том числе и для данной области науки [Прошина, 2023, с. 109]. Данный факт также приводит к фрагментации языковой объективации окружающей действительности представителями разных языковых сообществ, что в свою очередь может порождать различия в интерпретации смежных, как кажется на первый взгляд, концептов в разных лингвокультурах.

Основной эвристической единицей лингвокультурологии является концепт (культурный, лингвокультурный), который, «при любом толковании, сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, «погружённого» в культуру и язык» [Воркачев, 2011, с. 64].

Существует множество различных подходов к изучению понятия «концепт». Так, в монографии «Концепт “ум” в русской лингвокультуре» Е.В. Дзюба выделяет логическое (представителями которой являются Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, Р.И. Павилёнис и др.), когнитивное (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.), когнитивно-дискурсивное (А.Н.

Баранов, В.З. Демьянков, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.) и лингвокультурологическое направления.

В рамках логического направления концепт представляется логической единицей языка, общим для всех понятием. Объектом исследования являются языковые концепты, изучение которых происходит на основе данных естественного языка. Ученые, разрабатывающие когнитивное направление, изучают вопросы концептуализации и категоризации, природы и структуры концепта, типы концептов, способы представления знания и т.п., на материале национальных языков, лексико-фразеологического поля слов-концептов, данных ассоциативных экспериментов. Представители Воронежской лингвистической школы (например, З.Д. Попова и И.А. Стернин) обозначают свое направление как семантико-когнитивное, изучающее «соотношение семантики языка с концептосферой народа» [Попова, Стернин, 2006, с. 13]. В рамках когнитивно-дискурсивного направления исследуются речевые произведения публицистического характера. Объектами исследования являются концептуальные структуры в разных видах дискурса (научного, педагогического, политического и т.д.).

Лингвокультурологическое направление можно разделить на два подтипа в зависимости от объекта исследования. Во-первых, это изучение лингвокультурных концептов/лингвокультурологем (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, М.В. Пименова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и др.) на материале национальных языков – произведений фольклора, паремического фонда, произведений национальной литературы. Во-вторых, в отдельную область можно выделить изучение художественных текстов поэтического, драматургического и прозаического характера (Н.С. Болотнова и представители Томской школы, В.А. Пищальникова и др.).

Ю.Е. Прохоров пишет о базовом принципе, который разграничивает два основных подхода к изучению концепта: «В рамках лингвокультурного подхода концепт понимается как единица культуры, фиксирующая коллективный опыт

носителей языка и познаваемая человеком. Лингвокогнитивный подход определяет концепт как некое ментальное образование в сознании человека, позволяющее познать коллективный культурный опыт носителей языка» [Прохоров, 2008, с. 90].

Необходимо также рассмотреть термины «концепт» и «понятие», которые, в ряде исследований выступают как синонимы. Важно подчеркнуть, что концепт в отличие от понятия «переживается», включая в себя «не только логические признаки, но и компоненты научных, психологических, авангардно-художественных, эмоциональных и бытовых явлений и ситуаций» [Степанов, 2007, с. 5]. Это означает, что любой концепт, в отличие от понятия, имеет эмоционально-оценочную составляющую, так как образы, стоящие за концептом, реализуются сквозь призму индивидуального или коллективного восприятия.

Затронем также вопрос классификации концептов. Принято выделять параметрические и непараметрические концепты, где первые позволяют с помощью категорий сопоставлять реальные характеристики объектов. Исследователи полагают, что параметрические концепты универсальны и имеют общечеловеческую природу, а также лишены изначального оценочного компонента. В свою очередь непараметрические концепты подразделяются на регулятивные и нерегулятивные [Карасик, 2005, с. 97-98]. Регулятивные концепты, представляющие основной интерес для данной работы, в своем «концентрированном виде содержат оценочный кодекс той или иной лингвокультуры» [Там же]. Особую значимость для данной работы концепты-регулятивы приобретают ввиду того факта, что зачастую они представлены именно в прецедентных текстах [Слышкин, 2002]. Отмечается, что «члены категории регулятивности, репрезентируемой культуроспецифическими концептами в том или другом социуме, обладают такими общими свойствами, как наличие предметного содержания, соединяющего общественно значимые (коллективные) смыслы и культуру общества, явно выраженный аксиологический компонент, обуславливающий специфику ценностных ориентиров и этических

норм, позволяющий эксплицировать культурные и лингвокультурные доминанты поведения в данном обществе» [Пашутина, 2009, с. 42].

Таким образом, многие исследователи подчеркивают связь концептов с лингвокультурой, что позволяет нам опереться на определение, данное Ю.С. Степановым, согласно которому концепт является «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 1997, с. 40]. В.И. Карасик и соавторы, подчеркивая этническую и национальную детерминированность концепта, пишут: «если можно по зубу восстановить динозавра, то по концепту, который системно связан со всеми другими концептами в рамках соответствующей лингвокультуры, можно вывести систему ценностей этой лингвокультуры» [Карасик, Прохвачева, 2007, с. 7].

Рассмотрим подробнее важную для данной работы триаду «культура – язык – мышление». Как указывают исследователи, язык признается «основой национальной самоидентичности, отраженной в национальных культурных кодах» [Оболенская, 2024, с. 20]. В свою очередь декодирование и анализ национальных культурных кодов вне языка невозможны [Оболенская, 2020].

Исследователи описывают тесную взаимосвязь культуры и концептов следующим образом: «Человек пронцаем для культуры, более того – он пронизан культурой. И если уж представлять себе это состояние в виде какого-либо образа, то не следует вообразать себе культуру в виде воздуха, который пронизывает все поры нашего тела, – нет, это «пронизывание» более определенное и структурированное: оно осуществляется в виде ментальных образований – концептов» [Степанов, 1997, с. 42-43]. При этом концепт не только служит инструментом проникновения культуры в ментальный мир человека, но также является средством вхождения человека в культуру и влияния на нее [Степанов, 1997]. Обозначенная взаимосвязь концептов с областью культуры определяет культурную обусловленность как коллективного, так и индивидуального процесса концептуализации информации.

В этой связи нельзя не отметить «общественный характер концепта как культурно значимого явления» [Бабаян, 2021, с. 241]. По этой причине понятие «концепта» вне зависимости от трактовок так или иначе имеет отношение к этнокультурным, социокультурным и лингвокультурным реалиям [Там же]. Концепт как когнитивная единица является частью языковой картины мира культурно-языкового коллектива и способствует структурированию и систематизации окружающей действительности [Степанов, 1997; Карасик, Прохвачева, 2007; Лебедева, 2005]. Такая коллективная природа понятия «концепт» заставляет исследователей, анализирующих феномен концепта, обращаться к явлению коллективной памяти, носителем которой оказываются представители той или иной группы людей (как правило, национальной).

Немецкий ученый А. Ассман достаточно детально описывает процесс накопления коллективного опыта и формирования на его основе концептов: «...коллективная память превращает ментальные образы в иконы, а нарративы становятся мифами, важнейшими свойствами которых является убедительная сила и мощное аффективное воздействие. Подобные мифы отделяют исторический опыт от конкретных условий его формирования, преобразуя его во вневременные повествования, которые передаются от поколения к поколению» [Ассман, 2018, с. 38]. Отметим, однако, что коллективная память вовсе не обязательно должна носить, например, общенациональный характер. Крупное общество может быть разделено на различные коллективы, по-разному интерпретирующие окружающую их действительность, а также происходившие и происходящие события, что приводит к тому, что разные институты социума способны порождать различные версии прошлого [Олик, 2012; Вишнякова, Мартюшова, 2022; Вишнякова, Липгарт и др., 2022].

Отметим, также, что «культурно-исторический опыт каждого народа на определенном этапе его развития» получает свое отражение именно в воплощенном в рамках дискурса языке «как инструменте «концептуализации и категоризации мира прошлого» [Миньяр-Белоручева, 2024. с. 304].

В этом процессе язык способен выполнять сразу две функции. Во-первых, он выступает в качестве инструмента, который формирует людей в определенные группы «через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова, 2008, с. 19]. Во-вторых, язык позволяет продуцировать «различные версии прошлого», о которых писалось выше. Е.С. Кубрякова пишет: «Несмотря на то, что происходящее в языке «конструирование мира» (the construal of the world) принадлежит человеку, язык предоставляет ему некоторый набор альтернативных средств выражения примерно одной и той же мысли, так что выбранное по воле говорящего средство предлагает в свою очередь особую языковую интерпретацию того объекта или той ситуации, что описываются в речи» [Кубрякова, 2004, с. 522].

Приведем такую метафору, описывающую связь между языком и концептом: «Языковой знак можно также уподобить выключателю – он включает концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и “запуская его в процессе мышления”» [Попова, Стернин, 2009, с. 38]. Иными словами, «важнейшим средством материализации и объективизации концепта является язык» [Дзюба, 2011, с. 11].

Язык позволяет выразить как сами ценностные концепты, чья природа постоянна, так и изменяющиеся концептуальные структуры, отражающие ценности и ориентиры данной лингвокультуры. Стоит также подчеркнуть важность фактора интерпретации во время актуализации концепта в ходе дискурсивных практик [Пашутина, 2009, с. 4].

По мнению некоторых исследователей, вербализуемость, т.е. «возможность описания с помощью языковых знаков», является основным признаком концептов [Богданова, 2019, с. 8]. Именно вербализация результатов ментальной деятельности служит средством ее объективации. Таким образом подчеркивается связь между мыслительными процессами и их дальнейшим языковым воплощением. При этом формами репрезентации содержательной области могут становиться как лексические единицы или фразеологические образования, так и

целые тексты [Пименов, 2004, с. 90; Миньяр-Белоручева, 2024. с. 305]. При этом они могут принадлежать как одному, так и нескольким авторам [Болдырев, 2021, с. 28]. Заметим также, что репрезентантами содержательной области того или иного концепта могут служить более сложные и многоуровневые структуры, например, элементы вертикального контекста, включенные в политический текст.

В то же время концепт далеко не всегда реализуется в языковом воплощении. Концепт как явление характеризуется «возможностью своего бытования в виде вербализованных либо невербализованных смысловых образований, способных к материальному воплощению в виде языковых форм» [Вишнякова, Климанова, 2017, с. 149]. Иными словами, концепт содержит потенцию к вербализации, хотя может существовать и в невербализованной форме. Тем не менее, вербализация является необходимым атрибутом для появления самой возможности исследования концепта, так как необходимо констатировать «невозможность структуриации концепта человеческого сознания до его вербализации в языке» [Кубрякова, 2009, с. 17]. Необходимо пояснить, что под процессом структуриации понимается выбор или создание имени нового концепта и его отнесенности к той или иной области человеческого знания [Там же].

Тесная взаимосвязь языка и культуры, а также языковой и концептуальной картин мира рассматривалась многими исследователями. Так, С.Г. Тер-Минасова описывает ее следующим образом: «Язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать (следовательно, и существовать) без двух других. Все вместе они соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его» [Тер-Минасова, 2004, с. 47]. Зависимость интерпретации от накопленного индивидуального и коллективного опыта обосновывает целесообразность обращения к «к понятию картины мира, которое позволяет

установить связь между интерпретатором и знаком» [Доброрадных, Маргания, 2024, с. 79].

Языковая картина мира отражает специфику интерпретации и обобщения фактов об окружающей действительности, что отражается на различных уровнях языковой репрезентации [Александрова, 2014, с. 19-24]. При этом она «вербализует национальную культурную картину» и «отражает восприятие реального мира через призму его личных смыслов и понятий» [Доброрадных, Маргания, 2024, с. 80]. Отметим также, что специфика интерпретации и обобщения фактов об окружающей действительности отражается на различных уровнях языковой репрезентации [Александрова, 2014, с. 19-24]. Следует, однако, различать языковую картину мира и концептуальную картину мира, так как первая позволяет «зафиксировать результаты познавательной деятельности этноса по восприятию окружающего мира» [Левицкий, 2017, с. 178]. При этом концептуальная картина мира «является основой языковой картины мира, что даёт возможность отразить мыслительную суть языкового сознания посредством существующих в сознании носителей определённого языка ассоциаций» [Там же].

Концепт, как лингвокультурное явление, обладает сложной и многоплановой структурой. Так, в монографии «Антология концептов» в составе концепта выделяются «ценностный, образный (образно-перцептивный и образно-метафорический) и понятийный (фактуальный) компоненты» [Карасик, Стернин, 2007, с. 14-15]. При этом авторы указывают, что «фактуальный компонент концепта хранится в сознании в вербальной форме (это то, как мы можем обозначить концепт, раскрыть его место в системе концептов). Образный же компонент невербален и поддается лишь описанию и интерпретации» [Там же].

Зачастую исследователи описывают содержательную структуру концепта как полевою, когда в центре поля находится ядро концепта, наиболее конкретное и статичное, а вокруг ядра находится абстрактная и динамичная периферия [Пашутина, 2009, с. 38]. В качестве вербализованного ядра содержания концепта выступают, например, словарные дефиниции, в то время как все дополнительные

смыслы, возникающие в дискурсе в процессе репрезентации концепта, относятся к полю концепта [Левенкова, 2011].

Таким образом, описание и дальнейший анализ содержательного потенциала концепта требуют рассмотрения лексикографического материала и выделения словарных значений лексической единицы, непосредственно называющей концепт. В то же время невозможно ограничиться лишь изучением словарей, так как необходимо учитывать также парадигматические связи такой единицы и особенностей ее реального употребления [Якунина, 2020]. Постижение концепта возможно исключительно через его фактуальный компонент, что подтверждает приведенное ранее положение об обязательности вербализуемости при изучении концептов.

Концептуализация окружающей действительности является одним из важнейших этапов познавательной деятельности человека. Данный процесс заключается «в осмыслении... информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [Кубрякова, 1996, с. 93]. Напомним также о том, что акты концептуализации мира «в различных лингвокультурных социумах так же уникальны и культуроспецифичны, как уникальны и специфичны обобщенные, типизированные фрагменты индивидуального человеческого опыта, на которых базируется процесс концептуализации» [Молчанова, 2014, с. 14]. Процесс концептуализации связан с другим мыслительным процессом – категоризацией, т.е. организацией опыта через систему взаимосвязанных категорий, которые могут включать в себя как физические объекты, так и абстрактные понятия [Lakoff, 1987]

В процессе концептуализации реальности создаются концептуализированные области, понимаемые «как области реализации содержания концепта в действительности, с учетом актуализации репрезентативных возможностей различных семиотических систем, а также первичности знаковой системы естественного человеческого языка, способной к

представлению отражаемых в человеческом сознании сущности и отношений между предметами и явлениями окружающего мира» [Вишнякова, 2017, с. 51]. Динамичные и подвижные языковые значения концептуализированной области находят «смысловое становление на уровне специфических условий данного контекста» [Вишнякова, 2016, с. 38].

Изменчивость природы ментальных образов, содержащихся в коллективной памяти и связанных с общественно-политическими изменениями в социуме, можно проиллюстрировать следующим образом: «Прошрое, представленное данными сообществами, может производиться, трансформироваться и транслироваться для нужд настоящего и будущего» [Вишнякова, Мартюшева, 2022, с. 5]. Данная подвижность приводит к изменениям в содержательной области концептов и является причиной ее расширения, сужения и трансформации, потере одних языковых значений и приобретения других, что позволяет рассматривать данные ментально-лингвальные образования в качестве динамичных концептуальных структур. Исследователи утверждают, что порождению и повторной вербализации подвергаются именно концептуальные структуры, сложившиеся в сознании человека или группы людей [Кубрякова, 2009, с. 17]. В то же время концептуальные структуры тесно связаны с тем уровнем человеческого сознания, «где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [Кубрякова 1996, с. 95].

Активная вовлеченность концептуальных структур, стоящих за политическими понятиями, в дискурсивные практики и многократная их вербализация приводят к неоднократным интерпретациям и переосмыслениям со стороны коммуникантов. Исследования подобных изменений позволяют прийти к пониманию динамики развития концептуальных сущностей как таковых. Иными словами, концептуальные структуры являются собственно концептами в динамике, которая представлена лингвистическими средствами. Данная динамика способна отразить особенности текущего общественного взаимодействия,

формирования мнений, оценок и акцентов, что наиболее важно при изучении политического дискурса.

Динамичность концептуальных структур проявляется также в различных видах их взаимодействия друг с другом. Достаточно часто имеет место такая ситуация, когда то или иное высказывание содержит примеры вербального представления нескольких концептуальных структур. В условиях реальной коммуникации происходит взаимодействие и перетекание друг в друга образов и ассоциаций, что образует концептуальные комплексы, т.е. «совокупность взаимодействующих между собой концептов, реализуемых в пределах данного дискурса в целях решения общей концептуальной задачи» [Вишнякова, 2002, с. 88-89]. В рамках национальной лингвокультуры концепты формируют так называемую концептосферу, то есть совокупность всех национальных концептов [Лихачев, 1997]. Содержательно связанная и иерархически организованная совокупность базовых культурных концептов составляют онтологическую базу данной лингвокультуры [Вишнякова, 2017, с. 54]. Иерархия концептов организована «в соответствии с основными функциональными и смысловыми характеристиками исследуемого участка действительности» [Там же, с. 57].

Стоит также обратить внимание на фактическую актуализацию концептуальных структур в ситуациях реального общения. Многие исследователи отмечают, что в процессе речемыслительной деятельности значение языковой единицы формируется под воздействием более широкого контекста, в рамках которого «используемая языковая единица превращается в речевую единицу» [Манерко, 2016, с. 50]. Действительно, «большая часть нашего знания находится еще не в выкристаллизовавшемся состоянии», тогда как в момент речи «лежащее в ее основе знание... выкристаллизовывается в пропозициональные и языковые структуры» [Чейф, 1983, с. 72].

Исследователи утверждают, что в процессе реального общения концепты заполняют собой так называемые слоты, связанные между собой и образующие когнитивные фреймы. Если слоты релевантны для ситуации, то они смещаются в

фокус в когнитивном контексте, нерелевантные для конкретной ситуации слоты остаются на уровне фоновых знаний [Манерко, Суханова, 2024, с. 26].

Согласно Т. ван Дейку фреймы связаны со «знанием, организованным в концептуальные системы» [Дейк, 1989, с. 16]. В.З. Демьянков утверждает, что фрейм «обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что — нет» [Демьянков, 1996, с. 188], обладая этнокультурной спецификой [Карасик, 2002, с. 106]. Также отмечается, что элементы фреймовой структуры могут как выражаться в тексте вербально, так и носить имплицитный характер, только подразумеваясь адресантом, при этом слоты фрейма восстанавливаются адресатом в тексте или на основе экстралингвистических знаний [Манерко, Суханова, 2024, с. 24-25]. Стоит также отметить, что, равно как и концептуальные структуры, фреймовые структуры пребывают в постоянном взаимодействии друг с другом, формируя «сетку знаний и смыслов» и, следовательно, «ментальную «ткань» контекста» [Там же].

Обратимся к понятию когнитивного контекста. Он конструируется в сознании человека языковым контекстом и включает в себя множество релевантных ситуации фреймов. Кроме того, он представляет собой динамичную структуру, «поскольку разворачивается и формируется в сознании человека по мере восприятия и осознания языкового материала» [Там же, с. 26]. Стоит, однако, отграничивать когнитивный контекст от концептуальной области, где последнее представляет собой «когнитивный фон языка» [Новодранова, 2007, с. 138] или фоновые знания, которые можно соотнести с различными сферами жизни человека [Болдырев, 2014, с. 119]. Знания, заключенные в концептуальной области человека, под воздействием контекста могут войти в когнитивный контекст конкретного события [Манерко, Суханова, 2024].

В заключении данного параграфа приведем следующие инвариантные свойства концепта, выделяемые исследователями: «1) концепт представляет собой единицу общественного опыта и воплощается в языке посредством социально

одобренного набора лексических единиц, имеющих соответствующее смысловое наполнение; 2) концепт может рассматриваться как единица обработки, хранения и передачи накопленного знания; 3) концепт представляет собой сложную лингвокультурную единицу языка, выполняющую конкретные функции в рамках использующего ее лингвокультурного сообщества; 4) концепт социален по своей природе, а его ассоциативное поле обуславливает особенности его прагматической реализации» [Бабаян, 2021, с. 243]. Добавим к этому списку, что крайне важным свойством концепта является его динамичная содержательная область. Она достаточно редко остается неизменной, и концепт, стоящий за тем или иным понятием (в случае данного исследования – политическим), через постоянную и многократную вербальную репрезентацию в рамках дискурса приобретает новые содержательные особенности, что позволяет рассматривать такие понятия как концептуальные структуры. Кроме того, передача и донесение этих изменений до адресата оказывает прямое воздействие на коммуникативно-прагматическую составляющую текста.

1.3. Интертекстуальность как элемент политического текста

Адресант политического текста привлекает различные средства, лежащие за рамками языковой системы и относящиеся к сфере речи, в том числе всевозможные цитаты, крылатые выражения, аллюзии, отсылки, намеки и т.д. Кроме того, интертекстуальные включения являются важным и эффективным средством воздействия на адресата, поскольку политические речи, подкрепленные словами величайших представителей конкретного народа или всего человечества, имеют больший вес в глазах аудитории и, следовательно, оказывают большее воздействие на умы людей. Такие отсылки создают образ преемственности поколений, которую многие ценят и которой доверяют. Аллюзии и цитаты, составляющие общенациональное достояние, также могут как сплотить и мобилизовать аудиторию, так и настроить ее против оппонентов политика. Источники отсылок и аллюзий, как правило, идеологически маркированы и выбираются таким образом, чтобы заявить о намерениях, ценностях и представлениях адресанта. Некоторые современные исследователи указывают на то, что каждая цитата, включенная в текст, создает трехмерное информационное пространство и напоминает реципиенту другие тексты, генерируя дополнительные образы и ассоциации.

Идея о том, что тексты не существуют в вакууме, но взаимодействуют и ведут между собой диалог, была высказана русским философом и литературоведом Михаилом Михайловичем Бахтиным. М.М. Бахтин подчеркивает диалогические отношения как внутри текста, так и между текстами: «Диалогические отношения между высказываниями, пронизывающие также изнутри и отдельные высказывания, относятся к металингвистике» [Бахтин, 1997, с. 199].

Обратимся к работе М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», где он более подробно рассматривает понятие металингвистики. В пятой главе автор пишет, что под металингвистикой можно понимать «не оформившееся еще в определенные отдельные дисциплины изучение тех сторон жизни слова, которые

выходят – и совершенно правомерно – за пределы лингвистики» [Бахтин, 1963, с. 203]. Предметом металингвистики ученый называл диалогические отношения (в том числе и диалогические отношения говорящего к собственному слову).

Можно предположить, что ни один человек в своем речетворчестве не является полностью уникальным, так как вынужден каждый раз выбирать и сочетать уже имеющиеся языковые элементы. Объяснение данного явления обусловлено тем, что любой писатель одновременно является и читателем, а любой говорящий – слушателем. Личный стиль человека так или иначе формируется под определенным воздействием внешних факторов. Действительно, каждый человек в детстве учится читать и писать, овладевает родным языком, повторяя за взрослыми. В случае же изучения иностранного языка таким примером для подражания становятся преподаватели и/или носители языка.

Идея металингвистики очень созвучна популярному среди структуралистов и постструктуралистов понятию «интертекстуальность». Впервые в научный оборот термин «интертекстуальность» был введен французской исследовательницей болгарского происхождения Юлией Кристевой. В работе «Бахтин, слово, диалог и роман» исследовательница описывает его следующим образом: «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [Кристева, 1993, с. 3]. В этой же работе она прямо связывает интертекстуальность с диалогизмом Бахтина, говоря, что «бахтинский «диалогизм» выявляет в письме не только субъективное, но и коммуникативное, а лучше сказать, интертекстовое начало» [Там же, с. 7].

Иными словами, интертекстуальность может быть интерпретирована как взаимодействие текста, созданного в прошлом (текста-донора) и текста, создаваемого в настоящем (текста-реципиента), при этом такая интеракция оформлена различными стилистическими приемами (например, аллюзия, цитирование, парафраз и др.) [Москвин, 2015].

В конце XX и начале XXI веков отечественные и зарубежные исследователи уточняли и дополняли понятие интертекстуальности, со временем раскрывая новые аспекты данного явления.

Американский исследователь Ричард Нордквист в своей статье говорит, что интертекстуальность касается не только взаимосвязи текстов по отношению друг к другу, но и также связи текстов с национальной и общечеловеческой культурой (Nordquist R. Intertextuality. Glossary of Grammatical and Rhetorical Terms [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.thoughtco.com/what-is-intertextuality-1691077> (дата обращения: 28.05.2025)). Таким образом, текст не существует как закрытая и самодостаточная система и подвергается воздействию не только текстов как таковых, но и других продуктов творческой деятельности представителей различных культур.

Помимо того, что текст способен находиться в диалоге с другими объектами культурами, они могут также образовывать связи с текстами не только своего жанра. Исследователи указывают, что интертекстуальность лежит в основе взаимосвязи между разными жанрами в ходе производства и интерпретации того или иного текста [Paltridge, 1995].

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что интертекстуальность допускает интерпретацию как взаимосвязанность и диалогические отношения не только между текстами одного жанра и одной культуры и между текстами различной жанровой принадлежности, но также между текстами и доменами национальных и общемировой культур.

С точки зрения Ж. Женнетта существует пять типов транстекстуальных отношений: интертекстуальность (т.е. присутствие одного текста в рамках другого или других текстах), паратекстуальность (присутствие таких элементов одного текста в другой, как заголовки, подзаголовки и т.д.), метатекстуальность (непрямое цитирование одного текста другим без прямого указания на него), гипертекстуальность (ситуация, когда один текст, то есть гипертекст, основывается и не может существовать без другого текста, то есть гипотекста),

архитекстуальность (жанровая связь между двумя или несколькими текстами) [Genette, 1997].

Отметим, вслед за многими исследователями данного феномена, экспрессивно-оценочную составляющую интертекстуальных включений. Так, А.А. Липгарт и О.Д. Вишнякова пишут, что эмоциональное воздействие на реципиента публицистического текста осуществляется в том числе и с помощью элементов вертикального контекста [Lipgart, Vishnyakova, 2023], одним из проявлений которого является интертекст.

Интертекстуальность в рамках политического дискурса является средством создания образности высказывания, которая, как известно, находится в области стилистики и риторики. Исследователи указывают, в частности, на такие инвариантные характеристики газетно-публицистического стиля (к которому могут быть причислены и политические медиатексты), как «систематическое использование эмоционально-окрашенных лексических средств для оказания на адресата необходимого эмоционально-экспрессивного воздействия, а также включения в подобные тексты элементов, которые обращаются к фоновым знаниям аудитории и порождают определенные ассоциативные ряды» [Липгарт, Хуринов, 2019].

Обратимся далее к вопросу взаимосвязи интертекстуальности и понятия «контекст». В статье, опубликованной в научном журнале «Вопросы языкознания», О.С. Ахманова и И.В. Гюббенет ввели в научный обиход термин «вертикальный контекст», отделяя его от контекста «горизонтального». Если последний представляется как «лингвистическое окружение данной языковой единицы; условия, особенности употребления данного элемента в речи», то первый определяется как «историко-филологический контекст данного литературного произведения и его частей и поэтому часть науки филологии» [Гюббенет, 1981, с. 7-8]. При этом, исследователи разграничивают вертикальный контекст, имеющий объективный характер, и «фоновые знания», при изучении которых исследователь неизбежно исходит из уровня культурных знаний

участников речевого акта. Подчеркнем важность фоновых знаний, поскольку, как указывают ученые, восприятие коммуникантами вертикального контекста «не может основываться ни на знании непосредственного лингвистического окружения соответствующих языковых единиц, ни на контексте ситуации» [Полубиченко, Михайловская, 2017, с. 117], а требует реализации другого подхода.

И. В. Гюббенет предлагает разделять филологический вертикальный контекст, включающий деформированные идиомы, цитаты и аллюзии, и социально-исторический вертикальный контекст, включающий реалии и имена собственные [Там же]. Л. В. Болдырева уточняет данную классификацию, говоря о том, что необходимо различать собственно социально-исторический вертикальный контекст, представляющий собой «часть историко-филологической информации, объективно заложенной в литературном произведении и раскрывающей перед читателем картину внешнего мира, определенного среза действительности во всем многообразии ее проявлений» [Болдырева, 1991, с. 9-12], и социально-исторический фон эпохи, то есть «совокупность черт, характеризующих важнейшие аспекты жизни людей как представителей определенной социальной группы на протяжении определенного исторического периода» [Там же].

Учеными также было проведено изучение средств интертекстуальности. Идиомы и их функционирование в тексте были подробно описаны Л.А. Чиненовой. В своих работах она указывала на способность идиомы к деформации. Причем такая деформация является не индивидуально-авторским приемом, а присущей собственно идиомам функциональной характеристикой [Чиненова, 1986]. Максимально деформированные идиомы, как указывает И. В. Гюббенет, превращаются в аллюзии.

И.В. Арнольд рассматривает аллюзию как «прием употребления какого-нибудь имени или названия, намекающего на известный литературный или историко-культурный факт – это стилистическая фигура референциального

характера, опирающаяся на экстралингвистические пресуппозиции говорящего и слушающего, автора и читателя, на историко-культурный компонент их фоновых знаний» [Арнольд, 1982, с. 89].

Различные аллюзивные средства и высказывания были подробно классифицированы И.С. Христенко. Исследователь предлагает две линии дифференциации: отношение аллюзии к объекту и структура аллюзии. По отношению к объекту выделяются аллюзии на прототекст и аллюзии на протореальность; структурно же можно выделить аллюзии содержательные, т.е. эксплицитно представленные в тексте, и стилистические, т.е. не прямые ссылки на источник, аллюзии [Христенко, 1993].

На первом этапе изучение вертикального контекста в работах отечественных филологов проходило лишь на материале художественных текстов. В наши дни ученые все чаще обращают внимание на публицистические и специальные тексты. Исследования такого рода позволили исследователям распространить дискурсивный подход в том числе на изучение интертекстуальности. Такой подход к развитию теории вертикального контекста требует выделения культурного компонента в значении слова, определяемый «тем, какой аспект культуры нации фиксирует слово – непосредственные понятия, категории и объекты культуры или национально-культурные ассоциации, связанные с означаемым, т.е. фоновые знания, на базе которых происходит стереотипизация оценочного отношения говорящего» [Заботкина, 2012, с. 73]. В данной связи ученые отмечают важную роль затекстовых (фоновых) знаний [Ахманова, 1966, с. 498; Арнольд, 2002; Щирова, Гончарова, 2007], относя расшифровку подобных явлений адресатом к области понимания имплицитных смыслов вербального текста [Аверьянова, Щербакова, с. 51]. Также в этом процессе не последнюю роль играют «культурная и идеологическая составляющая лексических единиц», создающие глобальный вертикальный контекст [Полубиченко, Михайловская, 2017, с. 122].

Примером применения дискурсивного подхода к обозначенной лингвистической проблеме могут послужить работы Е. О. Менджерицкой [Менджерицкая, 1999; Менджерицкая (а), 1999]. В них исследователь убедительно показывает, что для адекватного понимания сообщаемой информации необходимо совпадение фоновых знаний участников коммуникации. Данное утверждение дополняет выводы о правильном декодировании элементов вертикального контекста в художественных произведениях. Зачастую цитаты, аллюзии и референсы в текстах политического характера имеют прямое отношение к знаковым для национальной лингвокультуры в целом и национальной политической культуры в частности событиям, местам, личностям, произведениям искусства. В этой связи можно также обратиться к работам, посвященным данному феномену [Аникина, 2006; Вишнякова, 2002; Изотова, 1992; Варченко, 2007].

Помимо общности фоновых знаний и прочей информации филологического и социо-исторического характера на адекватность восприятия и интерпретации интертекстуальных включений адресатом влияют общность концептуальных систем участников коммуникации, а также их когнитивные способности адекватно интерпретировать информацию. Такая общность позволяет адресату раскрывать как эксплицитные, так и имплицитные смыслы, большинство из которых основываются на реализации прецедентных феноменов в новых условиях коммуникации и особенностях индивидуальных картин мира [Пешкова, Давлетова, 2023; Залевская, 1998: с. 35].

Вполне естественно, что с недавних пор функционирование вертикального контекста и интертекстов в рамках политического текста также стало объектом филологических исследований. Так, Е.Р. Левенкова применила наработанные ее предшественниками методы к анализу публичных речей и публицистических текстов, составляющих политический дискурс США, и выделила особую функцию интертекста, которая появляется в политическом дискурсе, функцию средства реализации агональной стратегии, то есть стратегии использования

интертекста для формирования четкой оппозиции «свой-чужой» [Левенкова, 2015]. Опираясь на семантическую триаду, предложенную Е.И. Шейгал и описанную ранее, можно предположить, что помимо агональной функции интертекстуальные включения могут выполнять также и интеграционные функции, сплачивая сторонников и демонстрируя приверженность говорящего тем или иным идеям.

Важно также указать, что при переходе с текстового уровня на уровень дискурса интертекстуальность может проявляться также на уровне связи текста с внетекстовой реальностью, которая пробуждает в адресате ожидаемые адресантом ассоциации [Вишнякова и др., 2025]. Это позволяет говорить о том, что за каждым интертекстуальным включением стоит та или иная концептуальная структура, находящая свою репрезентацию посредством вербальных средств, вызывающих ментальные образы и связи в сознании участников коммуникации и подразумевающая наличие связей с экстралингвистической реальностью.

Другой лингвистической проблемой является вопрос интерпретации интертекстуальных включений. Так, исследователи интертекстуальности в сфере публицистических текстов отмечают, что подобные включения сложно адекватно интерпретировать, так как они не всегда тематически согласованы, а потому их нелегко идентифицировать [Липгарт, Хуринов, 2019]. При этом отмечается, что для правильного декодирования элементов вертикального контекста, например, в художественных текстах необходимо установить верные символические связи филологического и социо-исторического характера [Там же].

Стоит также отметить, что интертекстуальность как лингвистическое явление имеет двойственную природу. Под этим понимается, что не только производство текста подвергается влиянию других текстов, но также восприятие и интерпретация текста попадают под влияние и основываются на случаях восприятия и интерпретации других ранее встреченных текстов [Цзи Сяо Сяо, 2019]. Следовательно, интертекстуальность – это явление, на которое способны оказать влияние обе стороны коммуникативного акта.

Заметим также, что далеко не каждый интертекст появляется в речи по воле автора. Так, отмечается, что автор текста не всегда осознает, что подразумевается в тексте. Напротив, зачастую это задача реципиентов выявить посыл текста, основываясь на собственном опыте и подсказках-опорах, находящихся в тексте [Culler, 2001].

С момента своего появления в научном обиходе понятие «интертекстуальность» претерпело значительные изменения, при этом ученые постоянно раскрывают новые стороны данного явления. Применение дискурсивного подхода позволило исследователям выйти за рамки собственно текста на интердискурсивный уровень, а также по-новому рассмотреть вопрос идентификации объема и границ элементов вертикального контекста, проблему их восприятия и осмысления как адресатом, так и адресантом. Кроме того, такой подход позволяет принять во внимание связи конкретных текстов в том числе и с экстралингвистической реальностью, являющейся частью фоновых знаний коммуникантов.

1.4. Коммуникативно-прагматический потенциал политического текста и способы его реализации

Затронутый в конце предыдущего параграфа вопрос интерпретации интертекстуальных включений требует рассмотрения понятия прагматики и его актуальности для изучения политического дискурса. С точки зрения процесса интерпретации значения знаков «акцент делается на связи значения языковой единицы с ситуацией общения, целенаправленным характером речевого акта (интенциональностью), выбором оптимальных языковых возможностей для воздействия на адресата (интенцией адресанта)» [Курбакова, Куклева, 2023, с. 282]. При этом анализ значения языковой единицы осуществляется с точки зрения ее «способности повлиять на адресата и вызвать необходимую речепсихическую реакцию» [Там же].

В этом плане стоит обратиться к такому понятию, как «модус». Ш. Балли писал о присутствии в речи двух феноменов: содержательного, то есть «диктума», и интерпретационного, то есть «модуса». Согласно данной теории диктум – это фактическое содержание высказывания, тогда как модус является индивидуальной интерпретацией сказанного. Модус, кроме того, представляет собой активное действие, которое производит говорящий над диктумом [Балли, 1955]. Иными словами, модус может определяться как «комплекс смыслов, исходящих от говорящего и отражающих то, что выражается в диктуме, т.е. кем, когда, кому, с какой целью, в каких условиях» [Глушак, 2007, с. 36]. Характер модуса может меняться в зависимости от психологического состояния коммуникантов и условий коммуникации [Там же, с. 37].

С феноменом модуса также связано понятие «речевого поведения», в котором можно обнаружить «связь между процессами вербального взаимодействия коммуникантов и дискурсивными категориями» [Глушак, 2010, с. 4]. В структуре речевого поведения лингвопрагматический аспект имеет большое значение, так как «любое речевое действие одного коммуниканта направлено не только на передачу информации, но и на оказание воздействия на своего

собеседника» [Там же, с. 12], при этом такое воздействие будет интенциональным, имеющим намерения «корректировать поведение собеседника, добиваться смены его установок и оценок в соответствии с представлениями говорящего» [Там же]. Для достижения своих целей адресант выбирает не только «модель речевого поведения, адекватную складывающейся коммуникативной ситуации» [Там же], но и адекватные ситуации коммуникативные средства, обладающие теми или другими функциями.

На теоретическом уровне на функциональную неоднородность языковой системы указывали в своих трудах лингвисты Пражского лингвистического кружка в 20-30-х годах XX столетия. В качестве примера можно привести работу чешского языковеда-богемиста Богуслава Гавранека «О функциональном расслоении литературного языка», где он пишет, что структура литературного языка «расчленяется на функциональные языки, которые было бы уместно называть функциональными диалектами» [Гавранек, 1967, с. 435]. Он отмечал, что такие слои отличаются не только языковыми средствами и их совокупностью, но самой организацией этой совокупности.

Потенциал таких языковых средств раскрывается в процессе реального общения в прямой зависимости от функций языка, реализуемых адресантом. В «Словаре лингвистических терминов» функция языка определяется как: «Разные стороны речевого сообщения, понимаемые как реализация разных возможностей или свойств речевого акта, актуализирующего потенциальные свойства соответствующих средств языка» [Ахманова, 1966, с. 507].

Австрийский психолог, философ и лингвист Карл Людвиг Бюлер, оказавший сильное влияние на идеи представителей Пражского лингвистического кружка, определял основные семантические функции языка следующим образом: 1) репрезентативная функция (передача информации, касающаяся объектов и ситуации в окружающем мире); 2) экспрессивная функция (выражение состояния говорящего); 3) аппелятивная функция (обращение к слушающему). При этом самой существенной является репрезентативная функция, так как благодаря ей

осуществляется коммуникация. Все эти функции были выделены на основе так называемой «модели Органона», которую исследователь создал на основе трех факторов, присутствующих в каждом конкретном языковом явлении: отправитель, получатель, предмет и ситуация [Buhler, 2011].

Р. О. Якобсон создал собственную модель коммуникативного акта, где выделил следующие компоненты: адресант (“addresser”), адресат (“addressee”), контекст (“context”), сообщение (“message”), код (“code”) и контакт (“contact”). Каждому из данных компонентов соответствует отдельная функция языка: 1. референтная (связана с контекстом и ориентирована на референт); 2. эмотивная или экспрессивная (связана с адресантом и отображает отношение говорящего к предмету разговора); 3. конативная (связана с адресатом и часто выражается звательными или повелительными формами); 4. фатическая (связана с контекстом и призвана устанавливать и поддерживать коммуникацию); 5. метаязыковая (связана с кодом и необходима для объяснения языкового кода как такового); 6. поэтическая (связана с сообщением и является «сообщением ради сообщения») [Jacobson, 1987].

Отметим также понимание функций языка и функциональных стилей, с ними сопряженных, зародившееся в стенах Московского университета в 50-е годы XX века. В основе данного понимания лежат воззрения советского ученого академика В.В. Виноградова, который писал, что «функциональный стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общественного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов, 1955, с. 73]. Исходя из этого, ученый выделял три функции языка, которые лежат в основе шести функциональных стилей, выделив обиходно-бытовой стиль (функция общения), обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения),

публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия) [Виноградов, 1963].

Данная интерпретация феномена функциональной неоднородности языковых систем легла в основу современных работ исследователей МГУ, посвященных данному вопросу [Ахманова и др., 1974; Комарова, 1998; Липгарт, Хуринов, 2019; Комарова, 2020].

Обращаясь к функциям публицистического текста, отметим, что основными функциями публицистического текста исследователи считают: а) информативную, б) воздействующую или экспрессивную, т.е. «функцию убеждения»; в) популяризаторскую [Кириллов, 2007; Ковалев, 2011; Шейгал, 2000].

Экспрессивная функция языка – это «способность выражать эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к обозначаемым предметам и явлениям действительности» [Александрова, 2009, с. 7]. Данная функция, содержательно близкая к прагматической функции, предполагает использование языка для информационного, эмоционально-волевого воздействия на адресата речи и содержит следующие черты: «эмотивность, оценочность, призывность, доступность» [Крутова, 2020, с. 28]. При этом такая речь «сосредоточена на оппозиции «стимул – реакция», где под реакцией понимается обратная связь. Если она произошла, значит осуществилось и воздействие на адресанта» [Там же, с. 27].

Именно эту функцию, среди прочих, часто называют основной в текстах публицистического жанра, «т.к. основным предназначением такого текста является не просто информирование читателя, но формирование у него определенного отношения к предоставляемой информации» [Храмушина, 2013, с. 487]. Подчеркнем, что это суждение в полной мере справедливо и для политических текстов в широком понимании.

Политические тексты в целом ряде случаев выступают как тексты публицистические. Применение дискурсивного подхода позволяет осуществить

их анализ на основе рассмотрения текстового материала «в контексте политической ситуации, в которой он создан, в его отношении с другими текстами, с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми» [Чудинов, 2006, с. 7]. Такое утверждение подчеркивает существование прочной связи между семантическим и прагматическим уровнями языка, так как «лексические единицы находят свое конкретное семантическое обозначение лишь при обращении к определенным прагматическим факторам, обуславливающим их смысловое воплощение в речи» [Сафина, 2015, с. 66]. В связи с этим ученые выделяют следующие основные компоненты анализа политического текста: «а) прагматическая установка (с какой целью отправлено высказывание); б) прагматический эффект (каков результат его получения); в) пресуппозитивный фон (чем обусловлено употребление высказывания, что за ним стоит)» [Крутова, 2017, с. 67].

В научном сообществе нет четкого консенсуса по вопросу толкования понятия «прагматика». Возникают различные мнения по поводу того, считать ли прагматику самостоятельной дисциплиной или включать ее в состав лингвистики.

Как отдельная область исследований «прагматика» возникла во второй половине XX столетия, когда Чарльз Моррис отделил ее от семантики и синтактики, указав, что прагматика касается отношений знаков и их интерпретаторов (то есть говорящего и воспринимающего) [Morris, 1938].

Лингвопрагматика в широком смысле затрагивает процесс общения и «направлена на изучение потребностей, целей, мотивов, намерений и речевых действий коммуникантов» [Глушак, 2010, с. 3]. При этом лингвопрагматические исследования осуществляют анализ «явных и скрытых целей высказываний говорящего, речевых стратегий и типов поведения, а также воздействующей силы адресанта на адресата» [Там же].

О.С. Ахманова дает следующее определение прагматики: «Один из планов или аспектов исследования языка, выделяющий и исследующий единицы языка в

их отношении к тому лицу или лицам, которые пользуются языками» [Ахманова, 1966. с. 344]. Согласно дефиниции, данной Ю.Д. Апресяном, прагматика – это «закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего к действительности, содержанию сообщения и адресату» [Апресян, 1995, с. 136].

И.П. Сусов, применяя термин “прагмалингвистика”, определил данную область как использование людьми естественного человеческого языка в качестве орудия социального действия и взаимодействия в условиях конкретных ситуаций общения на основе социальных постулатов и стратегий [Сусов, 1983].

Определение прагматики и прагмалингвистики представлено в работах О.С. Ахмановой и И.М. Магидовой. Исследователи, а также их ученики расширяют и конкретизируют границы анализа и рассматривают прагмалингвистику как область, изучающую функциональный стиль, который «не выполняет ни функции сообщения, ни функции воздействия (ни какой-либо из «подфункций», входящих в эту дихотомию)» [Ахманова, Магидова, 2018, с. 14]. В представлении ученых прагмалингвистика является наукой об особом функциональном стиле, используемом в узкой среде специалистов изучения и преподавания языка.

Сторонники тех взглядов, в которых прагматика должна быть отделена от лингвистики, утверждают, что данную дисциплину вряд ли можно ограничить лишь лингвистическим материалом [Meu, 2001] и что следует учитывать также культурный, социальный и эмоциональный аспекты коммуникации [Alba-Juez, 2016, p. 50; Alba-Juez, Larina, 2018, p. 14-15].

При различии существующих подходов исследователи сходятся в том, что прагматика, или лингвопрагматика, имеет целью исследовать закономерности использования языка в ситуациях реального общения. В качестве объекта исследования также рассматривается то, с какими целями и в каких условиях было порождено определенное высказывание, а также то, как интерпретируются знаки как говорящим, так и реципиентом/реципиентами. Таким образом, вопрос интерпретации становится одним из ключевых с точки зрения лингвопрагматики.

Это положение подтверждается многими исследователями, которые пишут о том, что одно и то же событие может быть по-разному вербализовано, что впоследствии влияет и на то, как это событие запоминают и затем припоминают [Вишнякова, 2022, с. 702]. Соответственно, исследователи делают вывод, что использование языка следует отождествлять не со способностью устанавливать истинные значения предложений, а скорее с более широкой способностью интерпретировать речевое поведение других лиц [Левицкий, 2019].

Рассмотрение темы прагматики непосредственно связано с освещением теории речевых актов. Стоит, однако, оговориться, что в работе затрагиваются лишь базовые принципы данной теории, что представляется достаточным для достижения целей данного исследования.

И.М. Кобозева отмечает, что в теории речевых актов [Austin, 1962; Searle, 1969] важно то, «какое действие совершает или пытается совершить говорящий, используя высказывание, каких целей он при этом хочет достичь» [Кобозева, 1996, с. 112]. Подобные высказывания и являются единицами прагматического исследования [Которова, 2019, с. 106]. Один из основоположников данной теории определил единицу языкового общения, а следовательно и прагматического исследования следующим образом: «Основной единицей языкового общения является не символ, не слово, не предложение и даже не конкретный экземпляр символа, слова или предложения, а производство этого конкретного экземпляра в ходе совершения речевого акта» [Сёрль, 1986, с. 150].

В соответствии с теорией речевых актов каждый речевой акт включает в свой состав такие элементы, как иллокутивная цель, направление приспособления и условие искренности [Сёрль, 1986, с. 172]. Напомним, что иллокутивная цель Дж. Сёрлем была определена как смысл или цель высказывания [Там же]. При описании сущности направления приспособления автор использует следующие определения: «слова к миру» и «мир к словам». Под этим он подразумевает разницу в том, что в первом случае автор высказывания просто описывает происходящее, то есть «подстраивает» слова к миру, во втором же случае автор

высказывания «подстраивает» реальность под слова [Там же, с. 173]. Условие искренности – это психологическое состояние говорящего, которое выражается в процессе речевого акта [Там же, с. 174].

При этом значение в рамках теории речевых актов представлено как использование выражения с целью повлиять на слушающих через опознание слушающим данного намерения [Сёрль, 1986, с. 158]. Иными словами, любое выражение приобретает свое актуальное значение только в рамках конкретного речевого акта, при этом в формировании данного значения участвуют как говорящий, так и слушающий. Была выведена следующая закономерность: «то, что мы можем иметь в виду, является функцией того, что мы говорим. Субъективное значение обусловлено не только намерением, но и конвенцией» [Там же, с. 160].

Говоря об участниках речевого акта, стоит упомянуть, что изначально теория предполагала наличие только двух сторон: адресант (говорящий) и адресат (слушающий). Однако данное положение было пересмотрено, так как не всякий слушающий будет адресатом иллокутивного акта, при этом были выделены участники (т.е. слушающие, не являющиеся целью иллокутивного акта) [Кларк, Карлсон, 1986, с. 271].

Важно подчеркнуть в этой связи факт взаимосвязи прагматики, дискурса и контекста. С точки зрения данной взаимосвязи прагматика «изучает индивидуальные высказывания в контексте, дискурсивные же исследования концентрируются на изучении набора высказываний» [Заботкина, 2012, с. 14]. При этом составляющие значения при таком анализе ищутся «как внутри высказывания, так и за его пределами» [Там же, с. 13]. Данное утверждение обуславливает факт того, что адекватное понимание высказывания и коммуникативной ситуации требует объединения в сознании лингвистической и экстралингвистической информации, а также фоновой информации [Петров, 1987, с. 8]. Иными словами, понимание, или интерпретация, высказывания «зависит от контекста в самом широком смысле слова, т.е. от речевой ситуации, от фонда

знаний говорящего и слушающего, от их целей и стратегий поведения в данный момент» [Кронгауз, 2005, с. 301–302]. В данной связи принято выделять три разновидности контекста: дейктический, который также учитывает отношения говорящего и слушающего, общий дискурсивный или «текстовый» (общие знания говорящего и слушающего, полученные из предшествующего дискурса) и общий культурный контекст, представляющий собой общие знания о физическом мире вокруг, а также культуре, закодированные в языке определенного общества, его нормах поведения и общения [Givón, 1989, p. 323-324].

Немаловажными составляющими коммуникативного акта с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода являются коммуникативные компетенции, речевые стратегии, коммуникативные установки и интенции, тексты, обладающие определенным композиционным, семантическим и прагматическим единством [Гринева, 2023, с. 133].

Также отметим, что при несовпадении фоновых знаний или концептуальных баз коммуникантов может произойти так называемая дискommуникация, коммуникативная неудача, которую ученые определяют как «неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения адресанта, неоднозначное толкование смысла дискурса адресатом, недостижение коммуникантами поставленных целей, коммуникативное рассогласование, приводящие в итоге к нерезультативности, неэффективности воздействия адресанта на адресата» [Волкова и др., 2023, с. 143]

Под воздействием ситуативного контекста политическое высказывание реализует свой коммуникативно-прагматический потенциал, который существует как важнейшая характеристика высказывания и, взаимодействуя с областью стилистики, способствует созданию особого эффекта воздействия на ценности и познавательную деятельность адресата посредством донесения и зачастую внушения дополнительной информации.

Коммуникативно-прагматический потенциал политического текста реализуется в первую очередь на синтаксическом и, соответственно,

интонационных уровнях, что обусловлено тем, что «экспрессивность живой речи, в первую очередь, реализуется с помощью таких просодических средств, как ритм, темп, тон, паузы, мелодика, интонация и т.п., а также порядка слов и т.п.» [Александрова, 2009, с. 8]. О.В. Александрова в работе «Проблемы экспрессивного синтаксиса» выделяет просодию и пунктуацию как основные средства выразительности. При этом «пунктуация выступает в двойном знаковом качестве, с одной стороны, – средством выражения знаков просодических контуров, как они даны в собственно устной речи, выступающей подосновой всех типов и видов языковой коммуникации, с другой же стороны, – регулятором экспрессивного изглашения письменного текста и тем самым адекватного этой экспрессии восприятия текста через внутреннюю пассивную речь читающего» [Там же, с. 11]. Стоит отметить, что данное положение особенно актуально для политических текстов, что объясняется их двойственной природой.

Коммуникативно-прагматический потенциал – это «материализованное намерение адресанта оказать определенное воздействие на адресата и передать ему столько дополнительной информации, сколько тот в состоянии извлечь из данной языковой единицы, опираясь на свои фоновые знания» [Баженова, 2004, с. 7]. Помимо фоновых знаний необходимо также учитывать «личность, предыдущий опыт, психологическое состояние адресата» [Там же, с. 25].

При этом коммуникативно-прагматический потенциал составляет саму коммуникативно-прагматическую сущность высказывания. Коммуникативно-прагматическая составляющая текста включает прагматическую установку, то есть «конкретное намерение адресанта оказать соответствующее воздействие на адресата» [Там же, с. 23] и коммуникативный эффект, то есть воздействие, произведенное на получателя в результате передачи сообщения [Там же].

Для освещения того, что стоит за такой прагматической установкой, необходимо обратиться к такому понятию, как «интенция», опирающееся на уже упомянутые исследования в рамках теории речевых актов, которая, как известно, изучает методы и средства достижения определенных коммуникативных целей.

Также напомним, что согласно данной теории акт речи понимается как «наименьшая, неделимая единица коммуникации» [Павлова, Гребенщикова, 2017, с. 31]. Принято выделять три составляющие любого речевого акта: пропозиции, иллокуции, перлокуции, где иллокуция будет считаться «средством достижения поставленной цели», тогда как перлокуция - «воздействием на адресата» [Кобозева, 1996, с. 24-25]. Именно иллокутивный уровень обладает интенциональной природой.

Некоторые исследователи определяют «коммуникативную интенцию» как «направленность сознания конкретного индивида на достижение цели, ради которой он включается в разговор с другим индивидом» [Клушина, 2012, с. 34]. Дж. Серль определял как наиболее значимый показатель интенциональности направленность на объект. Он писал, что «беспокойство без причины, веселье или уныние сами по себе не интенция, но, когда они имеют направление на что-то – они интенциональны» [Сёрль, 1997, с. 33]. Как можно заметить, интенция и цель коммуникации понятийно разделены, однако, например, А.Р. Арутюнов ставит между ними знак равенства, полагая, что «любую цель можно связать с обобщенной интенцией: сообщить, узнать, побудить к поступку или высказыванию» [Арутюнов, 1999, с. 29].

Существует также мнение, что «лингвистический замысел определяет интенцию» [Абельсон, 1997, с. 26]. Иными словами, «синтаксическая сторона речевого посыла определяет мыслительную» [Там же]. Отметим также, что «прагматический потенциал интенциональных высказываний весьма широк в своем спектре, его иллокутивная “мощь” может быть проявлена только в каком-либо контексте, базис ее многофакторен – тут и статус общающихся, и искренность их речевых посылов, само желание коммуницировать и воспринимать, наконец, – физические условия для общения и социально значимые для общающихся факторы окружения места и времени общения» [Заюкова, 2005, с. 28].

При совершении каждого речевого акта «говорящий стремится (intends)* оказать определенное иллокутивное воздействие на слушающего; он стремится сделать это, побуждая слушающего опознать его намерение оказать такое воздействие; наконец, он стремится побудить слушающего опознать это намерение с опорой на имеющиеся у слушающего знания о правилах, лежащих в основе производства высказываний» [Сёрль, 1986, с. 195].

Имеют место случаи, когда автор может явно транслировать одну иллокутивную цель, однако при этом ожидать от слушающего понимания «зашифрованного» в сообщении другого коммуникативного намерения. Такие ситуации были названы косвенными речевыми актами, определяемые как «случаи, когда один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путем осуществления другого» [Там же, с. 196]. Большой объем содержания высказывания может быть передан с опорой на «общие фоновые знания, как языковые, так и не языковые, а также на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые у слушающего» [Там же, с. 197].

В таких случаях принято дифференцировать эксплицитную интенцию и имплицитную, «обычно вычитаемую из смысловой нагрузки высказывания» [Заюкова, 2005, с. 28]. Таким образом, объект и направленность на него могут быть не выражены напрямую, но подразумеваться [Ковалев, 2021, с. 36]. Это обуславливает тот факт, что помимо коммуникативной компетенции адресанта крайне важна «компетенция адресата речи, которому предстоит расшифровать направляемое ему текстовое сообщение» [Токарева, 2010, с. 26]. Так, исследователи отмечают, что интенциональность текста не зависит напрямую от прагматического посыла сообщения, «поскольку адресат не обязательно воспримет именно то прагматическое послание, которое заложил в текст автор» [Марова, 1998, с. 34-35].

Однако очевидность такого посыла понятна далеко не всегда и не всем адресатам. «Базисный эскиз характеризуется предложенным выше принципом ответственности. Согласно этому принципу, говорящий несет ответственность за

такое конструирование своего высказывания, чтобы все участвующие в разговоре могли следить за тем, что он говорит. Так определяется то, что может быть названо каноническим разговором» [Кларк, Карлсон, 1986, с. 283]. Исследователи выделяют также неканонический разговор, когда на фоне расхождений в фоновых знаниях сообщается «одной группе участников одно», а «другой группе нечто другое, либо для того, чтобы осуществить специально продуманный обман [Там же, с. 284].

Отметим также, что в рамках политического текста рождается феномен полиинтенциональности, которая складывается при наличии большого количества участников, каждый из которых имеет свои цели и намерения, а равно как и разноплановости и сложности решаемых политических вопросов [Курбакова, Куклева, 2023].

Реализации коммуникативно-прагматического потенциала текста способствуют также интертекстуальные включения в качестве репрезентантов ключевых концептуальных структур, составляющих онтологическую базу современного американского политического дискурса. Напомним, что онтологическая база включает в себя иерархию самых базовых для данной лингвокультуры концептуальных структур. Такие интертекстуальные включения сближают и согласовывают концептуальные базы участников политической коммуникации, что является важной когнитивно-прагматической задачей. В процессе выполнения этой задачи происходит значительное усиление коммуникативно-прагматического воздействия на адресата, так как у него возникает ощущение единства с адресантом, представление, что они «говорят на одном языке».

Интертекстуальные включения играют важную роль в системе коммуникативно-прагматических характеристик высказываний, так как являются выразителем смыслов и ассоциативных рядов, хранящихся в коллективной памяти социума, что делает их мощным средством воздействия на адресата и передачи большого количества информации в сжатой форме. Благодаря

эмоционально-экспрессивной окрашенности интертекст обладает коммуникативно-прагматический потенциалом актуализации фоновых знаний коммуникантов и влияния на их ощущения, создавая диалогичные отношения между новым и старым текстом и между эпохами и культурами [Арнольд, 2010, с. 433]. На основе ассоциативной информации, содержащейся в интертекстуальном включении, формируются оценки, взгляды и картина мира человека. Кроме того, вариативный характер языкового представления концептуальных структур посредством интертекста позволяет адресанту найти верный способ реализации коммуникативно-прагматического потенциала высказывания.

Как известно, в функциональном плане выделяют также аппелятивную, фатическую, поэтическую, референтивную, экспрессивную, метатекстовую функции интертекста [Башкатова, 2006, с. 30-32]. В зависимости от того, какую информацию извлекает из интертекстуального включения адресат, выделяются коммуникативная, познавательная, регулятивная, эмоционально-экспрессивная, фатическая, метатекстовая, поэтическая функции интертекстуальности [Олизько, 2008, с. 42-43]. В политическом дискурсе, ориентированном на воздействие на аудиторию на эмоциональном и образном уровнях, интертекстуальные включения необходимы для установления контакта и достижения адекватной передачи информации и желаемого отклика адресата. Как уже было сказано, они позволяют коммуникантам сблизить концептуальные системы при должной эксплицитности интертекста. В случае недостаточной эксплицитности адресат должен оставить в тексте необходимые «ключи» или «подсказки», чтобы реципиент высказывания смог после некоторых когнитивных усилий понять смыслы, заложенные в интертекст. Вместе с тем, интертекстуальные включения могут выполнять парольную функцию, то есть быть понятными ограниченному количеству людей, что позволяет автору высказывания адресно и имплицитно доносить дополнительную информацию.

Интертекст по своей природе является сложной формацией, включающей смыслы, образы и ассоциации, которые могут изменяться с течением времени.

Такая подвижность позволяет интертекстуальным включениям отражать сложные динамичные процессы, связанные с формированием, становлением, вербальным выражением и особенностями репрезентации и интерпретации различных концептуальных структур.

В то же время вербальная репрезентация концептуальных структур посредством интертекстуальных включений представляет собой лишь один из способов языкового представления концепта, который при этом играет особую роль в реализации коммуникативно-прагматической картины текста.

Коммуникативно-прагматический подход к изучению политических текстов и интертекстуальных включений, функционирующих в рамках политического дискурса, позволяет определять их интенциональность и разграничивать случаи, когда упоминание того или иного явления, названия или объекта материальной культуры, относящегося к экстралингвистической реальности, является лишь обозначением факта, а когда такое упоминание подразумевает объект и направленность на него, а также намерение что-либо сообщить адресату посредством данного включения.

Выводы к Главе 1

1. Актуальность исследования политической сферы жизни человека обусловлена отмеченной еще античными авторами тесной связью между языком и политикой. При этом с точки зрения лингвистики политика представляет собой социальную действительность, «в которой язык является формой ее существования». Основными вопросами являются вопросы власти, информативности и убеждения.

Риторика как неотъемлемая часть политического дискурса, затрагивает вопросы эффективного транслирования определенных идей и оказания определенного эмоционального воздействия путем публичного выступления. При этом особую важность с точки зрения античных авторов приобретают характер говорящего, настроения публики и уместность речи с точки зрения стиля и содержания речи.

Политический текст обладает некоторыми характерными особенностями, которые необходимо учитывать:

- двойственность природы политического текста (под которым понимаются тексты, порожденные всеми политическими акторами (деятелями), как профессиональными, так и не профессиональными), что означает, что любая устная речь будет включать в себя черты письменной и наоборот;
- высокая степень экспрессивности и субъективности текста, что приводит к насыщенности данного текста идеологически маркированными единицами, порождая явление идеологической полисемии;
- политические тексты характеризуются высокой долей межтекстовых связей на уровне частотного использования всевозможных цитат, аллюзий и других интертекстуальных включений. Насыщенность политической коммуникации подобными средствами обусловлена их высоким потенциалом воздействия и манипулятивности. Таким

образом создается так называемая гипертекстуальность политического текста;

- ориентированность политического текста на воздействие на целевую аудиторию, вследствие чего он насыщен средствами, выражающими суггестивную и персуазивную модальности;
- ввиду этого политический текст зачастую адаптируется под целевую аудиторию для оказания наибольшего воздействия на адресата, ориентируясь на предполагаемый уровень фоновых знаний и настроения аудитории;
- важность экстралингвистического аспекта политической коммуникации обуславливает значимость дискурсивного подхода в изучении политических текстов.

2. С точки зрения дискурсивного подхода значимость приобретают различные внеязыковые факторы, лежащие за рамками собственно текста. Контекст в самом широком его понимании наделяет высказывания конкретным значением в рамках конкретной коммуникативной ситуации, что обусловлено динамической природой дискурса, определяемого не как конечный результат, а как интерактивный процесс порождения текста.

Кроме того, для дискурсивного анализа крайне важно принимать во внимание фактор интерпретации высказываний всеми сторонами коммуникации, которая во многом зависит от экстралингвистических фактов, не касающихся текста как такового. Данный факт обуславливает особое место коммуникативно-прагматического подхода, который фокусирует внимание исследователя на целях, преследуемых автором текста, и способах достижения положительного коммуникативного эффекта.

3. Политический дискурс можно определить как речевые образования, так или иначе относящиеся к сфере политики, имеющие как реальное (текстовое), так и виртуальное (невербальное) измерения. При этом необходимо учитывать

тексты, порожденные различными участниками политической коммуникации, как профессиональными, так и непрофессиональными.

Для политического дискурса является характерным существование семантической триады: «ориентация – интеграция – борьба с противником». Знаки, используемые в политическом дискурсе, подчинены реализации этих трех составляющих. При этом изначально стилистически немаркированные знаки ориентации, т.е. знаки формулировки и разъяснения своей позиции, часто наделяются фатическим содержанием, затем превращаясь либо в знаки интеграции, либо знаки агрессии. Такое движение изначально стилистически нейтральных единиц, в том числе, может более подробно объяснить явление идеологической полисемии.

4. При анализе политического дискурса США необходимо учитывать следующие особенности современного американского общества:

- национальная, языковая и конфессиональная разнородность современного американского общества, что влияет на политические тексты, содержание которых должно быть максимально понятным большому количеству людей внутри страны;
- роль политической корректности в политическом дискурсе страны, что отчасти обусловлено уже упомянутой разнородностью. Другой стороной данной особенности является изменение экспрессивно-оценочного наполнения изначально нейтральных элементов и превращение их в знаки интеграционного или агонального характера;
- высокая степень религиозности общества, что отражается на форме и содержании некоторых американских политических текстов;
- политическая культура, сконцентрированная на себе, приводящая к большому количеству цитирований именно американских политиков. Кроме того, концентрация на внутренних делах своей страны приводит к низкой осведомленности о ситуации в других странах.

5. Упомянутые в предыдущем пункте особенности американского общества обуславливают следующие характерные черты современного американского дискурса, выделяющие его на фоне остальных англоязычных политических дискурсов:

- ориентированность речей на сложное синтаксическое оформление при использовании достаточно простой лексики;
- использование в политических текстах прозвищ как экспрессивных оценочных средств;
- использование внешней формы шоу при протекании внутренних политических процессов;
- идеологизированность интерпретации средств репрезентации концептов.

6. Существует множество подходов к определению и анализу такого понятия, как «концепт». Среди них выделяют логическое, когнитивное, когнитивно-дискурсивное и лингвокультурное направления. Концепт является когнитивной единицей объективации культурного опыта народа, что образует прочную взаимосвязь между мышлением и культурой, с одной стороны, и языком как средством формирования, хранения и репрезентации культуры, с другой.

7. Концепт является сложной структурой, в составе которой исследователи выделяют ценностный, образный и фактуальный компоненты. При этом вербальную форму имеет в первую очередь последний компонент. Кроме того, принято выделять ядро содержательной структуры концепта, представляющее собой наиболее конкретные и статичные значения. Вокруг ядра находится периферия, включающая в себя дополнительные смыслы, возникающие в ходе дискурсивных практик.

8. Концептуальные структуры динамичны и подвижны по своей природе, они подвержены постоянным изменениям содержательной области: ее сужениям и расширениям, а также расширению ассоциативного поля. Концептуальные структуры могут находить свою вербальную репрезентацию на разных уровнях

языка: лексическом, лексико-фразеологическом, текстовом, стилистическом. Концептуальная структура связана с глубинными слоями человеческого сознания, где происходит упорядочивание и объединение всех данных через коллективный и индивидуальный опыт.

Динамический характер концептуальных структур реализуется в их постоянном взаимодействии в рамках дискурса на уровне их содержательных структур. В ходе их взаимодействия образуются комплексы, включающие в себя различные концепты, которые связаны общими функциональными характеристиками.

9. Интертекстуальность как явление основывается на способности текстов пребывать в постоянных диалогических отношениях как с другими текстами различных жанров, так и с другими произведениями мировой культуры. Кроме того, на уровне дискурса тексты способны выстраивать связи с внетекстовой реальностью, пробуждающие в сознании адресата определенные образы, ожидаемые отправителем сообщения.

10. Интертекстуальные включения являются частотным и важным инструментом воздействия и убеждения в политическом дискурсе. Данные включения иногда сложно идентифицировать в текстах политического характера ввиду различного уровня информированности целевой аудитории. Для их адекватной интерпретации требуются фоновые знания. Интертекстуальные включения обладают большим потенциалом выражения экспрессивности.

Отметим также идеологическую маркированность интертекстуальных включений в политическом дискурсе. Данная маркированность позволяет оратору обозначить свои ценности и намерения через определенные образы и ассоциации, которые включены в семантическую структуру реализуемых включений.

11. Интертекстуальность тесно связана с понятием вертикального контекста. Знание вертикального контекста (т.е. дополнительная информация как филологического, так и социо-исторического характера) необходимо для

адекватного восприятия и адекватной интерпретации тех или иных интертекстуальных включений.

12. Вопрос интертекстуальности и функционирования интертекстуальных включений в рамках политического дискурса напрямую связан с вопросом интерпретации как со стороны адресанта, так и со стороны адресата. При этом как процесс порождения, так и процесс восприятия того или иного текста оказываются под влиянием предыдущего опыта интерпретации схожих текстов.

13. В научном сообществе не существует однозначного толкования понятия «прагматика», однако многие исследователи сходятся в том, что основной задачей прагматики является исследование основных закономерностей использования языка в конкретных коммуникативных ситуациях, с учетом различных дискурсивных компонентов.

14. Важным для коммуникативно-прагматического анализа политических текстов является понятие модуса, которое подразумевает смыслы, исходящие от адресанта, а также различные дискурсивные категории, например, статус коммуникантов, их отношение друг к другу и т.п.

Кроме того, наибольший интерес для исследователей данного типа текстов представляет именно экспрессивная функция языка, так как она отражает основную цель любого политического текста – оказание воздействия на адресата.

С точки зрения анализа коммуникативно-прагматического потенциала политического текста последний должен рассматриваться с дискурсивных позиций, так как именно они позволяют в полной мере осветить цели, намерения, а также процесс интерпретации высказываний.

15. Фактор интерпретатора является одним из ключевых при рассмотрении политических текстов с коммуникативно-прагматической точки зрения. Процесс интерпретации обусловлен спецификой интерпретируемого контекста: дейктического (отношения коммуникантов), «текстового» и общекультурного.

16. Под воздействием контекста высказывание раскрывает свой коммуникативно-прагматический потенциал, который содержит намерение автора не только оказать определенное эмоционально-экспрессивное воздействие на адресата, но также сообщить ему дополнительную информацию, которая способна оказать влияние на его ценности, мировоззрение, а значит, и на его дальнейшую деятельность. Этим коммуникативно-прагматическое воздействие отличается от воздействия, создаваемого с помощью стилистических средств выразительности.

17. Реализация коммуникативно-прагматического потенциала политического медийного текста может осуществляться посредством интертекстуальных включений в качестве репрезентантов ключевых для данной лингвокультуры концептуальных структур, составляющих онтологическую базу лингвокультурного социума.

Глава 2. Концептуальные структуры “Civil War”, “Freedom”, “Equality” в составе онтологической базы американского политического дискурса и особенности их репрезентации на уровне интертекстуальных включений

Американский политический дискурс обладает широким набором разнообразных концептов, связанных с историей и культурой этой страны и образующих ее национальную концептосферу. В работе осуществляется лингвистический анализ коммуникативно-прагматических особенностей интертекстуальных включений, репрезентирующих концепты “Civil War”, “Freedom” и “Equality”. Данные концепты входят в онтологическую базу американской лингвокультуры и являются одними из ключевых для онтологической базы американского политического дискурса.

Актуальность реализации данных концептуальных структур для современной американской лингвокультуры подтверждается в том числе корпусными данными. Так, поисковик Google Books Ngram, производящий поиск частотности слов в оцифрованном корпусе книг и журналов Google Books, предоставляет следующие результаты. В поисковую строку были введены лексические единицы, напрямую называющие анализируемые концептуальные структуры, при этом были установлены поисковые фильтры “American English” (т.е. учитывались только материалы, изданные на территории США) и “2000-2022” (т.е. учитывались только указанные временные рамки). Запрос “Civil War” показал рост количества запросов на 5% в промежуток между 2016 и 2022 (Google Books. Civil War [Электронный ресурс] Режим доступа: https://books.google.com/ngrams/graph?content=Civil+War&year_start=2000&year_end=2022&corpus=en-US&smoothing=3 (дата обращения: 28.05.2025)), однако, более конкретный запрос “US Civil War” показал, что рост составил 28% (Google Books. US Civil War [Электронный ресурс] Режим доступа: https://books.google.com/ngrams/graph?content=US+Civil+War&year_start=2000&year_end=2022&corpus=en-US&smoothing=1&case_insensitive=false (дата обращения:

28.05.2025)). Поисковый запрос “Freedom” продемонстрировал рост 12% (Google Books. Freedom [Электронный ресурс] Режим доступа: https://books.google.com/ngrams/graph?content=Freedom&year_start=2000&year_end=2022&corpus=en-US&smoothing=1 (дата обращения: 28.05.2025)), “Equality” – 24% (Google Books. Equality [Электронный ресурс] Режим доступа: https://books.google.com/ngrams/graph?content=equality&year_start=2000&year_end=2022&corpus=en-US&smoothing=1 (дата обращения: 28.05.2025)), “Equity” – 9% (Google Books. Equity [Электронный ресурс] Режим доступа: https://books.google.com/ngrams/graph?content=equity&year_start=2000&year_end=2022&corpus=en-US&smoothing=1 (дата обращения: 28.05.2025)). На это также указывают работы ученых, работающих в сфере концептологии [Слышкин, 2000; Карасик и др., 2005; Пашутина, 2009; Филлипова, 2011].

Отметим также, что концептуальные структуры “Civil War”, “Freedom”, “Equality” и “Equity” являются регулятивными концептами американской лингвокультуры. Напомним, что концепты-регулятивы «выполняют роль закрепления ценностных доминант, лежащих в основе понимания мира и роли человека в нем, выступая в качестве ключевых ценностных и моральных ориентиров человека в данном обществе» [Пашутина, 2009, с. 4].

В ходе исследования необходимо выявить ядерные и периферийные языковые значения содержательной стороны указанных концептов, обращаясь к анализу примеров их вербальной репрезентации на лексико-фразеологическом и синтаксическом уровнях, а также в терминах взаимодействия языковой системы и других семиотических систем, с учетом первичности естественного человеческого языка.

2.1. Вербально-репрезентативные характеристики концептуальной структуры “Civil War” и ее роль в современном политическом дискурсе США

Тема гражданского раскола в Соединенных Штатах все чаще поднимается в американском обществе. Точкой стремительной радикализации разделения современного американского общества многие считают президентские выборы

2020 года и их противоречивые итоги. В связи с этим концепт “Civil War” все больше актуализируется в политическом дискурсе Соединенных Штатов Америки. Так, например, в 2021 году в американском издании вышла статья со ссылкой на социологический доклад Edelman Trust Barometer, в которой указывается, что половина из опрошенных американцев уверены в том, что США находится в состоянии «холодной гражданской войны» (Kay G. A majority of Americans surveyed believe the US is in the midst of a 'cold' civil war [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.businessinsider.com/many-people-united-states-believe-cold-civil-war-survey-2021-1> (дата обращения: 28.05.2025)). В этом же году Политический центр при Университете Вирджинии публикует доклад, в котором сообщается, что порядка 90% опрошенных радикальных сторонников Д. Трампа и Джо Байдена считают, что, если политические события развернутся не в их пользу, то позволительно отказать их политическим противникам в праве называться частью Америки (New Initiative Explores Deep, Persistent Divides Between Biden and Trump Voters [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://centerforpolitics.org/crystalball/articles/new-initiative-explores-deep-persistent-divides-between-biden-and-trump-voters/> (дата обращения: 28.05.2025)).

Происходящее в американском обществе неизбежно влияет на процесс репрезентации концептов в текстах общественно-политической направленности, в частности на репрезентацию концепта “Civil War”.

Обратимся к дефиниционному анализу словосочетания “civil war”, именующего концепт “Civil War”, с помощью следующих словарей: “Cambridge Online Dictionary”, “Merriam Webster Online Dictionary”, “The Free Dictionary by Farlex”, “The Britannica Dictionary”, “Dictionary.com”, “Longman Dictionary of Contemporary English”, “Oxford Learner’s Dictionaries Online”, “Collins Online Dictionary”, “The Concise Oxford Dictionary for Politics”, “The Oxford Encyclopedia of the Modern World”, “The American Heritage Dictionary of the English Language”.

Согласно “Cambridge Online Dictionary” “civil war” – это *“a war fought by different groups of people living in the same country”*, согласно “Merriam Webster Online Dictionary” – *“a war between opposing groups of citizens of the same country”*,

согласно “The Free Dictionary by Farlex” – *“a war between factions or regions of the same country”*. Словарь “The Britannica Dictionary” дает такое определение: *“a war between groups of people in the same country”*, онлайн-словарь “Dictionary.com” определяет гражданскую войну как *“a war between political factions or regions within the same country”*. В “The Oxford Encyclopedia of the Modern World” можно найти следующее определение: *“violent conflict in which organized groups within a country fight against each other for political control (of the center, a region, or over a separatist state) or to change government policies”*. Онлайн-версия словаря “The Oxford Learner’s Dictionaries” дает следующее определение: *“a war between groups of people in the same country”*. Согласно онлайн-словарю “The Collins Dictionary” *“civil war”* – это *“a war which is fought between different groups of people who live in the same country”*, а “The Longman Dictionary of Contemporary English” дает такую дефиницию: *“fighting, etc., between different groups of people living in the same country”*. Также некоторые словари добавляют, что это *“the war in the United States between the Union and the Confederacy from 1861 to 1865”* и *“a state of hostility or conflict between elements within an organization”* [American Heritage Dictionary of the English Language, p. 1454].

Все словари указывают на то, что «гражданская война» как явление характеризуется конфликтом внутри одной страны. При этом дефиниции не дают четкого определения разделяющих факторов: стороны могут разделяться по территориальному, религиозному, политическому или экономическому признаку. Из этого можно заключить, что ключевым признаком данного концепта будет разделение, то есть *“division”*.

Обратимся к определению, данному словарем “The Concise Oxford Dictionary for Politics”, где сказано, что *“...the territorial aspect of the conflict means that civilian involvement and civilian deaths are usually high. In practice, it is sometimes difficult to differentiate between a civil war and terrorist activity, coup d’état, ethnic cleansing...”* и *“state violence should be sustained and reciprocated, with significant numbers of casualties”* [The Concise Oxford Dictionary for Politics, p. 293].

В “The Oxford Encyclopedia of the Modern World” дается такое определение: *“there is no comprehensive definition of a civil war that all scholars agree upon. The simplest definition is that of a violent conflict in which organized groups within a country fight against each other for political control (of the center, a region, or over a separatist state) or to change government policies”* [Stearns, 2008, p. 197].

Исследователи отмечают, что гражданский конфликт обычно отличается от других видов войн повышенным количеством жертв среди гражданского населения, что приводит к выводу, что еще одним важным признаком концепта “Civil War” является “extreme violence”, который вместе с тем обладает и универсальным характером в отношении концепта «War».

Из словарных дефиниций следует, что концепт “Civil War” в речи может быть представлен сразу на двух уровнях: на уровне ассоциации с глубоким расколом в современном обществе, могущим привести к боевым столкновениям, и с реальным событием американской истории. Данная культурная и историческая специфика содержания концепта выражается при помощи определенного артикля “the”. При этом Гражданская война 1861-1865 годов по сей день считается самым кровопролитным конфликтом в истории США, так как именно в ходе него погибло наибольшее количество американцев (при сложении потерь, понесенных Севером и Югом). Согласно официальной статистике, число погибших американцев в годы Гражданской войны равно 618 222, хотя некоторые исследователи настаивают на том, что количество потерь составляет 750 000 (Gugliotta G. New Estimate Raises Civil War Death Toll [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.nytimes.com/2012/04/03/science/civil-war-toll-up-by-20-percent-in-new-estimate.html?_r=2&ref=science&pagewanted=all (дата обращения: 28.05.2025)). Для сравнения, общее число американских потерь во Второй Мировой войне – 407 316 человек (Research Starters: US Military by the Numbers [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nationalww2museum.org/students-teachers/student-resources/research-starters/research-starters-us-military-numbers> (дата обращения: 28.05.2025)). Таким

образом, можно заключить, что упоминание реального исторического события также связано с языковыми значениями “division” и “extreme violence”, что напрямую коррелирует с первым уровнем репрезентации. При этом Война 1861-1865 гг. служит яркой иллюстрацией радикального разобщения, жестокости и бесчеловечности вооруженного столкновения в рамках одного общества.

Таким образом, можно заключить, что ядерным языковым значением концепта “Civil War” будет являться “division”, периферийными можно назвать “extreme violence”, “confrontation” и “chaos”. При этом периферийные значения тесно связаны с ядерным, являясь его расширением. Для данного исследования наиболее значимыми являются значения “division” и “confrontation”.

Заметим также, что подобное четкое разделение на ядерные и периферийные языковые значения содержательной области концепта в рамках дискурса стирается, так как в разных контекстах употребления их репрезентантов на первый план выдвигаются и те, и другие.

Важно отметить специфику соотношения между близкими по содержанию концептами “Civil War” и “War”. Так, согласно “Cambridge Dictionary”, “war” – это *“1. armed fighting between two or more countries or groups, or a particular example of this; 2. any situation in which there is strong competition between opposing sides or a great fight against something harmful”*. “Merriam Webster” предоставляет такие определения: *“1. (a1) a state of usually open and declared armed hostile conflict between states or nations; (a2) a period of such armed conflict; (a3) STATE OF WAR; (b) the art or science of warfare; (c1) obsolete: weapons and equipment for war; (c2) archaic: soldiers armed and equipped for war; 2. (a) a state of hostility, conflict, or antagonism; (b) a struggle or competition between opposing forces or for a particular end”*.

“Dictionary.com” предлагает следующие дефиниции: *“1. a conflict carried on by force of arms, as between nations or between parties within a nation; warfare, as by land, sea, or air; 2. a state or period of armed hostility or active military operations; 3. a contest carried on by force of arms, as in a series of battles or campaigns; 4. armed*

fighting, as a science, profession, activity, or art; methods or principles of waging armed conflict; 5. active hostility or contention; conflict; contest; 6. aggressive business conflict, as through severe price cutting in the same industry or any other means of undermining competitors; 7. a struggle to achieve a goal". "The Free Dictionary" определяет "war" так: "1. (a) *A state of open, armed, often prolonged conflict carried on between nations, states, or parties, (b) The period of such conflict, (c) The techniques and procedures of war; military science; 2. (a) A condition of active antagonism or contention, (b) A concerted effort or campaign to combat or put an end to something considered injurious*".

"Collins Dictionary" предоставляет следующие дефиниции: "1. *a period of fighting or conflict between countries or states; 2. intense economic competition between countries or organizations; 3. if you make war on someone or something that you are opposed to, you do things to stop them succeeding*". Словарь "Oxford Learner's Dictionaries" определяет "war" как: "1. *a situation in which two or more countries or groups of people fight against each other over a period of time; 2. a situation in which there is aggressive competition between groups, companies, countries, etc.; 3. a fight or an effort over a long period of time to get rid of or stop something unpleasant*".

Следующие определения представлены в словаре "The Longman Dictionary of Contemporary English": "1. *When there is fighting between two or more countries or between opposing groups within a country, involving large numbers of soldiers and weapons; 2. A struggle over a long period of time to control something harmful; 3. A situation in which a person or group is fighting for power, influence, or control*" [Longman Dictionary of Contemporary English, p. 2895]. "The American Heritage Dictionary" толкует понятие "war" так: "1. (a) *a state of open, armed, often prolonged conflict carried on between nations, states, or parties, (b) the period of such conflict, (c) the techniques and procedures of war; military science; 2. (a) a condition of active antagonism or contention, (b) a concerted effort or campaign to combat or put an end to something considered injurious*" [American Heritage Dictionary of the

English Language, p. 7977]. Авторы словарной статьи, представленной в словаре “The Concise Dictionary”, описывали данное понятие следующим образом: *“armed conflict between two or more parties, usually fought for political ends. <...> The main focus of the idea is on the use of force between large-scale political units such as states or empires, usually over control of territory. <...> In a legal sense, states can be at war without actually using force against each other, but merely by declaring themselves to be in a state of war. Conversely, states can be using force against each other on quite a large scale without actually making formal declarations that they are in a state of war”* [Brown et al., 2018, p. 1277].

Основываясь на вышеизложенных определениях, можно сделать вывод о том, что содержательное поле концепта “War” не включает в себя непосредственно языковое значение “division”, что отличает его от концепта “Civil War”, однако, стоит отметить, что периферийные значения данных концептов (например, “confrontation”, “hostility” и т. п.), безусловно, могут совпадать, поскольку концепты “War” и “Civil War” находятся в гиперогипонимических отношениях. Отметим также, что концептуальная структура “War” характеризуется разным восприятием в рамках общечеловеческого и профессионального понимания, так как специалистами в сфере политики, политологии и международных отношений не рассматривается эмоционально-экспрессивное содержание данного понятия [Сергиенко, 2018]. В то же время средства репрезентации концептуальной структуры “Civil War” в американском обществе не имеют таких различий в интерпретации со стороны населения данной страны.

В 2021 году на веб-ресурсах, принадлежащих Республиканской партии, был опубликован видеоматериал “Defending The American Way of Life”, в котором содержалось заявление о том, что США находятся в состоянии «холодной гражданской войны» (“cold civil war”) между защитниками американского образа жизни, под которыми автор подразумевает консерваторов-республиканцев, и теми, кто стремится его уничтожить, то есть либералами и демократами (Joseph C.

This Super PAC Wants to Win the ‘Cold Civil War’ Against ‘Woke Communists’
 [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://www.vice.com/en/article/xgdd4q/claremont-institute-thomas-klingsenstein-super-pac>
 (дата обращения: 28.05.2025)).

Следующим примером явного концепта «Civil War» является опубликованное интервью бывшего губернатора Аляски Сары Пэлин, прокомментировавшей судебные обвинения в адрес экс-президента Дональда Трампа. В интервью Newsmax она сказала: *“Do you want us to be in a civil war? Because that’s what’s going to happen. We’re not going to keep putting up with this. And Eric, I like that that you suggested that we need to get angry. We do need to rise up and take our country back”* (On Newsmax, Sarah Palin Calls for Civil War [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mediamatters.org/newsmax/newsmax-sarah-palin-calls-civil-war> (дата обращения: 28.05.2025)).

Рассмотрим два примера менее вербализации языковых значений содержательной области концепта «Civil War». В этом случае концепт находит свою репрезентацию при помощи «образов-посредников», которые тем или иным образом связаны в национальном сознании с данным явлением.

В тексте инаугурационной речи Джозефа Байдена 2021 года обнаруживается следующий отрывок: *“We must end this uncivil war that pits red against blue, rural versus urban, conservative versus liberal. We can do this if we open our souls instead of hardening our hearts, if we show a little tolerance and humility, and if we're willing to stand in the other person's shoes, as my mom would say. Just for a moment, stand in their shoes”* (Sundby A. Read the full text of Biden's inaugural address [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/president-joe-biden-inauguration-address-text/> (дата обращения: 28.05.2025)). Подбор лексики обусловлен тем, что автор пытается внушить аудитории необходимость объединения перед надвигающейся угрозой гражданского раскола. Интересна также игра слов в словосочетании “uncivil war”.

Онлайн-версия словаря “Merriam-Webster” дает три определения слова “uncivil”: “1. not civilized; 2. lacking in courtesy; 3. not conducive to civic harmony and welfare”. Таким образом, помимо аллюзии на Гражданскую войну 1861-1865гг., политик указывает на варварский характер происходивших на момент речи уличных беспорядков. Отметим также грамматико-синтаксическое оформление анализируемого отрывка. Противопоставление передается при помощи противительного предлога “versus” и повторенной трижды параллельной конструкции “a group + versus + a group”. Кроме того, в рассматриваемом отрывке наблюдается повтор трех придаточных предложений условия, начинающихся с союза “if”. Используемый адресантом параллелизм создает особый лексико-синтаксический и, соответственно, интонационный контур, отражающий усиление эмоциональности, экспрессивности, а на ментально-лингвальном уровне – коммуникативно-прагматического эффекта: постановка риторических пауз перед каждой противительной конструкцией, а также перед каждым подчинительным союзом, который намеренно выделяется фразовым ударением. Фразовым ударением также выделяется префикс “un-” в уже рассмотренном нами слове “uncivil” для выделения слова в потоке речи и привлечения к нему внимания адресанта. Данный комплекс просодических, лексических и синтаксических средств, нацеленный на эффективную передачу примирительно-успокающего посыла, посредством противопоставления способствует процессу комплексного вербального представления значения “division” на имплицитном уровне.

Обратный эффект создается образами, использующимися в тексте представленного в том числе в печатном виде интервью Дональда Трампа известному телеведущему Такеру Карлсону. В конце интервью Т. Карлсон задал своему гостю вопрос: “*Do you think we’re moving towards civil war?*” (Trump D., Carlson T. Tucker on X Debate Night Interview with Donald Trump Transcript [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rev.com/blog/transcripts/tucker-on-x-debate-night-interview-with-donald-trump-transcript> (дата обращения:

28.05.2025)). В ответ на заданный вопрос политик вспомнил события 6 января 2021 года, когда группа людей совершила захват Капитолия в знак протеста против, как они считали, сфальсифицированных выборов. Он сказал: *“6th was a very interesting day because, they don’t report it properly, I believe it was the largest crowd I’ve ever spoken before. You know some of the crowds I’ve spoken before, like July 4th on the Mall. I think they had a million people there. But I think that the biggest crowd I’ve ever spoken before was on January 6th. People that were in that crowd, a very, very small group of people, and we said, “Patriotically and peacefully. Peacefully and patriotically.” Nobody ever says that, “Go peacefully and patriotically”* [Там же]. В указанном отрывке присутствует аллюзия на одно из ключевых для истории США событий – Войну за независимость. Данная аллюзия выражается с помощью упоминания даты Дня независимости, 4-го июля. В этот день в 1776 году была подписана Декларация независимости США. Во время Войны за независимость британской армии и силам лоялистов противостояли так называемые «Патриоты» (“Patriots”). Это описание используется для характеристики людей, захвативших Капитолий и сравнения их с героями той войны. При этом их противники имплицитно выставляются «непатриотами» США, с которыми ведут борьбу сторонники Д. Трампа. Кроме того, в своей реплике с помощью различных образов политик включает в свою речь несколько значимых для американской политической культуры событий – “War of Independence” и “Independence Day”.

В данном отрывке наблюдается явление аллитерации и паронимической аттракции, заключающейся в приеме «намеренного соположения созвучных слов в текстах разной функциональной направленности (художественная литература, научная проза, англоязычная реклама и произведения ораторского искусства)» [Назарова, 2015, с. 40]. В рассматриваемом отрывке адресант намеренно сближает два слова, начинающиеся с согласной буквы “р”, в выражении “peacefully and patriotically” для достижения необходимого эстетического и коммуникативного эффекта. Кроме того, в рамках высказывания оно повторяется трижды. При рассмотрении просодических параметров данной синтагмы в подобных случаях используется ускоренный темп, чтобы посредством реализации просодических

параметров подчеркнуть семантическую близость данных значений. Иными словами, оба наречия и союз произносятся фактически как одно слово. Учитывая событийный контекст, можно сказать, что с помощью данных структурно-содержательных элементов на языковом уровне выражается значение содержательной области концепта “division”.

Также следует обратить внимание на использование синтаксических средств в следующем отрывке: *“He and I, we both know the vast majority of people in our country have so much more in common than what separates them. When we look at folks, we see in our fellow Americans neighbors, not enemies. Not enemies”* (Pangambam S. President Biden and former President Trump Debate (Transcript) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://singjupost.com/president-biden-and-former-president-trump-debate-transcript/?singlepage=1> (дата обращения: 28.05.2025)). Наряду с лексическими единицами “neighbors” и “enemies”, направленными на пробуждение в сознании адресатов образов желаемого мирного сосуществования, с одной стороны, и нежелательного конфликта, с другой, и тем самым служащими вербальными репрезентантами содержательной области концептуальной структуры “Civil War”, для усиления воздействия на аудиторию используются такие синтаксические средства, как антитеза, парцелляция и повтор. Комплекс данных выразительных средств предполагает оформление соответствующим просодическим рисунком: длинные паузы перед словами “in”, “neighbors”, а также перед последней запятой в предложении. Данные паузы предваряются нисходящей интонацией.

Исходя из приведенных примеров, можно заключить, что репрезентация концепта и его языковых значений осуществляется более явно через прямое озвучивание слова или словосочетания, непосредственно именующего концепт. Это значит, что достигается моментальная активация закрепленных в массовом сознании за концептом и его языковыми значениями образов. При таком виде репрезентации снижается риск недопонимания и разночтений. Однако у такой выраженной формы вербализации содержательной области концептуальной

структуры имеется излишняя экспрессивно-оценочная персуазивная нагрузка, что может интерпретироваться нейтральной аудиторией негативно.

Обратим внимание на репрезентацию в тексте отдельных элементов языкового значения рассматриваемой концептуальной структуры. Использование только одного из значений ввиду их тесной смысловой связности позволяет пробудить ментальные образы, закрепленные за другими элементами содержательной области концептуальной структуры. Следующие примеры репрезентации значения “division” послужат иллюстрацией этого положения.

Репрезентацию данного языкового значения можно наблюдать в тексте речи Д. Трампа, которую он произнес в 2016 году в Геттисберге, знаковом городе с точки зрения института президентства в США, так как там было представлено «Геттисбергское обращение» Авраама Линкольна, которое было посвящено необходимости единения страны и которое считается культовым прецедентным текстом для американского политического дискурса. Также этот город важен с точки зрения истории Гражданской войны, так как там произошла битва при Геттисберге, ставшая решающим сражением в Гражданской войне. *“It's my privilege to be here in Gettysburg, hallowed ground where so many lives were given in service to freedom; amazing place. President Lincoln served at a time of division like we've never seen before. It is my hope that we can look at his example to heal the divisions we are living through right now”* (Anderson Т.К. Trump's Gettysburg Address - Full Transcript [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.huffpost.com/entry/trumps-gettysburg-address-full-transcript_b_580dbc6de4b099c434319901 (дата обращения: 28.05.2025)). В отличие от многих предыдущих примеров в данном случае репрезентант языкового значения “division” имеет не агональный, а примирительный характер, что призвано вызвать соответствующие ассоциации и образы в сознании аудитории.

В некоторых случаях репрезентация концепта осуществляется с помощью использования лексических единиц с противоположным значением. Примером может служить слово “unity”, обладающее антонимичным значением по

отношению к рассматриваемому значению. Так, в тексте инаугурационной речи Джо Байден 23 раза употребил слова или фразы, связанные со значением “unity” (Sundby A. Read the full text of Biden's inaugural address [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/president-joe-biden-inauguration-address-text/> (дата обращения: 28.05.2025)). Таким образом, призывы к единству пробуждают те образы и ассоциации, которые связаны в коллективном сознании с языковым значением “division” и его антонимами.

Средства вербальной репрезентации концептуальной структуры “Civil War” могут наделяться уничижительным значением. Проиллюстрируем данное положение следующим отрывком из публикации в одной из американских социальных сетей: *“In honor of our great Veterans on Veteran’s Day, we pledge to you that we will root out the Communists, Marxists, Fascists, and Radical Left Thugs that live like vermin within the confines of our Country, lie, steal, and cheat on Elections, and will do anything possible, whether legally or illegally, to destroy America, and the American Dream”* (Trump D. Veterans Day - 11/11/23 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.qnotables.com/post/veterans-day-11-11-23> (дата обращения: 28.05.2025)). При анализе реализуемых средств номинации в первую очередь стоит обратить внимание на эмоционально окрашенное существительное “vermin”. “Кембриджский онлайн-словарь” приводит следующие два определения этому слову: *“1. small animals and insects that can be harmful and are difficult to control when they appear in large numbers; 2. an offensive word for people who are unpleasant and harmful to society”*. Фразовый глагол “root out”, определяемый словарем “Cambridge Dictionary” как *“to remove a whole plant, including the roots, from the ground”*, также способствует «расчеловечиванию» политических оппонентов в представлении реципиентов политического текста и призывает их к совершению агрессивных действий по отношению к ним. Существительное “thugs”, то есть *“a man who acts violently, especially to commit a crime”*, дополняет конструируемый автором и транслируемый адресату негативный образ.

Репрезентация концептуальных структур может также осуществляться с помощью языковых средств, требующих от автора определенной способности к словотворчеству. Рассмотрим пример использования паронимической аттракции и создания телескопического слова для оказания необходимого коммуникативно-прагматического эффекта и вербальной передачи образов, стоящих за концептуальной структурой “Civil War”: “*But now that the Trumpen proletariat is in the GOP’s corner, ...*” (Cassidy J. Trump’s Fascistic Rhetoric Only Emphasizes the Stakes in 2024 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.newyorker.com/news/our-columnists/trumps-fascistic-rhetoric-only-emphasizes-the-stakes-in-2024> (дата обращения: 28.05.2025)).

Новообразование “Trumpen proletariat” является сочетанием следующих слов: “Trump” и “lumpen proletariat”. В данном случае следует рассмотреть подробнее данное понятие с точки зрения неологизации. Специалисты отмечают, что посредством неологизмов в языковой картине мира носителей того или иного языка отражаются изменения, происходящие в рамках данного языкового сообщества [Миньяр-Белоручева, 2020]. Неологизмы характеризуются как слова, «употребляемые в речи, но еще не вошедшие в язык» [Миньяр-Белоручева, Сергиенко, 2023, с. 87]. С точки зрения своей структуры такие новообразования могут представлять собой «сочетание или модификацию существующих слов или добавление модифицирующих префиксов и суффиксов к словам, чтобы уплотнить или упростить информацию и ускорить ее передачу» [Leibold, 1989, с.110].

Основанием для представленного в отрывке сращения двух слов служит графическое и звуковое сходство фамилии американского политика и заимствования из немецкого языка, что облегчает процесс декодирования смыслов, заложенных в авторский неологизм. Само по себе словосочетание “Trumpen proletariat” является также аллюзией на термин из классовой теории Карла Маркса «люмпен-пролетариат» (“lumpenproletariat”), которое в англоязычном мире определяется как «*the lowest stratum of the industrial working class, including also such undesirables as tramps and criminals. <...> [They] also tend*

to act as the “bribed tools of reactionary intrigue”» (Encyclopedia Britannica [сайт]. Режим доступа: <https://www.britannica.com/> (дата обращения: 28.05.2025)). Подобная игра слов обладает уничижительным экспрессивно-оценочным характером, убеждая реципиентов в социальной несостоятельности сторонников Дональда Трампа и вызывая у реципиента антипатию по отношению к данным людям. Американская историко-культурная специфика также оказывает влияние на процесс интерпретации анализируемого новообразования. Так, представители «люмпен-пролетариата» или «низшего класса» (англ. *underclass*) активно вербовались и использовались американской леворадикальной организацией “Black Panther Party” ввиду их преимущественно афроамериканского происхождения [Floyd, Francis, 1998, p. 160-161]. Учитывая исторический и социокультурный контекст, специфичный для американского политического дискурса, можно сказать, что аллюзия на марксистский термин обладает также ярко выраженным агональным характером, не только отделяя сторонников Д. Трампа от остальных американцев, но также пробуждая агрессию и страх по отношению к ним как к людям, способным на радикальные антигосударственные и революционные действия и насилие. Таким образом, рассматриваемое словосочетание отражает весь спектр содержательной области концептуальной структуры “Civil War”.

Языковые значения содержательной области концептуальной структуры могут находить свою вербальную репрезентацию посредством лексических средств-маркеров, например, связанных с обозначением пространственных характеристик. Проанализируем сообщение, опубликованное в социальной сети “Truth” и посвященное Дню Ветеранов: *“The threat from outside forces is far less sinister, dangerous, and grave, than the threat from within”* (Bump P. Trump reminds us: History also repeats when people take the wrong lessons [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/politics/2023/11/13/trump-vermin-hitler-authoritarians/> (дата обращения: 28.05.2025)). Существительное “threat” позволяет говорить о вербальном представлении элемента содержательной области “division”, подкрепленного пространственными обозначениями “outside”

и “within”. Таким образом транслируется субъективная картина мира адресанта, в которой одна часть общества отделена от другой, так как представляет угрозу для всего социального организма США. Подобный прием обладает как мобилизационным и интеграционным, так и агональным потенциалом, который реализуется политиком в призывах к своим сторонникам сплотиться, чтобы активно защититься от внутренней угрозы. Передача этих смыслов усиливается использованием противительной конструкции, состоящей из прилагательного в сравнительной степени и союза “than”.

Среди лексических средств-маркеров можно выделить маркеры-цветообозначения, при использовании которых адресант указывает своей аудитории «своих» и «чужих», вызывая симпатию к первым и антипатию ко вторым. Очень часто для этих целей используются партийные цвета республиканцев (красный) и демократов (синий). Рассмотрим отрывок из статьи “Trump Has Won the GOP’s Civil War”, опубликованной в журнале New York Magazine: “1. But red America’s consummate “winner” has emerged from electoral and insurrectionary defeat with his grip on the GOP faithful intact”; 2. “But no one in red America commands more legions of ultraloyal stalwarts, and for this reason, few if any Republicans are better positioned to unite their coalition”, 3. “America’s voting-age population is bluer than its electorate” (Levitz E. Trump’s Reconquest of the GOP May Have an Upside for Democracy [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://nymag.com/intelligencer/2021/02/trump-gop-civil-war-voter-id-laws-democracy-reform.html> (дата обращения: 28.05.2025)).

С помощью цветообозначающих маркеров (“red America’s consummate “winner””, “red America”, “population is bluer”) автор разделяет американское общество на сторонников той или другой политической партии, при этом подразумевается, что политические лагеря находятся друг с другом в противостоянии. Посредством подобных маркеров автор может более эксплицитно заявить о своей политической ориентации, но также в них могут находить свою вербальную репрезентацию языковые значения концептуальной

структуры “Civil War”, что связано с пробуждением образов разных «Америк», каждая из которых характеризуется собственным цветом.

Следующей иллюстрацией данного феномена является статья с говорящим названием “A War on Blue America”, выпущенная в американском журнале “The Atlantic”. Автор пишет: 1. *“During his term in the White House, Donald Trump governed as a wartime president — with blue America, rather than any foreign country, as the adversary”*; 2. *“In Trump’s final year in office, he opened a new, more ominous front in his campaign to assert control over blue jurisdictions”*; 3. *“Trump has signaled that in a second presidential term, he would further escalate his war on blue America”*; 4. *“As president, Trump seemed to view himself less as the leader of a unified republic than as the champion of a red nation within a nation — one that constitutes the real America”* (Brownstein R. A War on Blue America [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2024/01/trump-liberal-america-reelection-law-enforcement/676136/> (дата обращения: 28.05.2025)). Такие цветообозначающие маркеры, как “blue America”, “blue jurisdictions”, “a red nation within a nation”, позволяют репрезентировать значение “division” как вербальное воплощение элемента концептуальной структуры “Civil War”. Словосочетание “nation within a nation” делает данный пример репрезентации концепта более выраженным. Кроме того, отрывок имеет очевидную агрессивную тональность благодаря обилию военной и конфронтационной лексики: “wartime president”, “front” “champion”, “adversary”. Насыщенность агональной лексикой, связанной с открытыми военными действиями, позволяет более полно транслировать образы уже существующего противостояния внутри американского общества, тем самым усиливая коммуникационно-прагматический эффект всего текста.

Использование подобных маркеров в области политического дискурса может не только разделять, но и призывать общество к объединению и примирению: *“And boy, how far we are from when a politician could tell the nation with a straight face there are no red states or blue states. This is a polarized time, and polarization has helped propel Vance to the pinnacle of politics”* (Willick J. Did Vance

sell a new kind of conservative nationalism? [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/07/18/jd-vance-rnc-convention/> (дата обращения: 28.05.2025)). Подобный эффект возникает благодаря появлению отрицательной частицы “no” перед политически маркированными цветообозначениями, что позволяет судить о коммуникативно-прагматической установке автора повлиять на разделенное общество и побудить его к объединению.

Обратимся к примеру использования религиозных образов для усиления коммуникативно-прагматического воздействия на адресата: *“You are just going to see standoffs. It is going to be the Philadelphia Police Department versus the National Guard. Neighbors are going to be surrounding people’s houses. Folks are going to rush and seek safety in churches and synagogues and mosques and temples”* (Brownstein R. A War on Blue America [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2024/01/trump-liberal-america-re-election-law-enforcement/676136/> (дата обращения: 28.05.2025)). Противительная конструкция *“the Philadelphia Police Department versus the National Guard”*, реализуемая при описании столкновения местных и федеральных силовых ведомств, не только является репрезентантом содержательной области *“division”*, но также представляет концептуальную структуру на уровне отсылки к реальному историческому событию: поводом для начала Гражданской войны 1861-1865 гг. послужили открытое неповиновение властей рабовладельческих штатов федеральному центру и их дальнейшая сецессия. Общее содержание текста отражает и употребление языковой единицы *“standoff”*, означающей, согласно *“Cambridge Dictionary”*, *“a situation in which agreement in an argument does not seem possible”*. Таким образом, лексические средства рассматриваемого отрывка служат способом репрезентации следующих языковых значений концептуальной структуры *“Civil War”*: *“division”*, *“confrontation”*, *“extreme violence”* и *“chaos”*. Вместе с тем концепт *“Civil War”* находит выражение посредством неявной аллюзии на историческую Гражданскую войну в США. Последнее предложение *“Folks are going to rush and seek safety in churches and*

synagogues and mosques and temples” усиливает степень коммуникативно-прагматической эффективности текста как мрачного предостережения, так как с помощью перечисления религиозных зданий различных конфессий автор демонстрирует масштабность вероятных негативных последствий современных событий.

В тексте статьи американского издания CNN приводится мнение представителя Республиканской армии относительно грядущих президентских выборов, итогом которых может стать “bloodshed” в случае повторения масштабных фальсификаций. “Cambridge Dictionary” дает следующие определения данному слову: “1. *killing and violence*; 2. *a great amount of killing and injury*”. Такая характеристика являет собой явную репрезентацию значения содержательного поля концепта “Civil War” – “extreme violence”. Кроме того, учитывая недавний политический контекст США, можно сказать, что прогнозируются яростные столкновения между сторонниками двух политических партий, что ведет к имплицитному выражению языковых значений “division” и “confrontation”. В тексте в рамках его метатекстовой функции приводится комментарий автора относительно того, что именно он подразумевал под “bloodshed”: “*And I will tell you, as much as I am willing to defend our liberty at all costs, there’s nothing that I would dread doing more than having to pick up arms against a fellow American*” (LeBlanc P., Dale D. Rep. Cawthorn talks of ‘bloodshed’ over future elections as he pushes voting lies [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2021/08/30/politics/madison-cawthorn-elections/index.html> (дата обращения: 28.05.2025)). В данном случае представлен процесс вербальной репрезентации целого ряда значений содержательного поля концептуальной структуры “Civil War”: “division”, “confrontation”, “extreme violence” и “chaos”, обладающих экспрессивно-эмоционально-оценочными коннотациями.

Другим примером репрезентации рассматриваемого концепта является отрывок из текста статьи в американском издании “The Washington Post”: “*There*

is every reason to believe that active-duty troops and reservists are likely to be disproportionately more sympathetic to a newly reelected President Trump than to the “Radical Left Thugs” supposedly causing mayhem in the streets of their towns and cities” (Kagan R. A Trump dictatorship is increasingly inevitable. We should stop pretending [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/11/30/trump-dictator-2024-election-robert-kagan/> (дата обращения: 28.05.2025)). Рассмотрим два определения слова “mayhem”, которые предлагаются словарями “Cambridge Dictionary” и “Merriam Webster Dictionary”: “1. *needless or willful damage or violence (Merriam Webster Online Dictionary)*; 2. *a situation in which there is little or no order or control (Cambridge Online Dictionary)*”. Таким образом, посредством одного слова осуществляется репрезентация нескольких значений концепта: “extreme violence” и “chaos”. При этом в рамках данного отрывка противопоставляются некоторые категории американских граждан: “active-duty troops and reservists” и “Radical Left Thugs”, что соответствует имплицитному способу выражения значений “division” и “confrontation”.

Особого внимания с точки зрения концептологического анализа заслуживают примеры репрезентации концептуальных структур на уровне взаимодействия на уровне взаимодействия собственно языковой и других знаковых систем, то есть при помощи различных аудиальных и визуальных средств, рассчитанных на мультимодальное восприятие.

Одним из таких способов раскрытия содержательной области концептуальной структуры “Civil War” является использование особого графического оформления в тексте: “*Here’s the money quote from that thread. This is the truth. This is where we are. We ARE on the verge of a HOT civil war. Like in 1859. That’s where we are. And the Right has ZERO trust or respect for anything the left is doing. We see THEM as illegitimate too*” (O’Kane C. "Civil War 2" trends on Twitter after Trump quotes speculation that impeachment would spark "civil war" [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/trump-civil->

war-tweet-civil-war-2-is-trending-on-twitter-after-trump-suggested-what-might-occur-if-removed-from-office/ (дата обращения: 28.05.2025)). В данном сообщении заглавными буквами выделены четыре слова: “are”, “hot”, “zero” и “them”. Выделение глагола бытия подчеркивает возможность приближения гражданской войны, способствуя более эффективной трансляции и интерпретации содержательной области концепта “Civil War”. Прилагательное “hot” в словосочетании “hot war” согласно словарю “Merriam Webster” подразумевает конфликт, включающий открытые боевые действия. Данное прилагательное, написанное заглавными буквами, является дополнительным триггером для реализации таких языковых значений, как “extreme violence”, “confrontation”, “chaos”, что интенсифицирует передачу стоящих за концептуальной структурой образов конфликтного характера. Местоимение “them” позволяет автору создать ментальный образ разделенности общества, когда есть «мы» и «они», «свои» и «чужие» [Иванова, 2021]. При этом выделенное числительное “zero” позволяет усилить коммуникативное воздействие на адресата высказывания. Описанный коммуникативно-прагматический эффект усиливается с помощью следующих трех коротких и практически идентичных предложений, в которых реализуются приемы лексической анафоры и лексической эпистрофы: 1. This is the truth; 2. This is where we are; 3. That’s where we are. Первые два предложения объединены одной начальной конструкцией “This is”, тогда как второе и третье предложения имеют одинаковую придаточную часть.

В американской социальной сети была размещена публикация, содержащая следующий текст: “*Folks keep talking about another civil war. One side has about 8 trillion bullets, while the other side doesn’t know which bathroom to use*” (Thebault R. Steve King posts meme warning that red states have ‘8 trillion bullets’ in event of civil war [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/03/18/steve-king-posts-meme-warning-that-red-states-have-trillion-bullets-event-civil-war/> (дата обращения: 28.05.2025)). В данном отрывке демонстрируется восприятие автором американского общества как разделенного при помощи словосочетаний “one side” и “the other side”, а также

противительного союза “while”. При этом автор передает адресатам свое восприятие одной из сторон с помощью издевательской ремарки “while the other side doesn’t know which bathroom to use”. Эксплицитный образ разделения американского общества на конфронтующие части подкрепляется метафорой противостояния республиканских и демократических штатов в виде изображения двух сражающихся цветных големов, как бы состоящих из схематического изображения штатов США. Красный голем «составлен» из штатов, поддерживающих Республиканскую партию, а синий – из штатов, поддерживающих Демократическую партию. Автор с помощью современных технологий использует сочетание языковых и визуальных средств для достижения желаемого коммуникативно-прагматического эффекта. Кроме того, в сфере взаимодействия знаковых систем находят свое вербальное воплощение значения “division”, “extreme violence” и “confrontation”.

Напомним, что вербальное представление концептуальных структур может осуществляться на разных уровнях языка, то есть целые тексты могут функционировать как репрезентанты таких структур. Для иллюстрации данного факта проведем комплексный анализ текста статьи “Trump Voters Are America Too”, опубликованной в американском издании “The Atlantic” (Leibovich M. Trump Voters Are America Too [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2024/01/trump-2024-win-american-identity/676143/> (дата обращения: 28.05.2025)).

Название статьи указывает на имплицитное разделение современного американского общества, в нем определенной части американского общества как будто отказано в праве называться «Америкой». Таким образом, данный структурный элемент является принимает участие в процессе репрезентации языкового значения “division”.

Рассмотрим примеры использования лексических элементов с точки зрения их концептуального наполнения. Так, в тексте можно обнаружить местоимение “they” во всех его формах. Для описания сторонников экс-президента Дональда

Трампа в тексте местоимение “they” используется шесть раз, местоимение “them” – два раза, а “their” – пять. Фразы типа “they’re every bit as American” и “their noisy new savior” позволяют автору дистанцировать себя и свою аудиторию от тех людей, кому посвящена статья, противопоставляя себя им и показывая, что они не входят в общность “we”. Подобное дистанцирование «обезличивает» оппонентов, превращая их в безликую массу, что может привести к еще большей отчужденности в обществе. Подобное использование местоимений позволяет сделать вывод о том, что данный структурный элемент является средством репрезентации концепта “Civil War” и репрезентирующего элемент его значения – содержательной области “division”.

Языковое значение “division” имплицитно выражено в тексте и другими лексическими средствами. Так, средством выражения такого противопоставления может служить глагол “to reconcile”: *«If Trump wins in 2024, his detractors will have to reckon once again with the voters who got us here – to reconcile what it means to share a country with so many citizens who keep watching Trump spiral deeper into his moral void and still conclude, “Yes, that’s our guy”»*. Согласно словарю “Cambridge Online Dictionary” анализируемый глагол имеет два значения: *“1. to find a way in which two situations or beliefs that are opposed to each other can agree and exist together; 2. to adjust the way you think about a fact or situation that is opposed to another fact or situation so that you can accept both”*. Можно сказать, что с помощью данного глагола автор передает мысль о необходимости примирения противоборствующих идей, что говорит о существовании разделения по тем или иным параметрам. Тем не менее важно также принять во внимание третье словарное значение глагола, приводимое «Кеймбриджским словарем»: *“to reconcile yourself to a situation is to accept it even if it is unpleasant or painful, because it cannot be changed”*. Эта дефиниция позволяет предположить, что предлагаемое примирение является неприятным и вызывает негативные эмоции.

Помимо собственно лексических единиц для выражения значений содержательного поля концепта могут использовать и более сложные средства:

«*When political elites insisted “We’re better than this!” – a close cousin of “This is not who we are” – many Trump disciples heard “We’re better than them”*». В данном текстовом отрывке наблюдается передача прямой речи, имитирующей гипотетический спор между сторонниками двух политических партий. Противопоставление двух практически идентичных иронически окрашенных фраз “We’re better than this!” и “We’re better than them” позволяет говорить о создании образа разделенного общества, где две противоположные стороны антагонистичны и даже враждебны друг другу. Таким образом, можно заключить, что в данном отрывке посредством имитации прямой речи находят свою репрезентацию значения “division” и “confrontation”.

Далее обратимся к примерам использования интертекстуальных включений, которые репрезентируют концепт “Civil War”. В первую очередь обратимся к прецедентным текстам, используемым в качестве источников таких включений.

В тексте реализуется фраза “That’s not who we are”, которая часто использовалась экс-президентом Бараком Обамой на политических выступлениях. При этом частотность ее употребления была настолько высока, что в сети появилось видео, где 44-й президент США произносит ее суммарно 46 раз (Washington Free Beacon. 46 Times President Obama told Americans 'That's Not Who We Are' | SUPERCuts! #259 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=gouAcayDwLM> (дата обращения: 28.05.2025)). Этой фразой оратор четко разделяет действия, которые свойственны американской нации (т.е. относящиеся к общности «мы»), и действия, которые для нее нехарактерны, а значит люди, совершающие их, неявно исключаются из этой общности и риторически обозначаются как «они». Многие американцы, противники политики администрации Б. Обамы, рассмотрели в этом попытку представить их в глазах общественности как “неамериканцев” (Scalia C.J. Why Obama says 'That's not who we are': Column [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2016/02/08/barack-obama-thats-not-who-we-are-rhetoric-patriotism-column/79971138/> (дата обращения: 28.05.2025)). Сама по

себе фраза порождает реакцию целевой аудитории в виде раскола в обществе, социальное неравенство, делит его на категории. Отметим также то, что в ответ на такое разделение некоторые оппоненты политика начали усугублять раскол, манифестируя свое еще большее отдаление от определенной прослойки американского общества: *“I am not sure who the “we” is that he constantly refers to. Does he mean the Muslims, the Liberals, the Pro-Abortion crowd, the Climate Change nazis...who? Because as a president who is anti-Israel, anti-America, pro-Muslim and pro-abortion, I am certainly not part of any “we” crowd that includes him”* (Grider J. Mind Control: 46 Times President Obama Repeated the Phrase ‘That’s Not Who We Are’ [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nowtheendbegins.com/obama-thats-not-who-we-are-46-times/> (дата обращения: 28.05.2025)).

Обратим внимание на следующую используемую в анализируемой статье фразу *“When they go low, we go high”*, сказанную Мишель Обамой в поддержку кандидата в президенты Хиллари Клинтон в 2016 году. Полная ее версия звучала следующим образом: *“When someone is cruel or acts like a bully, you don’t stoop to their level. No, our motto is: ‘When they go low, we go high’”* (Ng K. Michelle Obama explains her catchphrase ‘When they go low, we go high’ [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/life-style/michelle-obama-stephen-colbert-catchphrase-b2225386.html> (дата обращения: 28.05.2025)). В таком контексте становится понятно, что местоимения *“their”*, *“our”*, *“they”* и *“we”* призваны продемонстрировать различия между двумя политическими полюсами американского общества, разделить их и отдалить друг от друга. Последней цели также служат экспрессивно-оценочные прилагательное *“cruel”* и существительное *“bully”*, которые призваны стигматизировать противников и усилить антипатию между сторонами. В качестве оценочно окрашенной единицы данном случае также выступает глагол *“to stoop”*, который, согласно «Кембриджскому онлайн-словарю», означает *“to bend the top half of the body forward and down”*. Иными словами, для выполнения данного действия необходимо склониться вниз, как бы «опуститься» до уровня другого объекта. Таким образом, у читателя создается

впечатление, что одна часть американского общества будто возвышается над другой, при этом действия противников оратора и ее окружения – это движение вниз в противоположность движению вверх.

Можно заключить, что выбранные для журналистской статьи репрезентанты содержания концептуальных структур выполняют ярко выраженные агональную и разделительную функции, призванные вербально представить процесс разделения американского общества.

Необходимо обратить внимание на реакцию автора статьи на второе высказывание: “In retrospect, so many of the high-minded appeals of the Obama era – “We are the ones we’ve been waiting for”; “When they go low, we go high” – feel deeply naive”. В приведенном отрывке используется прилагательное с положительной коннотацией “high-minded”, которое Кембриджский онлайн-словарь определяет как “having very high moral standards of behaviour”. Словарное значение такой до крайней степени положительной характеристики позволяет сделать вывод о том, что автор выражает свою поддержку смыслу, заложенным в цитируемых фразах, и ретранслирует их на свою аудиторию, хотя и допускает факт их наивности и несоответствия действительности.

Отметим, что в тексте представлен целый концептуальный комплекс, на что указывает присутствие в тексте примеров развертывания значений других концептуальных структур. Например, в тексте представлена лексика, связанная с религиозными практиками: “their noisy saviour”, “many Trump disciples”, “portent”, “thoughts and prayers”. В этих лексических средствах находит свою репрезентацию концептуальная структура “Faith”, за которой скрывается образный ряд, связанный с христианской верой, Иисусом Христом (saviour) и его учениками-апостолами (disciples).

Кроме того, в тексте присутствует развертывание значения “confrontation”, реализуемое с помощью повторенного дважды словосочетания “murder weapon”, репрезентирующего его периферийную область. Данное языковое значение находится на пересечении содержательных областей двух концептов: “War” и

“Civil War”, отличающихся набором ядерных значений, но тем не менее находящихся в семантической близости.

Анализируемый текст насыщен парентетическими внесениями разной структуры и содержания, которые способствуют динамике и сжато предоставляют информацию, необходимую для понимания текста. Отметим также высокий уровень коммуникативно-прагматического и манипулятивного потенциала таких включений. Во-первых, ритм и интонации, переданные на письме с помощью пунктуационных средств, создают тот эмоциональный фон, который необходим адресанту. Во-вторых, дополнительная информация, представленная во внесениях, может быть ограничена прагматической установкой адресанта, что означает непосредственное влияние на процесс интерпретации написанного, а значит, и на дальнейшие выводы и действия.

На текстовом уровне коммуникативно-прагматический эффект создается целым комплексом просодических, лексико-фразеологических и синтаксических средств. Каждое средство направлено на выполнение определенной коммуникативно-прагматической функции, и, таким образом, усиливается эмоционально-экспрессивное воздействие на реципиента.

Влияние дискурсивных факторов на процесс интерпретации заложенных в тексте значений и смыслов можно проиллюстрировать на примере лексических средств, отражающих связь текста с тематикой христианской веры: “savior”, “disciples”. Данный образный ряд используется для описания кандидата в президенты США Дональда Трампа и его сторонников, которых автор имплицитно сравнивает с христианским Мессией и его паствой, которой движут не разум, а слепая вера в своего «спасителя». Очевидным также является тот факт, что подобное сравнение проводится в иронической манере, что только усиливает негативную тональность текста. Таким образом, в глазах читателей данной публикации описываемая часть американского общества представляется журналистом в виде «фанатиков», с которыми нельзя иметь ничего общего, но с чьим существованием придется мириться и с которыми придется делить страну

(пример с глаголом “to reconcile”). Подобное сочетание лексико-фразеологических средств позволяет говорить о присутствии в тексте пересекающихся значений содержательных полей репрезентантов разных концептуальных структур. При этом данное взаимодействие и его восприятие адресатом обусловлены спецификой ситуативного и лингвистического контекста. В результате в сознании реципиента выстраивается сложная картина или иерархия образов, которые усиливают эффект эмоционального и коммуникативно-прагматического воздействия на уровне всего текста.

2.2. *Вербально-репрезентативные характеристики концептуальной структуры “Freedom” и ее роль в современном политическом дискурсе США*

Идеологические различия между двумя партиями, актуализировавшиеся и усилившиеся в современном политическом дискурсе США, и вызванное этим разделение общества привели к разному пониманию американцами смыслов, скрытых за концептами “Freedom” и “Equality”, лежащих в основе американской культуры. Такие различия могут быть выражены оппозицией “private freedom VS equality/equity”. Причинами подобной метаморфозы могут являться изменения в содержательной структуре обоих концептов, связанные с изменениями в современном американском обществе.

Рассмотрим словарные значения лексической единицы “freedom”, обратившись к словарям, которые были использованы для лексикографического анализа словосочетания “civil war” в предыдущем параграфе. Принимая во внимание многозначность слов, некоторые значения, не имеющие прямого отношения к анализируемым в настоящей диссертации явлениям, будут опускаться.

Онлайн-словарь “Cambridge Dictionary” предоставляет следующие дефиниции языковой единицы “freedom”: “1. *the condition or right of being able or allowed to do, say, think, etc. whatever you want to, without being controlled or limited;* 2. *a right to act in the way you think you should;* 3. *the state of not being in prison;* 4. *(from American Dictionary) freedom is also the state of not being in prison or in the condition of slavery (= condition of being legally owned by someone else);* 5. *(from American Dictionary, US HISTORY) freedoms are rights given by the constitution and the Bill of Rights, such as the freedom of speech (= the right to say and write what you believe or think, with some limitations) and freedom of religion (= the right to worship or to take part in a religion)”*.

Словарь “Merriam Webster Dictionary” определяет языковую единицу “freedom” следующим образом: “1. *the quality or state of being free: such as (a) the absence of necessity, coercion, or constraint in choice or action, (b) liberation from*

slavery or restraint or from the power of another, (c) the quality or state of being exempt or released usually from something onerous, (d) unrestricted use, (e) ease, facility, (f) the quality of being frank, open, or outspoken, (g) improper familiarity, (h) boldness of conception or execution; 2. a political right”.

Согласно словарю “Free Dictionary by Farlex” языковая единица “freedom” имеет следующие толкования: “1. (a) *The condition of not being in prison or captivity, (b) The condition of being free of restraints, especially the ability to act without control or interference by another or by circumstance; 2. (a) The condition of not being controlled by another nation or political power; political independence, (b) The condition of not being subject to a despotic or oppressive power; civil liberty, (c) The condition of not being constrained or restricted in a specific aspect of life by a government or other power, (d) The condition of not being a slave; 3. (a) The condition of not being affected or restricted by a given circumstance or condition, (b) The condition of not being bound by established conventions or rules; 4. The capacity to act by choice rather than by determination, as from fate or a deity; free will; 5. The right to unrestricted use; full access; 6. Ease or facility of movement; 7. Archaic Boldness in behavior; lack of modesty or reserve”.*

“The Britannica Dictionary” дает такие дефиниции: “1. [*noncount*]: *the state of being free; (a) the power to do what you want to do, (b) the state of not being a slave, prisoner, etc., (c) the state of not having or being affected by something unpleasant, painful, or unwanted, (d) the right to use something or go somewhere without being controlled; 2. [count]: a political right”.*

В словаре “Dictionary.com” представлены следующие определения: “1. *the state of being free or at liberty rather than in confinement or under physical restraint; 2. exemption from external control, interference, regulation, etc.; 3. the power to determine action without restraint; 4. political or national independence; 5. personal liberty, as opposed to bondage or slavery; 6. exemption from the presence of anything specified; 7. the absence of or release from ties, obligations, etc.; 8. ease or facility of movement or action; 9. frankness of manner or speech; 10. general exemption or*

immunity; 11. the absence of ceremony or reserve; 12. a liberty taken; 13. a particular immunity or privilege enjoyed, as by a city or corporation; 14. civil liberty, as opposed to subjection to an arbitrary or despotic government; 15. the right to enjoy all the privileges or special rights of citizenship, membership, etc., in a community or the like; 16. the right to frequent, enjoy, or use at will; 17. Philosophy. the power to exercise choice and make decisions without constraint from within or without; autonomy; self-determination”.

Рассмотрим определения, предоставленные в словаре “Oxford Learner’s Dictionaries”: *“1. [uncountable, countable] the power or right to do or say what you want without anyone stopping you; 2. [uncountable] the state of not being a prisoner or slave; 3. [uncountable] the state of not being ruled by a foreign or cruel government; 4. [uncountable] the state of being able to move easily; 5. [uncountable] the state of not being affected by the thing mentioned; 6. [singular] the freedom of something permission to use something without limits”.*

Согласно “Collins Dictionary” “freedom” имеет следующие толкования: *“1. variable noun. Freedom is the state of being allowed to do what you want to do; 2. uncountable noun [oft poss NOUN]. When prisoners or slaves are set free or escape, they gain their freedom; 3. uncountable noun. Freedom from something you do not want means not being affected by it; 4. singular noun. The freedom of a particular city is a special honour which is given to a famous person who is connected with that city, or to someone who has performed some special service for the city”.*

“The Longman Dictionary of Contemporary English” предлагает такие определения: *“1. (C, U) the right to do what you want without being controlled or restricted by anyone; 2. (U) The state of being free and allowed to do what you want; 3. (U) the state of being free because you are not in prison; 4. the state of not being affected by something that makes you worried, unhappy, afraid, etc.; 5. the right or ability to choose whatever you want to do or have; 6. the legal right of people in some countries to see information which the government has about people and organizations;*

in Britain, an honour given by a city to someone who has done something special” [The Longman Dictionary of Contemporary English, p. 1031-1032].

В “American Heritage Dictionary” находим следующие определения: “1. *The condition of being free of restraints*; 2. *Liberty of the person from slavery, detention, or oppression*; 3. (a) *Political independence*, (b) *Possession of civil rights, immunity from the arbitrary exercise of authority*; 4. *Exemption from an unpleasant or onerous condition*; 5. *The capacity to exercise choice, free will*; 6. *Ease or facility of movement*; 7. *Frankness or boldness, lack of modesty or reserve*; 8. (a) *The right to unrestricted use, full access*, (b) *The right of enjoying all of the privileges of membership or citizenship*” [American Heritage Dictionary of the English Language, p. 2917].

В словаре The Concise Oxford Dictionary for Politics предлагается такое определение: “absence of interference or impediment” [Brown et al., 2018, p. 547]. В этом же словаре описываются некоторые концепции восприятия понятия “freedom”. Так, Джеральд МакКаллум предположил, что для определения слова “freedom” необходимо учитывать три фактора: агент, препятствие и действие [Там же]. Согласно словарной статье И. Берлин выдвинул теорию о «позитивной свободе», возникающей при возможности человека совершить то или иное действие, и «негативной свободе», которая возникает при невмешательстве извне [Там же]. Согласно концепции Х. Штайнера, представленной в словаре, “freedom” определяются только отсутствием вмешательства извне [Там же, p. 548].

Опираясь на приведенные выше определения, можно заключить, что ядром содержательного поля концепта “Freedom” будут являться значения “absence of limits from within” и “absence of limits and control from without”. Также содержательное поле концепта включает в себя периферийные значения: “political rights” (определение №5 “Cambridge Dictionary”, определение №2 “Merriam Webster”, определения № 2 и 4 “Britannica Dictionary”, определение №8b “American Heritage Dictionary”, определение №6 “LDOCE”, определение №4 “Collins Dictionary”, определение №15 “Dictionary.com”), “freedom of movement” (определение №4 “Oxford Learner’s Dictionaries”, определение № 8

“Dictionary.com”, определение №6 “Free Dictionary”, определение №6 “American Heritage Dictionary”), “not being in prison/slavery” (определения №3, 4 “Cambridge Dictionary”, определение № 1(b,c) “Merriam Webster”, определение № 1(a) “Free Dictionary”, определение № 1(b) “Britannica Dictionary”, определения № 1,5 “Dictionary.com”, определение №2 “Oxford Learner’s Dictionaries”, определение №2 “Collins Dictionary”, определение №3 “LDOCE”, определение №2 “American Heritage Dictionary”), “political independence” (определение №2(b) “Merriam Webster”, определение №2(a,b,c) “Free Dictionary”, определение №4, 14 “Dictionary.com”, определение №3 “Oxford Learner’s Dictionary”). При этом необходимо учесть, что в определениях, относящихся к языковому значению “political independence”, речь идет как о внешней независимости от других стран, так и о независимости граждан от собственного правительства.

Процесс взаимодействия концептуальных структур наблюдается в тексте, посвященном обсуждению прав штатов на самостоятельное вынесение решения по законности абортов. Так, представители Республиканской партии США утверждают: 1. *“Now the states are working it out. <...> But they’re all making their own decisions right now. And right now, the states control it. That’s the vote of the people”* (Pangambam S. President Biden and former President Trump Debate (Transcript) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://singjupost.com/president-biden-and-former-president-trump-debate-transcript/?singlepage=1> (дата обращения: 28.05.2025)); 2. *“Sure, but like you said, on a matter of legal standing, but I think that what we really want is when states and voters in those states make decisions, we of course want the states and the federal government to respect those decisions... <...> Margaret, that's an important part of our federal process, is that states sometimes are going to make these decisions for themselves, and I think that's how you find some common ground”* (Transcript: Sen. JD Vance on "Face the Nation with Margaret Brennan," Aug. 11, 2024 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/transcript-jd-vance-on-face-the-nation-aug-11-2024/> (дата обращения: 28.05.2025)). Значение “absence of limits from without” находит свое вербальное выражения посредством словосочетаний “making their own

decisions”, “states control it”, “vote of the people”, “states and voters in those states make decisions”, “states sometimes are going to make these decisions for themselves”. Все упомянутые фразы так или иначе затрагивают важную тему самоуправления штатов отдельно от федерального центра. В данном случае необходимо учесть исторический контекст США, так как вопрос об объеме полномочий штатов был одним из ключевых перед началом Гражданской войны в США, а, как уже было упомянуто в данной работе, поводом для ее начала послужили акты неповиновения южных штатов решениям центрального американского правительства. Кроме того, в первом примере можно выявить использование адресантом приема анадиплосиса, когда начало предложения состоит из тех слов, которые завершали предыдущее: *“But they’re all making their own decisions right now. And right now, the states control it”*.

Рассмотрим следующие цитаты, иллюстрирующие использование комплекса лексико-фразеологических и синтаксических, а соответственно и просодических средств для вербального представления области значения концептуальной структуры “Freedom”: 1. *“We fight for a future where we defend our most fundamental freedoms. The freedom to vote. The freedom to be safe from gun violence. The freedom to love who you love openly and with pride. And the freedom of a woman to make decisions about her own body, not having her government tell her what to do”*; 2. *“So Tim is a hunter and a gun owner who believes, as the majority of gun owners do, that we need reasonable gun safety laws in America. So, as governor, he expanded background checks and increased penalties for illegal firearm sales. And together, when we win in November, we are finally going to pass universal background checks, red flag laws, and an assault weapons ban”* (Pangambam S. TRANSCRIPT: Kamala Harris Introduces Tim Walz As VP Pick At Philadelphia Rally [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://singjupost.com/transcript-kamala-harris-introduces-tim-walz-as-vp-pick-at-philadelphia-rally/?singlepage=1> (дата обращения: 28.05.2025)).

Первый пример включает в себя четыре предложения, начинающихся со структуры «The freedom + инфинитив», которая выражает те или иные аспекты понятия «свобода». Обращаясь к области озвучивания речевых сообщений письменного характера во внутренней речи индивида, можно предположить, что каждое высказывание характеризуется интонационным выделением последнего содержащегося в нем слова и резким падением тона, указывая на завершение мысли не только синтаксически с помощью знаков препинания, но и на уровне просодии. Второй отрывок характеризуется наличием фраз, означающих различные способы, позволяющие ограничить оборот огнестрельного оружия в стране. Почти все фразы состоят из трех слов, которые с помощью пауз отделяются друг от друга. Коммуникативно-прагматический замысел такого дробления заключен в реализации возможности понимания сказанного, а также в предоставлении аудитории времени для размышлений над содержанием передаваемой информации для того, чтобы адресат мог прийти к желаемым адресантом выводам. Для достижения данной цели автор высказывания также делает длинные паузы после каждого произнесения словосочетания “background checks”. Кроме того, важно принять во внимание культурно-политический контекст США, так как невмешательство государства в дела владения и ношения огнестрельного оружия гарантируется Второй Поправкой к Конституции США, основному закону и одному из главных политических прецедентных текстов страны.

Приведенные цитаты необходимо рассматривать в сравнении, так как в обоих случаях в тексте находит репрезентацию содержательная область концептуальной структуры “Freedom”, где в первой части текста весь комплекс лексико-фразеологических, синтаксических и просодических средств направлен на реализацию идеи об отсутствии внешних ограничений, тогда как во втором отрывке адресант, напротив, говорит о наложении внешнего контроля. При этом включение в образный ряд такого важного для американской лингвокультуры текста, как Конституция США, создает сложный концептуальный комплекс, в рамках которого содержательное поле концептуальной структуры “Freedom”

пересекается со значениями концептуальных структур “Patriotism” и “American Dream”. Примем также во внимание тот факт, что коммуникативно-прагматический эффект вербального представления такого концептуального комплекса неоднозначен, поскольку разные слои американского общества по-разному воспринимают отсутствие внешних ограничений: одна часть американцев понимает его как минимальное вмешательство государства в частную жизнь, в том числе и в вопросе владения огнестрельным оружием, другие же воспринимают свободный оборот оружия как ограничение собственного права на безопасность.

Одновременная реализация лексических единиц, относящихся к разным концептуальным доменам, входящим в онтологическую базу данной лингвокультуры, способствует усилению апеллятивного, волюнтаривного и экспрессивного потенциала текста. Например, могут использоваться слова, связанные с религией: *“Tim Walz has also defended the sacred freedom to vote. As governor, he signed the most significant expansion of voting rights in Minnesota in over 50 years”* (Pangambam S. TRANSCRIPT: Kamala Harris Introduces Tim Walz As VP Pick At Philadelphia Rally [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://singjupost.com/transcript-kamala-harris-introduces-tim-walz-as-vp-pick-at-philadelphia-rally/?singlepage=1> (дата обращения: 28.05.2025)). Возвышенное и стилистически маркированное прилагательное “sacred” интонационно выделяется скользящим повышением тона, привлекая внимание реципиентов. Таким образом в данном словосочетании находят свое вербальное представление сразу две концептуальные структуры: “Freedom” и “Faith”. В сознании адресата возникают взаимопроникающие и взаимообуславливающие образы, что позволяет адресанту обеспечить достижение своей коммуникативно-прагматической цели и возможность адекватной интерпретации передаваемого сообщения целевой аудиторией.

В американской лингвокультуре очень важным понятием, обладающим безусловно негативной коннотацией, является понятие “tyrant”. Лингвокультурная

значимость обуславливает частотность использования данного слова и его синонимов в политическом дискурсе в разных контекстах. Так, например, данное понятие часто используется для стигматизации политических оппонентов: *“Now consider what they said. They said he was a tyrant. They said he must be stopped at all costs”* (Transcript: Sen. JD Vance on "Face the Nation with Margaret Brennan," Aug. 11, 2024 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/transcript-jd-vance-on-face-the-nation-aug-11-2024/> (дата обращения: 28.05.2025)). С его помощью у адресата создается образ человека, который лишает его прав и свобод, вызывая тревогу и побуждая сопротивляться всеми силами. Данная языковая единица и ее синонимы используются не только для очернения внутренних оппонентов, но также и внешних: *“It’s about the energy worker in Pennsylvania and Ohio who doesn’t understand why Joe Biden is willing to buy energy from tinpot dictators across the world, when he could buy it from his own citizens right here in our own country”* [там же]. С помощью создания контраста автор демонстрирует, что внутри страны, в отличие от других государств, существует свобода, которую граждане должны ценить и сохранять. В результате затрагиваются также образы, стоящие за другим важным для американской лингвокультуры концептом – “Patriotism”. Отметим также использование анадиплосиса, который переходит в анафору в рамках первого приведенного в данном абзаце отрывка.

В некоторых случаях вербальная репрезентация концептуальных структур может происходить посредством реализации метафор: 1. *“When our way of life was threatened, American patriots marched onto the battlefield, raced into enemy strongholds and stared down death – and stared down those enemies – to keep alive the flame of freedom. At Yorktown, Gettysburg, and Midway, they joined the roll call of immortal heroes”* (Read the Transcript of Donald J. Trump’s Convention Speech [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2024/07/19/us/politics/trump-rnc-speech-transcript.html> (дата обращения: 28.05.2025)); 2. *“The American Dream will be thriving again for citizens of every race, religion, color, and creed. Law and justice will reign all*

throughout our land. Freedom will be restored. The flame of Liberty will be burning bright” (Trump promises stronger America borders, inflation retreat ahead of the November polls Great Rapids1 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://elvisanokyenews.com/trump-promises-stronger-america-borders-inflation-retreat-ahead-of-the-november-polls/> (дата обращения: 28.05.2025)).

Метафорическое обозначение свободы, (“the flame of freedom” и “the flame of Liberty”) позволяет автору обратиться к положительным образам, которые стоят за концептом “Freedom”, вызывая в сознании аудитории приятные ассоциации с теплом, светом и огнем. Кроме того, метафора огня свободы является аллюзией к одному из самых известных символов США – Статуе Свободы, которая держит в вытянутой вверх руке горящий факел. В первом отрывке понятие свободы риторически связывается с понятием борьбы путем упоминания знаковых для американской истории событий: осада Йорктауна в годы Войны за независимость США, завершившаяся разгромом британских войск, уже упоминавшееся в работе Геттисбергское сражение и сражение у атолла Мидуэй, ставшее переломным в войне на Тихом океане в годы Второй Мировой войны. При этом, людей, участвовавших в тех событиях, политик называет “American patriots”. Таким образом в сознании адресата возникает комплекс из образов и ассоциацией, стоящих за концептуальными структурами “Freedom” и “Patriotism”. Также в первом из приведенных в данном абзаце примере содержится парентетическое внесение “and stared down those enemies”, обособленное с помощью тире. Такое внесение нарушает изначальные синтаксические связи и просодический контур предложения, создает иной, более динамичный ритм повествования и усиливает экспрессивное воздействие на адресата.

Рассмотрим еще один пример использования антитезы и ее фонетическое оформление: “*A country, a country of freedom, compassion, and rule of law? Or a country of chaos, fear, and hate?*” (Pangambam S. TRANSCRIPT: Kamala Harris Introduces Tim Walz As VP Pick At Philadelphia Rally [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://singjupost.com/transcript-kamala-harris-introduces-tim-walz-as-vp-pick-at-philadelphia-rally/?singlepage=1> (дата обращения: 28.05.2025)).

Представленный отрывок состоит из двух риторических вопросов, которые ставятся автором в противопоставление друг другу. Каждый из риторических вопросов включает в себя конструкцию, где после “a country of...” следуют три подчиненных члена, обладающие положительной коннотацией (первое предложение) и отрицательной коннотацией (второе предложение). Положительные характеристики выделяются в потоке речи паузами и произносятся в медленном темпе, для того чтобы они были услышаны и запечатлены аудиторией, при этом адресант сознательно не останавливается на отрицательных характеристиках, проговаривая их без пауз и в ускоренном темпе, показывая адресату их незначительность и нежелательность. Примененная антитеза обладает сильным коммуникативно-прагматическим и экспрессивно-оценочным эффектом, который дополняется особым просодическим оформлением.

В рамках данной работы также представляет интерес следующая цитата: *“Never forget our enemies want to take away my freedom because I will never let them take away your freedom”* (Gougherty J. Trump Tells Rally Crowd He’ll Never Take Away ‘Freedoms’ Great [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://conservativebrief.com/trump-tells-79708/> (дата обращения: 28.05.2025)). В приведенном примере наблюдаются параллельные конструкции, построенные по формуле “take away + притяжательное местоимение + freedom”. Подобное использование синтаксического параллелизма позволяет адресанту создать идею некоего замкнутого круга, где его свобода приравнивается к свободе реципиента. Это создает чувство сближения между автором высказывания и аудиторией, располагает ее и делает более восприимчивой к его словам.

2.3. Вербально-репрезентативные характеристики концептуальной структуры “Equality” и ее роль в современном политическом дискурсе США

Проведем подобный анализ словарных дефиниций понятия “equality” и связанных с ним понятий “equal” и “equity”. Стоит отметить, что рассматриваемые единицы языка используются в других науках, по этой причине

некоторые определения, касающиеся точных наук (слова “equal”, “equality”) и юриспруденции (“equity”), будут опускаться.

Согласно словарю “Cambridge Online Dictionary” “equality” имеет следующие определения: “1. *the right of different groups of people to have a similar social position and receive the same treatment*; 2. *(from American Dictionary) a situation in which men and women, people of different races, religions, etc. are all treated fairly and have the same opportunities*”.

Словари “Merriam Webster Dictionary” и “Free Dictionary by Farlex” определяют данное слово следующим образом: “*the quality or state of being equal*”. Далее обратимся к определению слова “equal”: “2. *regarding or affecting all objects in the same way*” (“Merriam Webster Dictionary”) и “3. (a) *Having the same privileges, status, or rights: citizens equal before the law, (b) Being the same for all members of a group: gave every player an equal chance to win*” (“Free Dictionary”).

Словарь “The Britannica Dictionary” определяет “equality” как “*the quality or state of being equal: the quality or state of having the same rights, social status, etc.*”. “Dictionary.com” дает следующие определения: “*the state or quality of being equal*”. Словарь также предлагает следующие дефиниции слова “equal”: “1. *as great as; the same as*; 2. *like or alike in quantity, degree, value, etc.; of the same rank, ability, merit, etc.*; 3. *evenly proportioned or balanced*; 5. *adequate or sufficient in quantity or degree*; 7. *tranquil or undisturbed*; 8. *impartial or equitable*”. “Oxford Learner’s Dictionaries” дает такое определение: “*the fact of being equal in rights, status, advantages, etc.*”. Словарь “Collins Dictionary” предлагает следующую дефиницию: “*(uncountable noun) equality is the same status, rights, and responsibilities for all the members of a society, group, or family*”.

Согласно словарю “The Longman Dictionary of Contemporary English” единица “equality” представлена как “*a situation in which people have the same rights, advantages, etc.*” [The Longman Dictionary of Contemporary English, p. 843].

“American Heritage Dictionary” определяет “equality” так: “1. *The state or quality of being equal*” [American Heritage Dictionary of the English Language, p. 2510]. Equal – “1. *Having the same quantity, measure, or value as another*; 3. (a)

Having the same privileges, status, or rights, (b) Being the same for all members of a group; 4. (a) Having the requisite qualities, such as strength or ability, for a task or situation, (b) Adequate in extent, amount, or a degree; 5. Impartial, just, equitable; 6. Tranquil, equable” [там же, p. 2509].

Рассмотрим словарную статью лексической единицы “equality”, представленную в словаре “The Concise Oxford Dictionary for Politics”. Согласно словарю, “equality” – это “*a factual and/or normative assertion of the equal capacity or equal standing of persons, generating claims about distributive justice*” [Brown et al., 2018, p. 477]. В словаре упоминаются четыре основных аспекта реализации рассматриваемого понятия: “*1. equal consideration within a scheme of (moral) decision-making; 2. even-handed treatment; 3. equality in distribution; 4. equality in outcome*” [там же, p. 478].

Таким образом, можно выделить следующие языковые значения содержательного поля концепта “Equality”: “same treatment”, “same opportunities”, “same rights”, “same responsibilities”.

Отметим некоторые определения из словарей, а именно определение № 8 из “Dictionary.com” и определение № 5 из “American Heritage Dictionary”. Данные определения добавляют в содержательное поле репрезентируемого концепта значение “fairness”/“just”. На присутствие данного значения указывает словарная статья в “Concise Dictionary of Politics and International Relations”: “*For example, a good may be distributed by competitive examination – equality 1 would require only that everyone be allowed to enter. <...> The claim that equal treatment requires that persons should end up in the same conditions, taking into account of their situation before distribution and adjusting the amount to be distributed to each accordingly. This may be compared with equal opportunity, which requires that persons should be equally placed with respect to opportunities to compete for a good*” [Brown et al., 2018, p. 477]. Данное значение сближает концепты “Equality” и “Equity”.

Так, словарь “The Longman Dictionary of Contemporary English” определяет “equity” как: “*1. formal a situation in which all people are treated equally and no one has an unfair advantage*” [The Longman Dictionary of Contemporary English, p. 844].

“American Heritage Dictionary” дает такое определение: “1. *The state, quality, or ideal of being just, impartial, and fair*; 2. *Something that is just, impartial, and fair*” [American Heritage Dictionary of the English Language, p. 2515]. “Concise Dictionary of Politics and International Affairs” определяет “equity” следующим образом: “1. *Even-handed treatment. Equity requires that relevantly similar cases be treated in similar ways. For example, two persons doing the same job in the same way with similar results for the same employer would expect the same pay. Again, it would be inequitable if two individuals committed the same crime in similar circumstances, but received quite different sentences. Equity is therefore closely connected to equality*” [Brown et al., 2018, p. 479]. Определение, данное “Cambridge Dictionary”, где указана связь понятия с “fairness”: “*the situation in which everyone is treated fairly according to their needs and no group of people is given special treatment*”. “Dictionary.com”: “1. *the quality of being fair or impartial; fairness; impartiality*; 2. *something that is fair and just*; 3. *the policy or practice of accounting for the differences in each individual’s starting point when pursuing a goal or achievement, and working to remove barriers to equal opportunity, as by providing support based on the unique needs of individual students or employees*”. “Free Dictionary”: “1. *The state or quality of being just and fair*; 2. *Something that is just and fair*”. “Merriam Webster”: “(a) *justice according to natural law or right, specifically: freedom from bias or favoritism, (b) something that is equitable*”, при этом “equitable” определяется как: “1. *having or exhibiting equity: dealing fairly and equally with all concerned*”.

Таким образом, периферийное языковое значение концепта “Equality” “just”, которое можно найти в некоторых словарных статьях, является ядерным значением содержательного поля концепта “Equity”, что сближает эти два концепта.

Результатом подобной близости (порой до степени смешения) является сниженная концептуальная устойчивость концепта “equality”, т.е. «в коммуникативном пространстве существует вероятность несоответствия ассоциативных связей в понятийном аппарате адресанта и адресата и, как

следствие, ошибочная интерпретация» концепта [Шагбанова, 2023, с.12]. Данное явление будет проиллюстрировано далее.

Одной из особенностей вербальной репрезентации концептуальной структуры “Equality” является реализация соответствующих прилагательных: *“And Pennsylvania, we fight for a future with affordable housing, affordable health care, affordable child care, paid leave. We fight for a future where we build a broad-based economy, where every American has the opportunity to own a home, to start a business, and to build wealth. We fight for a future where we bring down prices that are still too high and lower the cost of living for America’s families, so that they have the chance not just to get by, but to get ahead. We fight for a future where we defend our most fundamental freedoms”* (Pangambam S. TRANSCRIPT: Kamala Harris Introduces Tim Walz As VP Pick At Philadelphia Rally [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://singjupost.com/transcript-kamala-harris-introduces-tim-walz-as-vp-pick-at-philadelphia-rally/?singlepage=1> (дата обращения: 28.05.2025)). Прилагательное “affordable”, которое, согласно “Cambridge Dictionary Online” означает “not expensive; able to be bought or rented by people who do not earn a lot of money”. Применяя это определение, автор может указать, что описываемый им предмет или услугу может позволить себе большое количество людей, а значит, большее количество людей будет иметь равный доступ к ним. Выраженность данного значения усиливается конструкцией «every + существительное», позволяющее полнее продемонстрировать равенство возможностей, распределения и результатов для всех американцев. Для усиления эмоционально-экспрессивного эффекта автор использует особое синтаксическое оформление своего высказывания: параллельные конструкции, анафора, повторы. Во-первых, в пределах данного отрывка находятся четыре предложения, начинающиеся с предикатной конструкции “We fight for a future”. Просодическое членение фразы на четыре части (“we”, “fight”, “for”, “a future”) позволяет адресанту выделить фразу и сделать ее запоминающейся. Таким образом в сознании реципиента выстраивается ее прочная ассоциативная привязка к говорящему и его политической команде. Во-вторых, первое предложение отрывка содержит в себе

повторяющуюся структуру «affordable + существительное», объединяя лексические единицы “housing”, “healthcare” и “childcare” в одну смысловую группу, которая также ассоциативно закрепляется за говорящим. Отметим, что это не единственный пример реализации однородных структур: в рамках второго предложения также присутствует триада инфинитивных обстоятельств цели. В обоих предложениях такое перечисление характеризуется достаточно длинной паузой перед каждым новым перечисляемым элементом, предваряемой падением тона. В-третьих, третье предложение заканчивается своеобразной игрой слов, построенной на изменении наречной частицы в составе фразового глагола. В предполагаемом варианте произнесения игра слов сопровождается подъемом тона при произнесении наречной частицы в составе первого фразового глагола и резким падением при произнесении второй наречной частицы. Аналогичные смыслы реализуются в речи при использовании конструкции «no + существительное»: “*No senior has to pay more than \$200 for any drug, all the drugs, beginning next year*” (Pangambam S. President Biden and former President Trump Debate (Transcript) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://singjupost.com/president-biden-and-former-president-trump-debate-transcript/?singlepage=1> (дата обращения: 28.05.2025)).

Данная концептуальная структура может находить свою репрезентацию в менее явной форме посредством упоминания лишь одной части общества как единственных бенефициаров той или иной ситуации: “*And, you know, the fact of the matter is that we found ourselves in a situation where his economy – he rewarded the wealthy*” (Pangambam S. President Biden and former President Trump Debate (Transcript) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://singjupost.com/president-biden-and-former-president-trump-debate-transcript/?singlepage=1> (дата обращения: 28.05.2025)). Также может встречаться репрезентация языкового значения “equal distribution” с помощью связанного с ним понятия “fairness”: “*We find ourselves in a situation where, number one, we have to make sure that we have a fair tax system. I ask anyone out there in the audience, or anyone out watching this debate, do you think the tax system is fair?*” (Pangambam S. President Biden and former President Trump

Debate (Transcript) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://singjupost.com/president-biden-and-former-president-trump-debate-transcript/?singlepage=1> (дата обращения: 28.05.2025)). Обратим внимание на использование парентетических внесений в обоих случаях: “he rewarded the wealthy” и “number one”. Первое внесение выделено тире, что означает высокую экспрессивность данного включения. Оно используется для прагматически эффективного подведения итогов сказанного ранее, что создает у реципиента ощущение безальтернативности и внушает желание согласиться с адресантом. Второе внесение обособлено запятыми, что делает их менее сильным средством передачи экспрессивности, однако его значение («во-первых») служит для логического структурирования потока речи, чтобы все сказанное было понято реципиентом. За счет этого достигается решение коммуникативной задачи по максимально четкому донесению до адресата своих мыслей и возможности избежать любых недопониманий и ложных трактовок, лежащих в области когнитивного диссонанса.

Обращение к ключевому американскому мифу о том, что каждый американец вне зависимости от своего расового, этнического или социального происхождения может пробиться на самый верх общественной иерархии, также может служить целям вербальной репрезентации концепта “Equality”: 1. *“And after all, you know, the promise of America is what makes it possible for two middle class kids, one a daughter of Oakland, California, who was raised by a working mother, the other a son of the Nebraska Plains who grew up working on a farm. It’s the promise of America, because only in America, only in America, is it possible for them together to make it all the way to the White House. Only in America. Only in America. Only in America”* (Pangambam S. TRANSCRIPT: Kamala Harris Introduces Tim Walz As VP Pick At Philadelphia Rally [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://singjupost.com/transcript-kamala-harris-introduces-tim-walz-as-vp-pick-at-philadelphia-rally/?singlepage=1> (дата обращения: 28.05.2025)); 2. *“President Trump represents America's last best hope to restore what – if lost – may never be found again. A country where a working-class boy born far from the halls of power can stand on this*

stage as the next vice president of the United States of America” (Willick J. Did Vance sell a new kind of conservative nationalism? [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/07/18/jd-vance-rnc-convention/> (дата обращения: 28.05.2025)).

В первом отрывке адресант использует риторический прием сторителлинга и на примере истории конкретных людей доносит до аудитории мысль о существовании в США исключительного равенства возможностей, когда люди из глубинки могут получить шанс побороться за места президента и вице-президента США. Политик рассказывает историю своего происхождения и происхождения своего напарника, выделяя посредством пауз, которые не всегда соответствуют пунктуации, фразы “for two”, “middle class kids”, “the other”, “a son”, а также определительные придаточные предложения “who was raised by a working mother”, “who grew up working on a farm”. Подобная паузация позволяет указать аудитории на героев сторителлинга, а также расставить акценты для оказания желаемого воздействия. Беспрецедентность американской общественной организации подкрепляется пятикратным повтором фразы “only in America”, что помогает автору высказывания закрепить в сознании реципиентов данную идею. При этом лексическая единица “only” намеренно выделяется фразовым ударением. Второй отрывок также содержит схожий прием сторителлинга с использованием фразы “a working-class boy born far from the halls of power”, которая сближает автора высказывания с аудиторией и заставляет ее доверять его словам. Интерес в данной цитате представляется парентетическое внесение “if lost”, обособленное тире и в устной или внутренней речи индивида выделенное паузами, нарушающими просодический рисунок предложения. Такое нарушение призвано выделить это внесение и привлечь особое внимание адресата.

Рассмотрим другой пример использования парентетического внесения, отличающегося от упоминавшихся ранее: *“In an age when our politics too often divide us, now is the time to remember that we are all fellow citizens – we are one nation under God, indivisible, with liberty and justice for all”* (Read the Transcript of

Donald J. Trump's Convention Speech [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2024/07/19/us/politics/trump-rnc-speech-transcript.html> (дата обращения: 28.05.2025)). Оно точно так же выделено тире, однако скорее всего не предполагает паузы, которая намеренно смещается адресантом дальше, после слов "we are". Причиной такого возможного произношения может служить желание автора высказывания сблизить два случая употребления слов "we are", где второй является повтором начала придаточного предложения, предваряющего парентетическое внесение. Кроме того, стоит обратить внимание на последнюю запятую, которая отображает предполагаемую паузу для фокусирования внимания аудитории на произнесенной ранее мысли "one nation under God". Рассмотрение лексико-фразеологических средств позволяет выявить случаи вербальной репрезентации пересекающихся друг с другом содержательных областей таких концептуальных структур, как "Equality" (фраза "for all"), "Freedom" (лексическая единица "liberty"), "Justice" (лексическая единица "justice"), "Civil War" (фразы "often divide us" и "one nation", а также прилагательное "indivisible"), "Faith" (фраза "nation under God").

Президентские выборы в США 2024 года уже породили появление определенных ярлыков, которые общество закрепило за кандидатами: *"We got a fight ahead of us, and we are the underdogs in this race," Kamala Harris, the presumptive Democratic nominee, said this weekend at a fundraiser. Meanwhile, the Republican nominee, Donald Trump, speaks about how he is a victim. "I'm being indicted for you," he said at a recent rally in Michigan. In 2022, he said he had been "harassed, investigated, defamed, slandered, and persecuted like no elected leader in American history. <...> An underdog is someone who is currently losing a fair competition but can win it with hard work; a victim has been unfairly wronged"* (Graham D.A. The Underdog vs. the Victim [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2024/07/kamala-harris-underdog-trump-victim/679298/> (дата обращения: 28.05.2025)).

Следует обратить внимание на данные кандидату в президенты прозвища “underdog” и “victim”. Из приведенного отрывка становится ясно, что данные номинации обозначают лицо, у которого мало шансов на победу, но, приложив большое количество усилий, он или она все же может добиться успеха. При этом обязательным условием является честное соревнование, что превращает данное слово в средство вербальной репрезентации элементов содержательной стороны концептуальной структуры “Equality”, “equal opportunities” и “equal attitude”. Ярлык “victim”, как становится понятно из отрывка, подразумевает несправедливое политическое и юридическое преследование. Таким образом, с помощью данного слова коммуникант имеет возможность обратиться к значениям «несправедливого и предвзятого отношения». Кроме того, Д.Трамп является обвиняемым по многим уголовным делам, из-за чего лексическая единица “victim” становится средством вербальной репрезентации элемента содержательной области концептуальной структуры “Freedom”, связанной с тюремным заключением и другими видами принудительного лишения свободы.

Анализ содержательного поля концептуальной структуры “Equality” продемонстрировал его близость к концепту “Equity”, которая в современном американском политическом дискурсе приводит к постепенному замещению первого вторым, что может породить ошибочную интерпретацию вербальных репрезентантов данных концептуальных структур, при этом в рамках современного американского политического дискурса процесс их восприятия обусловлен ценностными и идеологическими установками адресата.

Иллюстрацией происходящей метаморфозы может послужить следующая реплика: *“And I do think that there's been this thing in America where we've said that we should judge people based on their skin color, based on their immutable characteristics, based on things that they can't control. I frankly think that unfortunately, a lot of people on the left have leaned into this by trying to categorize people by skin color and then give special benefits or special amounts of discrimination”* (Transcript: Sen. JD Vance on “Face the Nation with Margaret

Brennan," Aug. 11, 2024 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/transcript-jd-vance-on-face-the-nation-aug-11-2024/> (дата обращения: 28.05.2025)). Рассмотрим синтаксический прием нарастания (climax), используемого в первом предложении: однотипность построения при постепенном увеличении длины синтагмы позволяет увеличивать эмоциональную и экспрессивную нагрузку отрывка и оказывать все большее коммуникативно-прагматическое воздействие на адресата. Далее обратимся к содержанию последнего предложения. Автор выказывает свое непонимание и несогласие с практикой так называемой «позитивной дискриминации», которая предполагает предоставление расовым, этническим, гендерным и прочим меньшинствам преимуществ и привилегий, мотивируя это тем, что такая ситуация уравнивает их в возможностях с представителями большинства. Происходит своего рода содержательный конфликт с теми смыслами и образами, которые стоят за концептуальной структурой “Equality”, на передний план выходит содержательная область и репрезентирующие ее языковые значения концепта “Equity”. Такое несоответствие может вызвать у адресата когнитивный диссонанс, выступающий как «несоответствие между когнициями (знаниями, мнениями или убеждениями) коммуникантов, находящее свою репрезентацию на уровне языкового выражения» [Дроздова, 2019, с. 413]. Когнитивный диссонанс может вызвать дискомфорт или даже агрессию у адресата, в данном случае инспирированные адресантом.

Как уже было отмечено ранее, содержательная область концепта “Equality” в настоящее время претерпевает изменения, все более заимствуя элементы содержания концептуальной структуры “Equity”, одновременно сближаясь с концептом “American Dream”.

Следующее высказывание может рассматриваться как пример политического текста, порожденного представителем Республиканской партии США: “The next step forward in building an inclusive society is making sure that every young American gets a great education and the opportunity to achieve the American

Dream. Yet, for too long, countless American children have been trapped in failing government schools” (Full Transcript: Trump’s 2020 State of the Union Address [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2020/02/05/us/politics/state-of-union-transcript.html> (дата обращения: 28.05.2025)). Отсылка к важному для американской лингвокультуры понятию “American Dream” направлена на донесение до адресанта образа общества, где каждый имеет возможность достичь высокого социального статуса благодаря качественному образованию. Тем не менее, адресант ничего не говорит про равное распределение или равные результаты для всех, напротив, автор указывает на конкурентную борьбу, где у каждого будет равная возможность получить самое главное преимущество – образование.

Приведем еще один пример, заимствованный из речи политика-демократа: “We spent a year and a half bringing together millions of people from every corner of our country to say with one voice that we believe that the American dream is big enough for everyone. For people of all races, and religions, for men and women, for immigrants, and people with disabilities. For everyone” (Golshan T. Hillary Clinton’s concession speech full transcript: 2016 presidential election [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.vox.com/2016/11/9/13570328/hillary-clinton-concession-speech-full-transcript-2016-presidential-election> (дата обращения: 28.05.2025)). Основная идея данного отрывка, которую стремится донести до своей аудитории политик, в отличие от предыдущего примера, заключена в предоставлении людям равных возможностей, с учетом потребностей каждой группы американского общества, что приведет к равным результатам для всех.

Сравнение данных примеров использования отсылок к понятию “American Dream” позволяет более подробно рассмотреть эволюцию концептуальных структур под воздействием изменений в национальной общественно-политической культуре на примере изменений содержательной области концептуальной структуры “Equality” и ее пересечения с содержательной областью структуры “Equity”.

2.4. Функционально-содержательные особенности интертекстуальных включений как элемента коммуникативно-прагматического потенциала политического текста

Интертекстуальные включения выполняют целый ряд коммуникативно-прагматических функций в рамках политического дискурса и обладают рядом достаточно мощных с точки зрения воздействия на реципиента характеристик. Источники интертекстуальных включений могут различаться в зависимости от национальных, культурных и социальных традиций данного общества. Приведем несколько характерных для современного американского политического дискурса примеров источников подобных включений.

Одним из источников, типичных для американской политической культуры, как уже упоминалось ранее, являются религиозные тексты (преимущественно христианского толка): *“So now, I ask that we observe a moment of silence in honor of our friend Corey. There is no greater love than to lay down one’s life for others”* (Read the Transcript of Donald J. Trump’s Convention Speech [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2024/07/19/us/politics/trump-rnc-speech-transcript.html> (дата обращения: 28.05.2025)). Последнее предложение представляет собой деформированную цитату из Евангелия от Иоанна (15:13): *“Greater love hath no man than this, that a man lay down his life for his friends”* (John 15:13. King James Version [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=John%2015%3A13&version=KJV> (дата обращения: 28.05.2025)). Следует указать время и место, когда была произнесена данная фраза. Приведенный отрывок взят из речи тогда еще кандидата в президенты США Дональда Трампа, которую он произносил на собрании республиканцев-консерваторов спустя недолгое время после покушения. Таким образом, перед адресантом собралась аудитория, по меньшей мере разделяющая его консервативное мировоззрение, что в значительной степени облегчает задачу сближения культурно-ценностных предпочтений коммуникантов. С коммуникативно-прагматической точки зрения использование

слов из Священного Писания позволяет адресанту реализовать интеграционный потенциал высказывания и сплотить не только своих очевидных политических сторонников, но также людей, нейтрально относящихся к говорящему и его политике, воспользовавшись религиозностью американского общества и американского общественно-политического дискурса. Обращаясь к религиозным текстам, автор высказывания затрагивает самые важные и сакральные для адресата образы, располагая его к себе и демонстрируя близость их мировоззренческих и концептуальных систем.

Опыт службы в американской армии является важным фактором в американской политике. Подобный факт биографии может вызвать симпатию у консервативно настроенной части американского общества. Особенным воздействием могут обладать отсылки к воинским традициям элитных подразделений ВС США: *“After 9/11, I did what thousands of other young men my age did in that time of soaring patriotism and love of country: I enlisted in the United States Marines. Semper Fi to my fellow Marines”* (Transcript: Sen. JD Vance on "Face the Nation with Margaret Brennan," Aug. 11, 2024 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/transcript-jd-vance-on-face-the-nation-aug-11-2024/> (дата обращения: 28.05.2025)). “Semper Fi” является сокращением от латинской фразы “Semper Fidelis”, что означает «Всегда верен», и является официальным девизом Корпуса морской пехоты США (Semper Fidelis [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.marines.com/about-the-marine-corps/who-are-the-marines/semper-fidelis.html> (дата обращения: 28.05.2025)). В военном жаргоне США данная фраза используется как приветствие и прощание для обозначения причастности к данному элитному подразделению и его ценностям, то есть как своеобразный маркер в системе координат «свой-чужой» (The Meaning of Semper Fi: The Marine Corps Motto [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.military.com/military-life/semper-fi-marine-corps-motto> (дата обращения: 28.05.2025)). Анализируемая цитата принадлежит кандидату в вице-президенты Д.Д. Вэнсу и приведена из его интервью, получившего широкий резонанс.

Стоит отметить, что цитирование текстов, связанных с Вооруженными силами США, как и любые аллюзии на тему военного дела обладают высоким коммуникативно-прагматическим потенциалом, позволяя с одной стороны показать части общества свою причастность к определенной избранной социально-профессиональной группе и воззвать к чувству боевого братства, а с другой – вызвать у большинства представителей американского общества (вне зависимости от его политических симпатий) уважение к адресату, а также чувство того, что на него можно положиться в деле управления и защиты интересов страны и ее граждан.

Еще одним источником интертекстуальных включений может являться классическая и современная американская популярная культура, в частности культура комиксов. Напомним, что в данной работе мы понимаем интертекстуальность как способность текстов вступать в диалогические отношения в том числе и с другими видами произведений культуры. Обратимся к следующему высказыванию, взятому из авторской статьи в либеральном издании *The Atlantic*: “*This makes Walz something of a bizarro Vance, electorally speaking*” (Edelman G. The Walz-Vance Inversion [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2024/08/tim-walz-jd-vance-policy-style-inversion/679386/> (дата обращения: 28.05.2025)). Согласно словарю “Merriam Webster” слово “bizarro” обозначает “*characterized by a bizarre, fantastic, or unconventional approach*”, однако в данном контексте стоит также принять во внимание существование вымышленного персонажа Бизарро, являющегося «зеркальным отражением» и антагонистом культового для американской культуры персонажа Супермена (Bizarro [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.dc.com/characters/bizarro> (дата обращения: 28.05.2025)). В данном случае наблюдается явление эпонимии, а само прилагательное “bizarro” является эпонимом, то есть словом, образованным от имени собственного. На то, что слово является нарицательным указывает, в том числе, факт его написания со строчной буквы. Таким образом, с помощью короткого интертекстуального включения длиной в одно слово автор (старший редактор издания) продемонстрировал

идентичность кандидатов в вице-президенты США, в то же время указывая на их антагонистичность, обратившись к достоянию американской массовой культуры и к детским воспоминаниям многих американцев – общим вне зависимости от их политических предпочтений.

Рассмотрим некоторые характерные для современного американского политического дискурса примеры интертекстуальных включений как репрезентантов концептуальных структур, входящих в онтологическую базу американской лингвокультуры, а также проанализируем реализацию их коммуникативно-прагматического потенциала в рамках современного американского политического дискурса.

Обратим внимание на следующее высказывание: *“Then together, standing united, we will go forward to defeat Donald Trump, the most dangerous president in modern American history”* (Paz I.G. Read Bernie Sanders’s Full Speech on Ending His Campaign [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2020/04/08/us/politics/bernie-sanders-concession-speech.html> (дата обращения: 28.05.2025)). В данном примере приводится цитата из речи американского конгрессмена Берни Сандерса, которую он произнес 6 апреля 2020 года на интернет-стриме для своих сторонников и в которой объявил о добровольном завершении своей президентской кампании. Риторика сенатора в основном направлена на образованную университетскую аудиторию и интеллигенцию. Такое позиционирование обуславливает сложность риторических приемов, которые может использовать политик. Фраза *“standing united”* является парафразой строчки песни *“The Liberty Song”*, написанной одним из Отцов-основателей Джоном Дикинсоном незадолго до Войны за независимость: *“Then join hand in hand brave Americans all, By uniting we stand, by dividing we fall”* (The Liberty Song [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://alphahistory.com/americanrevolution/liberty-song-1768/> (дата обращения: 28.05.2025)). При этом упоминание одной строки в деформированном варианте может посредством ассоциаций пробудить в сознании знающей публики другие

отрывки или даже весь текст песни целиком. Обратим внимание на припев песни: *“In freedom we're born and in freedom we'll live; Our purses are ready, Steady, Friends, Steady; Not as slaves but as freemen our money we'll give”*. В тексте красной нитью проходит тема свободы от любого внешнего влияния и готовность заплатить за нее любую цену. Упоминание подобной безусловно значимой для американского национального мифа идеи позволяет адресанту апеллировать к самым глубинным ценностным установкам рядового американца. Добавим также про обстоятельства произнесения анализируемой речи – она принадлежит жанру *“concession speech”*, где политик признает свое поражение на выборах, тем самым легитимизируя победу оппонента. Иными словами, представленный в речи пример использования интертекстуального включения, направлен не только на ободрение своих сторонников, но и на их интеграцию и мобилизацию к дальнейшей борьбе, несмотря на поражение.

Тем не менее, данный парафраз не является явно выраженным, а значит, его коммуникативно-прагматический потенциал раскрывается в полной мере только по отношению к узкой аудитории, знакомой с исходным текстом и способной провести эксплицитно не выраженные параллели между новым и старым текстами. Стоит, однако, заметить, что, даже не расшифрованная до конца данная деформированная цитата обладает определенным потенциалом – как эстетическим, так и экспрессивным, и с ее помощью адресант призывает американское общество сплотиться перед указанной в новом тексте персонифицированной угрозой. Коммуникативно-прагматический потенциал воздействия такого призыва увеличивается за счет обращения к образам Революционной войны, сыгравшей ключевую роль в становлении независимого американского государства. Данная цитата в совокупности с текстовым ее окружением позволяет автору высказывания вербализовать содержательные области концептуальных структур *“Civil War”* (призыв объединиться всему обществу перед явно выраженной угрозой) и *“Freedom”* (имплицитное обозначение того факта, что эта угроза способна лишить страну свободы). Кроме того, данный пример интересен отсутствием большого количества ярко

выраженных стилистически маркированных единиц, однако путем реализации коммуникативно-прагматического потенциала высказывания на адресата оказывается воздействие в том числе и на уровне эмоций.

Идеи, стоящие за двумя важнейшими в истории США войнами, являются центральными в рамках национального американского мифа, что объясняет концептуальную близость “The Independence War” и “The Civil War”. Оба события, разделенным промежутком в сто лет, сыграли важную роль в становлении как американской нации, так и американских традиций государственного устройства и формирования культурных ценностей.

Результатом такого сходства является частое взаимодействие единиц, обозначающих данные события и актуализирующих значения концептуальных структур, сопряженных с ними: *“The patriots of 1776 did not fight to replace the tyranny of a king with the privileges of a few or the rule of a mob. They gave to us a Republic, a government of, and by, and for the people, entrusting each generation to keep safe our founding creed”* (President Barack Obama's inaugural address – full text [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2013/jan/21/barack-obama-2013-inaugural-address> (дата обращения: 28.05.2025)). В данном отрывке второй иннагурационной речи Барака Обамы, первого чернокожего президента в истории США, наблюдается отсылка к Американской революционной войне, выраженной во фразе “the patriots of 1776 did not fight to replace the tyranny of a king”, а также к знаменитому определению демократического устройства общества, озвученному президентом Авраамом Линкольном в разгар Гражданской войны, “a government of, and by, and for the people”. Автор текста нарративно и концептуально сплетает два эпизода американской истории, что позволяет ему вызвать определенные ассоциации и создать у аудитории комплексный образ демократического идеала, за который боролись американские государство и общество всю свою историю.

Таким образом, данное высказывание представляет примеры вербального развертывания семантики концептуальных структур “Civil War” и “Freedom” за

счет отсылок к двум войнам, тем самым создавая сложную систему образов, связанную с историей как становления американского государства, так и формирования национального духа.

Стоит отметить, что в американской политической традиции считается положительным признаком ссылаться на известных политиков прошлых поколений. В контексте Гражданской войны в США основными источниками референций и аллюзий будут участники тех событий, в частности, Авраам Линкольн, 16-й президент США, в годы правления которого началась и закончилась Гражданская война. В 1863 году в городе Геттисберг он произнес Геттисбергскую речь, ставшую одним из самых важных прецедентных текстов американской политической культуры. Укажем, также, что данный город важен для истории Гражданской войны еще и потому, что возле него в 1863 году произошло самое кровопролитное сражение этой войны, ставшее коренным переломом в пользу победы Северных штатов.

В Геттисбергской речи А. Линкольна содержались призывы к американцам сплотиться и вместе создать свободную страну: “That this nation, under God, shall have a new birth of freedom, and that government of the people, by the people, for the people, shall not perish from the earth” (The Gettysburg Address. Transcript of Cornell University’s Copy [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rnc.library.cornell.edu/gettysburg/good_cause/transcript.htm (дата обращения: 28.05.2025)). В данном отрывке из знаменитой речи можно также наблюдать уже упоминавшуюся в диссертации формулу демократического государства.

Перед выборами президента США в 2016 году Дональд Трамп посетил Геттисберг, чтобы произнести одну из своих предвыборных речей. Ввиду тесных ассоциативных связей жителей города с историческими событиями Гражданской войны в речь Трампа намеренно были включены соответствующие параллели с речью А. Линкольна в Геттисберге 19 ноября 1863 года на открытии Солдатского кладбища (ныне Геттисбергское национальное кладбище) при перезахоронении останков солдат армии Севера: “*This is not simply another 4-year election. This is a*

crossroads in the history of our civilization that will determine whether or not We The People reclaim control over our government <...> This is a struggle for the survival of our nation. This election will determine whether we are a free nation, or whether we have only the illusion of Democracy but are in fact controlled by a small handful of global special interests rigging the system” (Anderson T.K. Trump's Gettysburg Address - Full Transcript [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.huffpost.com/entry/trumps-gettysburg-address-full-transcript_b_580dbc6de4b099c434319901 (дата обращения: 30.07.2024)). Прослеживаются тематические и смысловые параллели с речью 16-го президента США через артикуляции угрозы, нависшей над американским обществом (“This is a crossroads in the history of our civilization”, “only the illusion of Democracy”, “interests rigging the system”), и обращение к идеям свободного и процветающего государства (“a free nation”). Кроме того, фраза “We The People reclaim control over our government” являет собой неявную отсылку к «формуле демократии Линкольна», намекая на то, что на момент произнесения речи она не соблюдалась. Экспрессивное воздействие на адресата также увеличивается за счет прямого цитирования первых слов преамбулы к Конституции США (“We The People”).

Аллюзии к Отцам-основателям, стоявшим у истоков независимого американского государства, благодаря упомянутой концептуальной близости также могут использоваться для репрезентации образов, стоящих за концептуальной структурой “Civil War”: *“George Washington’s farewell address is often remembered for its warning against hyper-partisanship: “The alternate domination of one faction over another, sharpened by the spirit of revenge, natural to party dissension, which in different ages and countries has perpetrated the most horrid enormities, is itself a frightful despotism.” John Adams, Washington’s successor, similarly worried that “a division of the republic into two great parties ... is to be dreaded as the great political evil””* (Drutman L. America Is Now the Divided Republic the Framers Feared [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/01/two-party-system-broke-constitution/604213/> (дата обращения: 28.05.2025)). В начале данного отрывка

упоминается название последней речи Джорджа Вашингтона на посту президента США, создавая таким образом межтекстовую связь между ним и анализируемым текстом. Далее адресант цитирует первого президента США, используя такие крайне экспрессивные выражения, как “domination of one faction over another”, “the spirit of revenge”, “the most horrid enormities”, “a frightful despotism”, чтобы указать на растущую угрозу политического разделения страны и острого противоборства политических сил. Для усиления коммуникативно-прагматического потенциала своего высказывания адресант через обозначенную межтекстовую связь ссылается на авторитеты Джорджа Вашингтона и упомянутого в указанном отрывке Джона Адамса, второго президента США. Подобные аллюзии позволяют адресанту оказать воздействие на аудиторию не только на уровне логоса, но также на уровне пафоса.

Статуя Свободы является мощным символом постулируемых американцами ценностей свободы и равноправия. Данный символизм позволяет адресанту политического текста репрезентировать элементы значения сразу нескольких концептуальных структур: «*That same question came to mind again after I observed Trump’s latest effort to gin up hate against people whose only “crime” is believing in the famous poem on the pedestal of the Statue of Liberty that promises our nation was to be a refuge for the “huddled masses yearning to breathe free”*» (Obeidallah D. Opinion: Is this the worst idea Trump has ever had? Almost [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2024/06/24/opinions/trump-ufc-migrant-fighting-obeidallah/index.html> (дата обращения: 28.05.2025)). Данный отрывок из текста статьи, опубликованной в разделе с авторскими мнениями о происходящих событиях американского либерального издания, содержит цитирование (“huddled masses yearning to breathe free”) выбитого на табличке у подножья Статуи Свободы отрывка из сонета Эммы Лазарус *The New Colossus* («Новый Колосс»), посвященного образу США как свободной страны, готовой принять всех иммигрантов и стать их домом. Полная фраза, вкладываемая поэтессой в уста Статуи Свободы, звучит следующим образом: “*Give me your tired, your poor, Your huddled masses yearning to breathe free, The wretched refuse of your teeming shore.*”

Send these, the homeless, tempest-tost to me, I lift my lamp beside the golden door!” (The New Colossus [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nps.gov/stli/learn/historyculture/colossus.htm> (дата обращения: 28.05.2025)). С помощью цитирования данного сонета происходит репрезентация концептуального комплекса, включающего как концепт “Freedom”, так и концепт “Equality”. На последнюю концептуальную структуру и ее вербализацию в высказывании указывает также метафорическое имя, данное писательницей Статуе Свободы, “Mother of Exiles”, то есть “Мать Изгнанных”, готовая принять всех - без оглядки на происхождение, статус и прочие параметры, служащие основой для дискриминации.

Отметим также, что данная цитата позволяет приведенному высказыванию оказывать коммуникативно-прагматическое воздействие сразу на нескольких уровнях. Благодаря популярной во всем мире американской массовой культуре и пропаганде интерпретация образа Статуи Свободы как аллюзии на свободу для всех не требует от интерпретатора высокого уровня образования и большого объема фоновых знаний. Приведенный разбор цитаты демонстрирует глубокую литературную подоплеку у данного интертекстуального включения, что позволяет оказать сильное эстетическое и эмоциональное воздействие на более образованного и эрудированного адресата. Кроме того, апелляция к подобным многоуровневым образам, известным американцам с самого детства, позволяет высказыванию выполнить функцию максимального сближения концептуальных систем участников политической коммуникации. Коммуникативно-прагматический эффект оказывается очень мощным и обладает устойчивостью в том случае, если данные образы были вложены в сознание в детском или подростковом возрасте, так как воздействие осуществляется на наиболее глубокие уровни сознания, связанные в том числе с приятными воспоминаниями о чтении книг американских авторов или просмотре голливудских фильмов.

Обозначение в политическом тексте только названия прецедентного текста, содержание которого в силу традиций, принятых в данном обществе, известно

подавляющему большинству представителей данного лингвокультурного сообщества, может создавать межтекстовые связи, а также образные и ассоциативные цепочки в той же мере, в какой это свойственно использованию полных или деформированных цитат. Для иллюстрации данного положения обратим внимание на следующую цитату: *“Third, and this was troubling the more I thought about it, a defense of a nationalism rooted more in the land and in identity than in a commitment to, say, the principles of the Constitution and Declaration of Independence. It was a different kind of conservatism, national conservatism”* (Willick J. Did Vance sell a new kind of conservative nationalism? [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/07/18/jd-vance-rnc-convention/> (дата обращения: 28.05.2025)). Автор упоминает два прецедентных текста, обладающих высокой степенью значимости для американской политической культуры, Конституция США и Декларация Независимости, конституирующие свободу и права человека, а также справедливость общественного устройства как высшие ценности американского государства (The U.S. Constitution: Preamble [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.uscourts.gov/about-federal-courts/educational-resources/about-educational-outreach/activity-resources/us#:~:text=%22We%20the%20People%20of%20the,for%20the%20United%20States%20of> (дата обращения: 28.05.2025)). Подобное упоминание наблюдается также в другом примере политического медиатекста: *“And to be clear, America was indeed founded on brilliant ideas, like the rule of law and religious liberty. Things written into the fabric of our Constitution and our nation”* (Transcript: Sen. JD Vance on "Face the Nation with Margaret Brennan," Aug. 11, 2024 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/transcript-jd-vance-on-face-the-nation-aug-11-2024/> (дата обращения: 28.05.2025)). Общеизвестность и значимость данных текстов позволяет адресантам только одним их упоминанием вербально представить концептуальный комплекс, состоящий из концептуальных структур “Freedom”, “Equality”, а также “Patriotism”, так как отсылки к этим документам вызывают к чувству сопричастности адресата к базовым ценностям американского

государства, а также гордости за историю собственной страны. Кроме того, общеизвестность позволяет говорить о максимальной эксплицитности процесса актуализации данного концептуального комплекса, что позволяет распространить коммуникативно-прагматическое воздействие на максимальное количество реципиентов.

Другой пример репрезентации концептуального комплекса, состоящего из концептуальных структур “Freedom” и “Equality”, с помощью создания межтекстовых связей путем упоминания только названия литературного источника можно наблюдать в следующем отрывке: *“Above all, we have reasserted the sacred idea that, in America, the government answers to the people. Our guiding light, our North Star, our unwavering conviction has been that we are here to serve the noble everyday citizens of America”* (President Trump’s farewell: Read his full speech [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://nypost.com/2021/01/19/president-trumps-farewell-read-his-full-speech/> (дата обращения: 28.05.2025)). Стоит напомнить, что «The North Star» – это название газеты, издававшейся по инициативе известного аболициониста Фредерика Дугласа. Таким образом адресант создает в сознании адресата связь не с каким-то конкретным текстом, а с целым комплексом текстов, посвященных борьбе за права человека и свободу для угнетенных, и представленных в газете, просуществовавшей с 1847 по 1851 годы.

В данном исследовании мы подробно останавливались на значении контекста в самом широком его понимании как для коммуникативно-прагматического анализа, так и для изучения феномена интертекстуальности. При выходе на уровень дискурса интертекстуальность как явление может подкрепляться связью текста с фактами экстралингвистической действительности. Уточним, однако, что основным предметом исследования в данной работе признаются диалогические отношения между вербальными текстами.

Исходя из этого положения, обратимся к контексту американской истории для более полного понимания приведенного интертекстуального включения. The

“The North Star” - «Полярная звезда» является стилистически ярким образом, оказывающим значительное эмоционально-экспрессивное воздействие на адресата и вызывающим множество ассоциаций. В нашей работе интерес представляет его связь с историей борьбы чернокожего населения США за свои права. Исследователи указывают на тот факт, что Полярная звезда служила путеводной звездой для рабов из южных штатов во время их бегства в северные штаты, где институт рабства был отменен, или в Канаду (Gamble-Theard J. The North Star: A symbol of inspiration and hope [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://theweeklychallenger.com/the-north-star-a-symbol-of-inspiration-and-hope/> (дата обращения: 28.05.2025)). Понимание контекста и дополнительных образов, связанных с названием газеты, упомянутой в анализируемом отрывке, позволяет наблюдать полную картину актуализации содержательных полей концептуальных структур “Freedom” и “Equality”.

Приведем пример, в котором вербальный текст образует связь с произведением невербального искусства, при этом исторический контекст наделяет такую связь особым значением и коммуникативно-прагматическим потенциалом. Обратим внимание на отрывок из инаугурационной речи бывшего президента США Джо Байдена: *“My fellow Americans, we have to be different than this. We have to be better than this and I believe America is so much better than this. Just look around. Here we stand in the shadow of the Capitol dome. As mentioned earlier, completed in the shadow of the Civil War. When the union itself was literally hanging in the balance”* (Sundby A. Read the full text of Biden's inaugural address [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/president-joe-biden-inauguration-address-text/> (дата обращения: 28.05.2025)).

Параллельные конструкции “in the shadow of + the + существительное” позволяет провести параллели между куполом Капитолия, возле которого проходила церемония инаугурации, и событиями Гражданской войны 1861-1865 годов. Данную ассоциацию укрепляет тот факт, что вторая версия купола, существующая в наше время, действительно возводилась в годы той войны и

была завершена в январе 1866 г. вскоре после победы Севера над Югом и окончательного объединения страны. Посредством связи текста с произведением архитектурного искусства, а значит и с событиями самой кровавой войны за всю историю США, адресант имплицитно сообщает о возможности гражданского противостояния в современных США и призывает к сплочению всей нации. Через подобную гипертекстуальность осуществляется сильное коммуникативно-прагматическое воздействие на адресата, подкрепленное соответствующим синтаксическим оформлением, и происходит актуализация содержания концептуальной структуры “Civil War”.

Стоит также допустить, что такое упоминание купола Капитолия может восприниматься как обычное указание на красоту архитектуры правительственных зданий США, однако синтаксическое оформление указывает на намерение адресанта через данные параллели оказать воздействие на американскую аудиторию. Напомним, что с прагматической точки зрения иллокутивный акт приобретает интенцию при наличии объекта, коим в данном случае является ассоциативная связь между зданием Капитолия и событиями Гражданской войны в США.

Приведенный отрывок, а также пример с выступлением в г. Геттисберге, проанализированный выше, наполнены стилистически маркированными единицами, которые можно охарактеризовать как экспрессивные. Такое оформление высказываний позволяет оказать сильное воздействие на адресата на эмоциональном уровне и снизить уровень критического восприятия сказанного, апеллируя к пафосу. Данный эффект усиливается с помощью выстраивания комплексных связей текстов с произведениями вербального и невербального искусства, ассоциирующихся с событиями и участниками гражданского конфликта в США, а также с идеями, лежащими в основе того противостояния. В обоих случаях выстраивание “диалога” эксплицитно не выражено, однако как в текстах, так и в контексте, сопряженном с данными текстами, присутствуют

«подсказки», смысловые опоры, способствующие адекватной интерпретации заложенных смыслов со стороны адресата.

В предвыборной речи такой метатекстовой подсказкой является место, где была произнесена речь, при отсутствии прямого указания на связность данного текста с предыдущими событиями. Кроме того, межтекстовая связь с Геттисбергской речью носит имплицитную форму, понятную только людям, хорошо знакомым с содержанием прецедентного текста. В инаугурационной речи воздействие через диалогические связи с произведением архитектуры осуществляется более явно при помощи соответствующих синтаксических средств, маркирующих данную связь и указывающих на нее адресату. Следует также отметить, что без дополнительной сопровождающей информации, отсутствующей в тексте, о том, что купол Капитолия представляется как символ завершения Гражданской войны победой сил, выступавших за единство страны, ассоциативная связь остается неявной для людей, не знакомых с историей США и данного архитектурного сооружения.

Таким образом, можно сделать вывод, что подобные интертекстуальные включения выполняют определенную парольную функцию, так как направлены на аудиторию знающих людей или заинтересованных в достаточной мере, чтобы узнать недостающую информацию самостоятельно. Это обуславливает также выполняемую интеграционную функцию интертекстуальных включений по сближению концептуальных систем коммуникантов.

Выводы к Главе 2

1. Анализ лексикографического материала показал, что рассматриваемые концептуальные структуры действительно имеют сложную полевую структуру, состоящую из ядра значений и периферии. Однако в рамках дискурса такое деление становится весьма условным, так как выделяться в речи могут и те, и другие, что во многом зависит от контекста употребления репрезентантов языковых значений концепта.

2. Ядро содержательного поля концепта “Civil War” составляет следующее языковое значение: “division”. Также было выяснено, что периферийные значения “extreme violence”, “confrontation” и “chaos” напрямую зависят и являются производными от ядерных языковых значений. Анализ содержательных сфер концептуальных структур “Freedom” и “Equality” продемонстрировал, что данный вывод возможно экстраполировать и на них. Также необходимо пояснить, что концепты “Civil War” и “War” при всей содержательной близости имеют разные ядерные компоненты на уровне репрезентации и пересекаются только в периферии своих содержательных областей.

3. Языковые репрезентанты концептуальной структуры “Freedom” являются “absence of limits from within” и “absence of limits from without”, на периферии репрезентации концепта находятся значения, ассоциативно связанные с частными проявлениями понятия «свобода»: “political rights”, “freedom of movement”, “not being in prison/slavery” и т.д. Данная концептуальная структура в рамках современного американского политического дискурса обладает прочными связями с концептом “Equality” и часто находит свое вербальное представление в едином контексте с данным концептом.

4. Анализ словарных определений лексической единицы “Equality” продемонстрировал, что языковыми значениями его содержательной области являются “same treatment”, “same opportunities”, “same rights”, “same responsibilities”, а периферийными – “fairness”, “just”, “same outcome”. Кроме того,

была обнаружена близость этой концептуальной структуры к концепту “Equity”, вербально представленное содержательное ядро которого включает в себя периферийные значения “Equality”. Такое «родство» приводит к тому, что в современном американском политическом дискурсе они часто используются как синонимы, что приводит к низкой концептуальной устойчивости структуры, то есть существуют риски неверной интерпретации адресатом ее вербальных репрезентантов.

5. В ходе анализа фактического материала было выявлено, что рассматриваемые концептуальные структуры могут находить свою вербальную репрезентацию на лексико-фразеологическом, синтаксическом и текстовом уровнях, на уровне интертекстуальных включений различного происхождения, а также в сфере взаимодействия собственно языковой и общесемиотической систем (т.е. посредством графических и визуальных средств).

6. Проведенный анализ фактического материала подтвердил динамичную природу концептуальных структур и наглядно продемонстрировал частотность их совместной реализации. Таким образом порождаются концептуальные комплексы, элементы которых реализуются для достижения общей коммуникативно-прагматической цели.

7. Для вербального представления концептуальных структур часто используется стилистически окрашенная лексика: экспрессивные и эмоционально-оценивающие лексические единицы; лексические единицы, имеющие оскорбительное или уничижительное значение; конфронтационная лексика и лексика противопоставления, цветообозначения (цветные маркеры), а также пространственные обозначения (например, обозначения “in” и “out”). Могут использоваться такие лексические средства выразительности и собственно стилистические средства, как игра слов, паронимическая аттракция, создание телескопических слов, антонимия, метафора.

8. Среди синтаксических средств выразительности, которые способствуют эффективному представлению содержательных областей концептуальных структур, можно выделить антитезу и противопоставление с использованием противительных союзов и прилагательных в сравнительной форме, анафору, эпистрофу, повторы, синтаксический параллелизм, анадиплосис, парцелляцию.

9. Следует также отметить роль синтаксического фактора в выражении экспрессии, убеждении аудитории в верности собственных слов или побуждении к определенным действиям. Использование различных синтаксических приемов, подкрепленных соответствующими лексико-фразеологическими средствами, позволяет автору текста или устного высказывания добиться необходимого коммуникативно-прагматического эффекта, реализовать апеллятивный, волюнтаривный, экспрессивный, коммуникативно-прагматический, агональный, мобилизационный, интеграционный потенциалы текста или высказывания, а также обеспечить адекватную интерпретацию со стороны адресата.

10. Американская политическая культура богата на различные источники интертекстуального материала, который активно используется современными американскими политиками. Можно выделить следующие основные источники интертекста:

- религиозные тексты (в первую очередь Библия);
- события, связанные с историей США (например, Война за Независимость и Гражданская война);
- отцы-основатели и президенты США прошлого (например, Джордж Вашингтон, Джон Адамс, Авраам Линкольн и др.);
- современные политические деятели США (например, Барак Обама, Хиллари Клинтон)
- прецедентные тексты, значимые для американской политической культуры (например, Конституция США, Декларация Независимости);

- литературные источники (например, предреволюционная песня “The Liberty Song” Джона Дикенсона или сонет «Новый Колос» Эммы Лазурус);
- культовые архитектурные сооружения (например, Статуя Свободы, здание Капитолия);
- массовая американская культура (например, комиксы);

Данный список наиболее частотных источников интертекста в американском политическом медиадискурсе обусловлен особенностями американской политической культуры и сложившимися в данной лингвокультуре политическими и риторическими традициями.

Содержащиеся в представленном в работе фактическом материале интертекстуальные включения структурно можно разделить на цитаты (7), парафразы (1), аллюзии (13).

13. Многие интертекстуальные включения нельзя однозначно отнести к одному домену. Например, парафраз строк из песни “The Liberty Song” может считаться референсом в сторону американской литературы, однако данная аллюзия также связывает содержащий ее текст с событиями Войны за независимость. Это указывает на тот факт, что интертекстуальные включения не могут считаться изолированными друг от друга структурами. Они, будучи крупными смысловыми сущностями, взаимодействуют друг с другом и с ментальным миром человека, побуждая его сознание вызывать цепочки ассоциаций.

14. Отметим взаимодействие в рамках политического дискурса стилистического и коммуникативно-прагматического аспектов. Анализ материала продемонстрировал не только их тесную взаимосвязанность, но также показал необходимость их разграничения. Стилистическое воздействие оказывается на эмоционально-экспрессивном уровне, тогда как коммуникативно-прагматический

аспект затрагивает намного более глубокие слои человеческого сознания и создает эффект не только на уровне эмоций, но в первую очередь на ментально-лингвальном уровне.

В этом процессе ключевую роль играют интертекстуальные включения как репрезентанты ключевых концептуальных структур, составляющих онтологическую базу американского политического дискурса. Помимо своей ярко выраженной стилистической маркированности они служат сближению концептуальных систем участником политической коммуникации, что является одной из главных когнитивно-прагматических задач, которую ставит перед собой адресант.

Интертекстуальные включения, которые можно определить как диалогические отношения как между текстами, так и между текстами и произведениями невербального искусства, также играют роль связующего звена, позволяющего адресанту сочетать и использовать в синергии стилистический и коммуникативно-прагматический аспекты высказывания для успешного достижения поставленных коммуникативно-прагматических задач и оказания необходимого прагматического воздействия на адресата.

Заключение

Проведенный анализ позволил прийти к следующим результатам:

1. Онтологическая база современного политического дискурса США включает целый ряд ключевых культурно-ценностных концептов, среди которых вследствие высокой степени их культурной значимости и широкой реализации в американском политическом медиадискурсе можно выделить концепты “Civil War”, “Freedom”, “Equality”. Актуальность данных ментально-лингвальных образований для современного американского политического медиадискурса подтверждается также статистическими данными из корпусной статистики Google. Концепты “Civil War”, “Freedom”, “Equality” могут быть представлены целым конгломератом значений на разных уровнях языка, включая уровень интертекста, понимаемом в данном исследовании как результат процесса заимствования семантически и синтаксически оформленных элементов (отрезков) из существующих в мировом культурном пространстве текстов.

В этом плане особую значимость приобретает переход данной области исследования в сферу интердискурсивности, поскольку в целом ряде случаев процесс репрезентации концепта в дискурсе СМИ обусловлен значимыми экстралингвистическими факторами, находящимися в тесном взаимодействии с факторами лингвистического характера. Вместе с тем, указанные факторы в их взаимодействии оказываются важными для реализации различного рода интертекстуальных включений.

Рассмотренные в работе культурно-ценностные концепты обладают динамическим характером и будучи представленными различными языковыми реализациями, отражающими процесс непрерывной трансформации содержательных областей под воздействием внешних факторов, проявляют свойства находящиеся в непрерывном движении концептуальных структур. В политическом медиадискурсе США данные концептуальные структуры, репрезентирующие свойства логически стройных общественно-политических понятий, с одной стороны, и концептов в собственном смысле слова,

отягощенных экспрессивно-эмоционально-оценочными характеристиками в том числе вследствие непрерывной динамики их ассоциативных сфер, в пределах данного контекста могут вступать в тесное взаимодействие друг с другом, создавая целые концептуальные комплексы, реализуемые в медиапространстве.

2. Использование интертекстуальных включений в политическом медиадискурсе США направлено на реализацию целого ряда функций, в том числе оказание влияния на смысловое наполнение содержательной структуры принимающего текста и привнесение в него новых смыслов. В данной дискурсивной среде функциональные и содержательные характеристики интертекста связаны в первую очередь с оказанием стилистического воздействия на адресата сообщения в процессе обращения к его эмоциональной сфере и тесно связанного с ним создания коммуникативно-прагматического эффекта, возникающего в ходе влияния на ментальную и ментально-лингвальную сферы индивида.

Интертекст в рамках политического медиадискурса наряду с другими функциями служит реализации текстообразующей функции, направленной на связывание частей текста и выражение всего комплекса основных идей автора. Посредством заимствования смысла из прецедентного текста, устанавливая с ним диалогические отношения, интертекстуальные включения привносят их в содержательную структуру принимающего текста. Таким образом автор политического высказывания устанавливает контакт со своей аудиторией и манифестирует перед ней собственные воззрения и ценности, осуществляя попытку установить близость концептуальных систем коммуникантов и максимально приблизить друг к другу культурно-ценностные предпочтения участников коммуникации.

3. В американской политической коммуникации интертекст может рассматриваться как источник культурной информации, как способ создания особого стилистического эффекта, как средство коммуникативно-прагматического воздействия на адресата.

В политическом медиадискурсе процесс реализации интертекстуальных включений может сопровождаться имплицитным представлением информации, использованием дополнительных семиотических средств, принимающих участие в оказании коммуникативно-прагматического и стилистического воздействия на адресата посредством пробуждения у представителей целевой аудитории определенных ассоциаций в ходе обращения к ресурсам памяти и эмоциональной сфере, что способствует установлению контакта и формированию ценностных предпочтений коммуникантов на основе сближения их концептуальных систем. В ряде случаев имплицитного представления концептуальных содержаний посредством интертекста в политическом медиадискурсе могут использоваться различные маркеры и смысловые опоры для адекватной интерпретации сообщений, как собственно лингвистические, так и заимствованные из области других семиотических систем.

Отметим также способность интертекстуальных включений, реализуемых в качестве репрезентантов концептуальных структур, выполнять парольную функцию, когда адресант при помощи включения интертекста в речевое произведение адресует сообщение определенному кругу лиц, обладающих достаточным уровнем культурных знаний, которые позволяют адекватно интерпретировать сообщение, в отличие от остальных реципиентов, не владеющих необходимыми для понимания смыслов сообщения знаниями. Иными словами, благодаря использованию интертекстуальных включений в качестве репрезентантов концептуальных структур автор сообщения способен доносить разный объем информации разным целевым группам, не меняя самого сообщения.

4. Американская политическая коммуникация характеризуется традиционно существующей тенденцией использования прецедентных текстов из собственной политической культуры (такими источниками могут считаться Конституция США, Декларация независимости и другие речевые произведения подобного порядка), а также апеллировать к авторитету политиков и общественных деятелей из собственной истории (например, Отцы-основатели и

Авраам Линкольн). Особо выделяются цитаты из Священного Писания ввиду религиозной специфики американского общества. Стратегия демонстрации принципов преемственности и неизменности базовых ценностных установок американского государства на уровне используемых интертекстуальных включений позволяет политикам США привлечь и удержать внимание адресата, вызвать у него доверие и симпатию к излагаемым адресантом идеям и словам, убедить целевую аудиторию в стабильности политических и культурных ориентиров, представленных в сознании социума на уровне ценностных регулятивных концептов.

Использование подобных источников интертекста позволяет эффективно реализовать коммуникативно-прагматический потенциал политического высказывания и использовать интертекст в качестве способа моделирования картины мира целевой аудитории и переструктурирования сознания адресата.

Перспективным представляется всестороннее изучение потенциала интертекста в американском политическом медиадискурсе не только в качестве способа представления концептуальных структур в их динамике, но и как возможности расширения границ принимающего текста, с учетом реализации метакогнитивной и метатекстовой функций – за счет введения опорной и сопровождающей информации, которая поясняет функционально-смысловые особенности интертекстуального включения, представленного в тексте. Важным аспектом исследования является изучение коммуникативно-прагматических и стилистических взаимодействий в сфере интертекстуальности на интердискурсивном уровне, с привлечением экстралингвистических факторов и семиотических систем различного порядка с сохранением приоритета естественного человеческого языка. Перспективным также представляется изучение интертекстуальных связей в рамках англоязычных институциональных дискурсов, с особым вниманием к роли английского языка как языка международного общения. В качестве перспективы исследования может также выступать изучение англоязычного медиапространства как области проявления и

сохранения традиций англоговорящих лингвокультурных социумов, в том числе традиций политической медиакультуры.

Библиография

Список используемой литературы

1. Абельсон Р.П. Структуры убеждений/Р.П. Абельсон//Язык и моделирование социального взаимодействия – Москва: Прогресс, 1997 – С. 317–380.
2. Аверьянова, В. А., Щербакова, О. В. Между текстом и читателем: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов. Ч. I / В. А. Аверьянова, О. В. Щербакова // Вопросы психолингвистики. — 2022. — № 3 (53). — С. 42–61.
3. Автухович Т.Е. Античная риторика: учебное пособие / Т.Е. Автухович. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 144 с.
4. Александрова О. В. Формирование концептуальной картины мира на основании изучения лексико-грамматической системы языка // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – №3. – С. 19-26.
5. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка: учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков / О.В. Александрова. – 2-е изд., испр. - Москва: URSS, 2009. – 211 с.
6. Аникина Э.М. Интертекстуальность в дискурсе СМИ (на материале англо-американской прессы): монография/Э.М. Аникина – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 99 с.
7. Апресян Ю.Д. Избр. тр. Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография/Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
8. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения/И.В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1982. – №4. – С. 83-91.

9. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность/И.В. Арнольд. – М.: URSS, 2010. – 448 с.
10. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка/И.В. Арнольд – М.: Флинта; Наука, 2002. – 383 с.
11. Арутюнов А.Р. Интенции диалогического общения и их стандартные реализации: справочник/А.Р. Арутюнов, П.Г. Чеботарев – М.: Прогресс, 1999 – 82 с.
12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека/Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
13. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика/А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.
14. Ахманова О. С., Магидова О.С. Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика/О.С. Ахманова, И.М. Магидова // Английский язык и литература в прагмалингвистическом освещении: Сборник научных статей памяти заслуженного профессора МГУ, доктора филологических наук Ирины Марковны Магидовой / Ответственный редактор Е.В. Михайловская. – М.: Издательство "Международные отношения", 2018. – С. 9-18.
15. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова – М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
16. Бабаян Т. В. Концепт как единица языковой системы // БГЖ. – 2021. – №3 (36). – С. 240-243.
17. Баженова И.С. Обозначение эмоций в художественном тексте (прагматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.019/Баженова Ирина Сергеевна. – М., 2004. – 52 с.
18. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли; пер. с фр. Е.В. Вентцель, Т.В. Вентцель – М.: Издательство иностранной литературы, 1955 – 416 с.

19. Баранов А.Н., Казакевич У.Г. Парламентские дебаты: традиции и инновации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре)/А.Н. Баранов, У.Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 63 с.
20. Баранова Л.Л. Political Correctness in Political Discourse: Language Made Plain // LATEUM 2013: Преподавание английского языка и лингвистика сегодня: новые стратегии и удачные решения: Материалы XI международной конференции Лингвистической ассоциации преподавателей английского языка МГУ имени М.В. Ломоносова. – М.: МАКС Пресс, 2013. – С. 67-71.
21. Баранова Л.Л. Невербальная и вербальная коммуникация: лингвистический и лингвокультурологический аспекты/Л.Л. Баранова // Межкультурная коммуникация как область научного исследования и академическая дисциплина: коллективная монография / под общей ред. Н.А. Ахреновой, О.Д. Вишняковой, А.П. Миньяр-Белоручевой. – М.: Изд-во «Наука», 2024. – С. 136-142.
22. Баранова Л.Л. Онтология английской письменной речи. Учебно-методическое пособие к курсу лекций по орфоэпии и орфографии современного английского языка. 2-е изд., доп. и перераб./Л.Л. Баранова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. – 312 с.
23. Баранова, Л.Л. Американская мечта: учебно-методическое пособие/Л.Л. Баранова. – М.: МАКС Пресс, 2006. – 60 с.
24. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд/М.М. Бахтин – М.: Сов. Россия, 1979. – 318 с.
25. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 томах. Том 5. К философским основам гуманитарных наук. Работы 1940-х – начала 1960-х годов/М.М.Бахтин; Ин-т мировой лит. им. М. Горького Российской акад. наук. – М.: Русское слово, 1997. – 731 с.
26. Башкатова Ю.А. Интертекстуальность словесно-художественного портрета/Ю.А. Башкатова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 143 с.

27. Богданова Н.В., Каталкина Н.А. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии/Н.В. Богданова, Н.А. Каталкина // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2019. – №19. – С. 5–9.
28. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире/Н.Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 88 – 2014 – № 6 (335) – С. 118-122.
29. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику/Н.Н. Болдырев – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021 – 236 с.
30. Болдырев Н.Н. Проблемы концептуального взаимодействия в процессе вербальной коммуникации/Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Выпуск XI. Международный конгресс по когнитивной лингвистике. – Москва-Тамбов, 2012. – С. 5-14.
31. Болдырева Л.В. Социально-исторический вертикальный контекст и проблема понимания литературно-художественного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/Болдырева Лилия Владиленовна. – М., 1991. – 207 с.
32. Варченко В.В. Формы и функции цитатной речи в медиа-тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/Варченко Виктория Викторовна. – М., 2007. – 23 с.
33. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика/В.В. Виноградов – М.: Наука, 1963. – 279 с.
34. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики/В.В. Виноградов // Вопросы языкознания – 1955. – № 1. – С. 60-87.
35. Вишнякова О.Д. О роли функционально-когнитивных исследований в теории и практике преподавания языков/О.Д. Вишнякова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 4. – С. 36-45.

36. Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство /на материале современного английского языка/: монография/О.Д. Вишнякова – М.: МАКС Пресс, 2002. – 380 с.
37. Вишнякова О.Д. Языковой знак в референциальном поле культурной памяти социума/О.Д. Вишнякова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 4. – С. 50-66.
38. Вишнякова О.Д. Языковые репрезентанты национально-культурной специфики новозеландского социума: проблемы мотивированности и концептуальной полноценности/О.Д. Вишнякова // Язык: мультидисциплинарность научного знания: научный альманах / под ред. О. В. Труновой. Выпуск 4. – Барнаул: АлтГПА, 2013. – С. 58–63.
39. Вишнякова О.Д., Александрова В.А. Антропонимическое прозвище как индикатор оценочности в политическом дискурсе/О.Д. Вишнякова, В.А. Александрова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 2. – С. 70-82.
40. Вишнякова О.Д., Быстров Н.А., Вишнякова Е.А. Общность культурно-языковых знаний коммуникантов как условие понимания в политическом дискурсе/О.Д. Вишнякова, Н.А. Быстров, Е.А. Вишнякова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2025. – Т. XXII, Вып. 1. – С. 232–239.
41. Вишнякова О.Д., Климанова М.В. Лингводидактический дискурс как область реализации культурно значимых концептов/О.Д. Вишнякова, М.В. Климанова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – №3. – С. 50-61.
42. Вишнякова О.Д., Климанова М.В. Концептуальные структуры "knowledge" и "education" как базовые составляющие лингводидактического дискурса и динамика их реализации в современном английском языке/О.Д. Вишнякова, М.В. Климанова // Вестник

- Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2018. – №3. – С. 147-155.
43. Вишнякова О.Д., Липгарт А.А. О роли когнитивного контекста в переводческом процессе/О.Д. Вишнякова, А.А. Липгарт // Когнитивные исследования языка. – Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2025. – № 1(62). – С. 310-313.
44. Вишнякова О.Д., Липгарт А.А., Мартюшова Н.О. Проблема исследования памяти в лингвистике: междисциплинарный подход/О.Д. Вишнякова, А.А. Липгарт, Н.О. Мартюшева // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2022. – №4. – С. 700-706.
45. Вишнякова О.Д., Мартюшова Н.О. Коллективная память о прошедших событиях в лингвистическом освещении: опыт анализа речей членов королевской семьи Великобритании/О.Д. Вишнякова, Н.О. Мартюшева // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2022. – №3. – С. 3-19.
46. Вишнякова О.Д., Скурихина О.В. Структурно-содержательные трансформации языковых единиц с национально-культурным компонентом в новозеландском английском/О.Д. Вишнякова, О.В. Скурихина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – 2011. – №. 6(101). Вып. 9. – С. 120–126.
47. Волкова Я.А., Панченко Н.Н., Пригарина Н.К. Дискоммуникация: межкультурный, дискурсивный и лингвоэкологический аспекты/Я.А. Волкова, Н.Н. Панченко, Н.К. Пригарина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т.22, №1.– С. 138-150.
48. Воркачев С.Г. "Куда ж нам плыть?". Лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития/С.Г. Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2010. – № 8. – С. 5-27.

49. Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития / С. Г. Воркачев // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70, № 5. – С. 64-74.
50. Воробьев В.В. Теоретические и прикладные аспекты современной лингвокультурологии/В.В. Воробьев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015. – №13 (724). – С. 217-226.
51. Воробьева О.И. Политический язык: семантика, таксономия, функции: дис. ... д. филол. наук: 10.02.01/Воробьева Ольга Ивановна. – М., 2000. – 382 с.
52. Гавранек Б. О функциональном расслоении литературного языка. пер. с чеш. Н. А. Кондрашова. // Пражский лингвистический кружок. – Сборник статей. – М.: Прогресс, 1967. – С. 432-444.
53. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования/Б.М. Гаспаров – М.: Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.
54. Гвишиани Н.Б. Современный английский язык. Лексикология. Учебник бакалавра. Издание 3-е, переработанное и дополненное/Н.Б. Гвишиани – М.: Юрайт, 2013. – 273 с.
55. Глушак В.М. Концептуальная структура имиджа политика во время избирательной кампании (на материале выступлений претендентов на пост президента США в 2004 году)/В.М. Глушак // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №12-2 (78). – С. 93-97.
56. Глушак В.М. Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения: на материале немецкого языка: автореф... дис. д-ра фил. наук: 10.02.04/ Глушак Василий Михайлович – Сургут.: 2010. – 46 с.
57. Глушак В. М. Языковое моделирование образцов речевого поведения // – Тамбов: Вестник ТГУ, 2007. – №7. – С. 35-42.

- 58.Гринева О.А. Коммуникативно-прагматическая функция изучения английского языка/Гринева О.А. // Актуальные вопросы общества, науки и образования: сборник статей III Международной научно-практической конференции в 2 частях, Пенза, 15 января 2023 года. Том Часть 1. – Пенза: Наука и Просвещение, 2023. – С. 132-134.
- 59.Гюббенет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале)/И.В. Гюббенет. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 108 с.
- 60.Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация/Т.А. ван Дейк; пер. с англ. В.И. Герасимова – М.: Прогресс, 1989. – 320 с.
- 61.Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики/В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – 1999. – №2. – С. 5-13.
- 62.Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии/В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 32–43.
- 63.Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры/В.З. Демьянков // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н. Ю. Шфунведовой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 606-622.
- 64.Демьянков В.З. Фрейм/В.З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996. – С.187—189.
- 65.Дзюба Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре: монография/Е.В. Дзюба – Екатеринбург: УГПУ, 2011. – 224 с.
- 66.Доброрадных Т.А., Маргания Э.В. Актуализация языковых значений в лингвокультурологическом аспекте/Т.А. Доброрадных, Э.В. Маргания // Межкультурная коммуникация как область научного исследования и академическая дисциплина: коллективная монография / под общей ред. Н.А. Ахреновой, О.Д. Вишняковой, А.П. Миньяр-Белоручевой. – М.: Изд-во «Наука», 2024. – С. 77-85.

67. Добросклонская Т.Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах/Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №2. – С. 85-94.
68. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики/Т.Г. Добросклонская // Медиалингвистика. – 2015. – №1 (6). – С. 45-56.
69. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации/Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2006. – №2. – С. 20-33.
70. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь): учеб. пособие/Т.Г. Добросклонская – М.: Наука, 2008. – 264 с.
71. Дроздова Т.В. Содержательная специфика когнитивного диссонанса в лингвистике/Т.В. Дроздова // Университет XXI века: научное измерение: Материалы научной конференции научно-педагогических работников, аспирантов, магистрантов ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, 22 мая 2019 года. – Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2019. – С. 413-415.
72. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19/Желтухина Марина Ростиславовна – М., 2004. – 691 с.
73. Жун Я. Концепт Скука в русском языковом сознании (на фоне сравнения с китайским концептом)/Я. Жун // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2019. – №1. – С. 1-9.
74. Заботкина В.И. Слово и смысл/В.И. Заботкина – М.: РГГУ, 2012. – 428 с.
75. Залевская А.А. Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста/А.А. Залевская – Тверь: Твер. Гос. Ун-т, 1998. – 167 с.

76. Заюкова Е.В. Семантика и прагматика интенциональности в языковой актуализации на материале английского языка: дис. ... канд. фил. н.: 10.02.04/Заюкова Елена Викторовна. – Барнаул, 2005. – 193 с.
77. Иванова О.А. Динамика развития концептуальной структуры der Fremde в немецкой лингвокультуре (на материале СМИ Германии периода 2015-2020 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/Иванова Ольга Александровна. – М., 2021. – 29 с.
78. Изотова А.А. Деформация английских фразеологических единиц в функциональном освещении: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/Изотова Анна Александровна. – М., 1992. – 23 с.
79. Ирисханова, О.К. Полиmodalность в социокогнитивном освещении: семиотика плаката / О. К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № 11. – С. 63-66.
80. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс/В.И. Карасик – Волгоград, 2002. – 477 с.
81. Карасик В.И. Концепты-регулятивы. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей/ В.И. Карасик; отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – С. 95-108
82. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сборник научных трудов/В.И. Карасик – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
83. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Граборова Э.В. Иная ментальность/В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Граборова – М.: Гнозис, 2005. – 349 с.
84. Карасик В.И., Стернин И.А. Антология концептов: словарь / В.И. Карасик, И.А. Стернин; науч. ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин – Иваново: Гнозис, 2007. – 511 с.
85. Кириллов А.Г. Политический нарратив: структура и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/Кириллов Андрей Геннадьевич. – Саратов, 2007. – 18 с.

86. Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. Слушающие и речевой акт/Г.Г. Кларк, Т.Б. Карлсон; пер. с. англ. Городецкий, Б. Ю., ed. 1986. // Новое в Зарубежной Лингвистике. Вып. 17. Теория Речевых Актв. – М.: Прогресс. – С. 270-321.
87. Клушина Н.И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме: электронный научный журнал/Н.И. Клушина // Медиаскоп. – 2012. – No 4.
88. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста/Н.И. Клушина – М., 2008 – 254 с.
89. Кобозева И.М. Интенциональный и когнитивный аспекты смыслового высказывания: дис. ... д. филол. наук: 10.02.19/Кобозева Ирина Михайловна. – М., 2003. – 112 с.
90. Кобозева И.М. Теория речевых актов/И.М. Кобозева. – М.: Прогресс, 1996. – 422 с.
91. Ковалев П.А. Интенциональная лексика и ее роль в описании образа Уилла Фримана, персонажа романа Ника Хорнби «Мой мальчик»/П.А. Ковалева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. No 8. – С. 247.
92. Ковалевская Е.В. Метафора и сравнение в публицистическом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/Ковалевская Екатерина Витольдовна. – М., 2011. – 16 с.
93. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования/Е.А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 2 (83). – С. 13-21.
94. Комарова А.И. Функциональная стилистика: научная речь: Язык для специальных целей (LSP)/А.И. Комарова – М.: URSS, 2020. – 194 с.
95. Комарова А.И. Функциональные стили современного английского языка: к вопросу о теоретических основах систематического описания/А.И.

- Комарова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – С. 39–47.
96. Корф О.В. Медиатекст как инструмент формирования дискурса в политическом конфликте (на примере конфликта 1994-1996 гг. в Чеченской республике): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02/Корф Ольга Викторовна. – М., 2009. – С. 16.
97. Которова Е.Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации/Е.Г. Которова // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2019. – Vol. 23. No. 1. – С. 98-115.
98. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность?/ В.В. Красных – М.: Диалог-МГУ, 1998 – 352 с.
99. Красных В.В. Единицы языка vs. единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов)/В.В. Красных // Вопросы психолингвистики. – М.: Московская международная академия, 2008. – № 7. – С. 53-57.
100. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман/Ю. Бахтин; пер. с фр. Г. К. Косиков // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1993. – № 4. – С. 427-457.
101. Кронгауз М.А. Семантика: учебник для студентов лингвистического факультет высших учебных заведений. 2-е изд., испр. и доп./М.А. Кронгауз. – М.: Академия, 2005. – 352 с.
102. Крутова И.Н. Коммуникативно-прагматические функции средств выражения эмотивности в публицистическом дискурсе/И.Н. Крутова // Гуманитарные исследования. – 2020. – № 1(73). – С. 26-32.
103. Крутова И.Н. Реализация эмотивных синтаксических идиом в художественном дискурсе (на материале современной русской прозы): монография/И.Н. Крутова. – Астрахань: Изд-во Астраханского художественного училища (техникума) им. П.А. Власова, 2017. – 108 с.
104. Ксензенко О.А., Менджерцкая Е.О. Синтагматика медиадискурса в межкультурном аспекте/О.А. Ксензенко, Е.О. Менджерцкая // Межкультурная коммуникация как область научного исследования и

- академическая дисциплина: коллективная монография / под общей ред. Н.А. Ахреновой, О.Д. Вишняковой, А.П. Миньяр-Белоручевой. – М.: Изд-во «Наука», 2024. – С. 86-99
105. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов/Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
106. Кубрякова Е.С. Основные направления концептуального анализа: вместо введения/Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. – 2009. – № 1. – С. 11-21.
107. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира/Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
108. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике/Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международные конференции. – 1999. – С. 187-197.
109. Курбакова С.Н., Куклева А.А. Интенциональность публичного выступления политика (на материале Английского и сербского языков)/С.Н. Курбакова, А.А. Куклева // Мировые языки и культуры как объект филологического исследования: коллективная монография / под общей ред. О.Д. Вишняковой, А.А.Липгарта. – М.: Изд-во «Наука», 2023. – С. 281-295.
110. Лебедева И.Л. Концепт социальный протест в языковой картине мира США: На материале периодики и Интернет-ресурсов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/Лебедева Ирина Леонидовна – Владивосток, 2005. – 206 с.
111. Левенкова Е.Р. Интертекст как лингвокультурный маркер в политическом дискурсе Великобритании и США/Е.Р. Левенкова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – №10 (6-2). – С. 261-270.

112. Левенкова Е.Р., Коновалова Е.С. Агональный потенциал интертекстов в политическом дискурсе США/Е.Р. Левенкова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – №1-2. – С. 429-434.
113. Левицкий А.Е. Концептуализация информации в контексте межкультурной коммуникации/А.Е. Левицкий // Вестник Московской международной академии. – 2017. – №1. – С. 177-183.
114. Левицкий А.Э. Дискурсивная ситуация и проблема понимания в аспекте референтности и коммуникативности/А.Э. Левицкий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – №1. – С. 12-22.
115. Левицкий А.Э. Репрезентация события и проблема концептуализации информации/А.Э. Левицкий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – №7 (746). – С. 141-155.
116. Левицкий А.Э. Перспективы исследования политического дискурса в рамках когнитивно-дискурсивного подхода/А.Э. Левицкий // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – Т. 26. № 3. – С. 176–184.
117. Ленин В.И. Собрание сочинений: в 55 томах. Том 21, Декабрь 1911 - июль 1912/В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – 763 с.
118. Леонтьев А.А. Психология общения: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности "Психология"/А. А. Леонтьев; 3-е изд. – М.: Смысл, 1999. – 365 с.
119. Липгарт А.А., Хуринов В.В. Функциональные стили современного английского языка: Наука и журналистика/А.А. Липгарт, В.В. Хуринов – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019 – 208 с.
120. Лихачев Д.С. «Концептосфера русского языка»/Д.С. Лихачев // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. – М., 1997. – С. 280–287.

121. Манерко Л.А. Социокультурные особенности схематизации пространственного опыта в переводе с английского на русский язык/Л.А. Манерко // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. – 2016. – № 4. – С. 49-66.
122. Манерко Л.А., Суханова А.С. Функционирование фрейма environment в специальных концептуальных областях знания в английском языке/Л.А. Манерко, А.С. Суханов // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2024. – №3. – С. 22-38.
123. Марова Н.Д. Прагматика и стилистика текста/Н.Д. Марова. – Алма-Ата: Педагогический институт иностранных языков, 1998. – 173 с.
124. Менджерицкая Е.О. (а) Публицистика как тип дискурса/Е.О. Менджерицкая // Язык. Сознание. Коммуникация. – 1999. – №7. – С. 13-17.
125. Менджерицкая Е.О. Особенности национального публицистического дискурса/Е.О. Менджерицкая // Язык. Сознание. Коммуникация. – 1999. – №9. – С. 52-58.
126. Менджерицкая Е. О. Термин "дискурс" и типология медиадискурса/Е.О. Менджерицкая // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2006. – №2. – С. 50-55.
127. Минаева Л.В. Об интертекстуальности и гипертекстуальности политического дискурса/Л.В. Минаева // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2014. – №2. – С. 15-30.
128. Миньяр-Белоручева А.П. Роль национальной культурной картины мира в изучении иностранных языков/А.П. Миньяр-Белоручева // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 2. – С. 182-191.
129. Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И. Особенности формирования и функционирования неологизмов в PR дискурсе/А.П. Миньяр-Белоручева, П.И. Сергиенко // Мировые языки и культуры как

- объект филологического исследования: коллективная монография / под общей ред. О.Д. Вишняковой, А.А.Липгарта. – М.: Изд-во «Наука», 2023. – С. 86-109.
130. Миньяр-Белоручева А.П. Языковая концептуализация мира прошлого/А.П. Миньяр-Белоручева // Когнитивные исследования языка. – Т. 58. №2. Тамбов: Общероссийская общественная организация Российская ассоциация лингвистов-когнитологов. 2024. – С. 304-308.
131. Молчанова, Г. Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация / Г. Г. Молчанова; Г. Г. Молчанова. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 384 с.
132. Молчанова Г.Г. Когнитивная невербалика как поликодовое средство межкультурной коммуникации: кинесика/Г.Г. Молчанова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – №2. – С. 13-30.
133. Молчанова Г. Г. Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. – ОЛМА Медиа Групп Москва, 2014. – 209 с.
134. Москвин В.П. Интертекстуальность. Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили/В.П. Москвин – М.: Книжный дом «Либроком», 2015. – 168 г.
135. Мурзубраимова Д.У., Молдоташова Т.С., Кудайбердиева Г.Г., Кулубекова А.О. Концепт и концептосфера в исследованиях ученых-лингвистов/Д.У. Мурзубраимова, Т.С. Молдоташова, Г.Г. Кудайбердиева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – №12-4. – С. 148-152.
136. Мухортов Д.С. Практика когнитивно-дискурсивного анализа языковой личности политика (опыт прочтения публичных выступлений Билла Клинтона)/Д.С. Мухортов // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 2 (4) – С. 86-95.

137. Мухортов Д.С. Манипулятивный потенциал идеологической полисемии в современном политическом дискурсе/Д.С. Мухортов // Убеждение и доказательство в современном политическом дискурсе: материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 26-28.08.2014). – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; ФГБОУ ВПО «Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад.». – С. 68-76.
138. Назарова Т.Б. От авторской концепции бизнес-английского к авторской концепции перевода в деловых целях/Т.Б. Назарова // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2019. – № 2. – С. 94-110.
139. Назарова Т.Б. Паронимическая аттракция в аутентичном англоязычном дискурсе: диалектика системной и смысловой составляющих/Т. Б. Назарова // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2015. – Т. 10, № 3. – С. 38-45.
140. Новодранова В. Ф. Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей (LSP)/В.Ф. Новодранова // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания : сб. науч. тр. – М.; Рязань, 2007. – Вып. 5. – С. 136-140.
141. Оболенская Ю.Л. Роль лингвистической идеологии в процессе глобализации лингвистического и образовательного пространства/Ю.Л. Оболенская // XII Всероссийская научно-методическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук» – 27 марта 2020.
142. Оболенская Ю.Л. Языковая политика в Испании VS региональная политическая лингвистика/Ю.Л. Оболенская // Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции «Основные тенденции и перспективы развития современной романской и германской филологии. – М., 2024. – С 19-33.

143. Олизько Н.С. Интертекстуальный анализ художественного произведения: учебное пособие/Н.С. Олизько. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2008. – 164 с.
144. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. – 2012. – Т.11. №1. – С. 40-74.
145. Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования/Н.Д. Павлова, Т.А. Гребенщикова – М.: Институт психологии РАН, 2017. – 152 с.
146. Пашутина Т.А. Ключевые концепты американской культуры "PRIVACY" и "PATRIOTISM" и особенности их языковой репрезентации в различных типах дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/Пашутина Татьяна Александровна. – Белгород, 2009. – 199 с.
147. Петров В.В. От философии языка к философии сознания // Философия. Логика. Язык. – М.: Наука, 1987. – С. 3-17.
148. Пешкова Н.П., Давлетова Я.А. Стратегии восприятия прецедентного текста в условиях информационного общества (на материале результатов экспериментальных исследований 2012-2022 гг.)/Н.П. Пешкова, Я.А. Давлетова // Вопросы психолингвистики. – 2023. – № 4 (58). – С. 26-45.
149. Пешковский А.М. Избранные труды/А.М. Пешковский; подгот. к печати, вступ. статья и примеч. И.А. Василенко и И.Р. Палей. – М.: Учпедгиз, 1959. – 252 с.
150. Пименов Е.А. Исследование концепта Trauer «печаль» посредством синонимического ряда/Е.А. Пименов // Ethnohermeneutik und Antropologie. Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Landau: Verlag Empirische Padagogik. – 2004. – С. 89–94.
151. Плотникова С.Н., Домышева С.А. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования/С.Н. Плотникова, С.А. Домышева // Политическая лингвистика. – 2009. – №27. – С. 103-108.

152. Полубиченко Л.В., Михайловская М.В. Устный перевод в дискурсивном аспекте: глобальный вертикальный контекст/Л.В. Полубиченко, М.В. Михайловская // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – №1. – С. 116-129.
153. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание/З.Д. Попова, И.А. Стернин; Федеральное агентство по образованию, Воронежский гос. ун-т. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2009. – 314 с.
154. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: научное издание/З. Д. Попова, И. А. Стернин. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Воронеж: ИСТОКИ, 2007. – 250 с.
155. Попова Т.Г. Роль экстралингвистической информации в межкультурном взаимодействии/Т.Г. Попова // Мировые языки и культуры как объект филологического исследования: коллективная монография / под общей ред. О.Д. Вишняковой, А.А.Липгарта. – М.: Изд-во «Наука», 2023. С. 198-208.
156. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта/Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 170 с.
157. Прошина З.Г. Межвариантный перевод и его интеграция в программу подготовки переводчиков/З.Г. Прошина // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2023. – №3 – С. 108-120.
158. Прошина З.Г. Плюрицентризм и мультикультурность английского языка в транслингвальности его применения/ З.Г. Прошина // Мировые языки и культуры как объект филологического исследования: коллективная монография / под общей ред. О.Д. Вишняковой, А.А.Липгарта. – М.: Изд-во «Наука», 2023. – С. 184-198
159. Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник для филол. специальностей высш. пед. учеб. заведений/А.А. Реформатский; Предисл. В. А. Виноградова. – 5-е уточн. изд. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 536 с.

160. Сафина А.Р. Коммуникативно-прагматические функции модальных слов (на материале современного английского языка)/А.Р. Сафина // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. – 2015. – №11. – С. 65-69.
161. Сергиенко П.И. Вербализация концепта "WAR" как пример функционирования манипулятивного инструмента в англоязычном политическом дискурсе/П.И. Сергиенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12(90). Ч.1. – С. 162-166.
162. Сергиенко П.И. Отражение семантических заимствований в терминологии PR/П.И. Сергиенко // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. – 2021. – Т. 34, № 2. – С. 94–105.
163. Сёрль Дж. Р. Природа интенциональных состояний /Дж. Сёрль // Философия, логика, язык / под ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова– М.: Прогресс, – 1987. – С. 96-126
164. Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов/Дж. Р. Сёрль; пер с англ. Б.Ю. Городецкий // Новое в Зарубежной Лингвистике. Вып. 17. Теория Речевых Актов – М.: Прогресс, – 1986. – С. 170-194.
165. Сёрль, Дж. Р. Косвенные речевые акты/Дж. Р. Сёрль; пер с англ. Б.Ю. Городецкий // Новое в Зарубежной Лингвистике. Вып. 17. Теория Речевых Актов – М.: Прогресс, – 1986. – С. 195-222.
166. Сёрль, Дж. Р. Что такое речевой акт?/Дж. Р. Сёрль; пер с англ. Б.Ю. Городецкий // Новое в Зарубежной Лингвистике. Вып. 17. Теория Речевых Актов – М.: Прогресс, – 1986. – С. 151-169.
167. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе/Г.Г. Слышкин – М.: Academia, 2000. – 125 с.
168. Смирницкий А.И. Объективность существования языка: материалы к курсам языкознания/А.И. Смирницкий; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; под ред. В. А. Звегинцева. – М.: Издательство Московского университета, 1954. – 32 с.

169. Смирнова Н.В. Прагматика современного заголовка политического дискурса/Н.В. Смирнова // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2022. – №3(83). – С. 101-109.
170. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования/Ю.С. Степанов. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 838 с.
171. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации/Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 246 с.
172. Сусов И.П. К предмету прагмалингвистики/И.П. Сусов // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин: Калининский государственный университет, 1983. – С. 3-15.
173. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности "Лингвистика и межкультур. коммуникация"/С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 261 с.
174. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации/С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – 341 с.
175. Токарева Н.Д. Межкультурная коммуникативная компетенция в свете стилистического анализа/Н.Д. Токарева // Вестник Московского гос. лингв-го ун-та. – М.: ФГБОУ ВО Московский гос. лингв-ий ун-т, 2010. – С. 144-149.
176. Филиппова М.М. К вопросу о ключевых концептах американского менталитета/М.М. Филиппова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2011. – Вып. 42. – С. 27-34.
177. Храмушина Л.М. Прагматические функции повторов в публицистическом тексте/Л.М. Храмушина // Молодой учёный. – 2013. – № 5. – С. 487-489.

178. Христенко И.С. Лингвостилистические особенности аллюзии как средства создания подтекста: дис. ... канд. филол. наук: 10.05.02/Христенко Ирина Сергеевна. – М., 1993. – 230 с.
179. Цзи СяоСяо. Прагмалингвистические особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале выступлений американских президентов). дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/Цзи СяоСяо. – М., 2019. – 250 с.
180. Чантуридзе Ю. М. Афро-американский политический дискурс: когнитивный, лингвокультурологический и риторический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/Чантуридзе Юлия Михайловна. – М., 2016. – 199 с.
181. Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта/У.Л. Чейф; пер с англ. Б.Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1983. – Вып. 12. – С. 35-73.
182. Чиненова Л.А. Английская фразеология в языке и речи/Л.А. Чиненова. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 101 с.
183. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие/А. П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 4-е изд. – 254 с.
184. Шагбанова Х.С. Лингвокультурная природа концепта «патриотизм»/Х.С. Шагбанова // Litera. – 2023. – № 4. – С. 11-19.
185. Шейгал Е.И. Проблемы анализа политического дискурса/Е.И. Шейгал // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики. – 2005. – №2005. – С. 51-66.
186. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01/Шейгал Елена Иосифовна. – Волгоград, 2000. – 26 с.
187. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многоаспектность текста: понимание и интерпретация/ И.А. Щирова, Е.А. Гончарова– СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 440 с.

188. Якунина С.В. Концепт как объект исследования в современной когнитивной лингвистике/С.В. Якунина // Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты: материалы V международной науч.-практич. конф. Саратов, 16–17 ноября 2020 г. – Саратов: Саратовский источник, 2020. – С. 240-247.
189. Agar M. Language Shock: Understanding the Culture of Conversation/M. Agar – New York: William Morrow, 1994. – 284 p.
190. Alba-Juez L. Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation/L. Alba-Juez // Russian Journal of Linguistics. – 2016. – №20(4). – P. 43-55.
191. Alba-Juez L., Larina T. Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives/L. Alba-Juez, T. Larina // Russian Journal of Linguistics. – 2018. – №22(1). – P. 9-37.
192. Alberta T. American Carnage: On the Front Lines of the Republican Civil War and the Rise of President Trump/ T. Alberta – NY: HarperCollins, 2019. – 688 p.
193. Anusiewicz J. Lingwistyka kulturowa: zarys problematyki/J. Anusiewicz – Wrocław: Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. – 180 p.
194. Aristotle. The “Rhetoric” of Aristotle. A translation by Sir Richard Claverhouse Jebb, edited with an introduction and with supplementary notes by John Edwin Sandys/Aristotle – Cambridge: Cambridge University Press. 1909. – 207 p.
195. Aristotle. The Politics. Translated and with an Introduction, Notes, and Glossary by Carnes Lord/Aristotle – Chicago: The University of Chicago Press, 1984. – 290 p.
196. Austin J.L. How to do things with words/J.L. Austin – Oxford: At the Clarendon Press, 1975. – 168 p.
197. Brown G., Yule G. Discourse Analysis/G. Brown, G. Yule – Cambridge: Cambridge University Press. 1983. – 288 p.

198. Buhler K. Theory of Language: The Representational Function of Language. *Schprachtheorie/ K. Buhler*; translated from German: Goodwin D.F. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co, 2011. – 518 p.
199. Cook G. *Discourse/G. Cook* – Oxford: Oxford University Press, 1989. – 165 p.
200. Cook G. *The Discourse of Advertising/G. Cook* – London and New York: Routledge, 1992. – p. 256.
201. Culler J. *The Pursuit of Signs: Semiotics, Literature, Deconstruction/J. Culler* – Cornell University Press, 2001. – p. 272.
202. Dijk T. van. *Discourse as social interaction. Discourse studies: A multidisciplinary introduction/T. van Dijk* – London (UK) & Thousand Oaks (CA): Sage, 1997. – 336 p.
203. Dijk T. van. *Ideology: multidisciplinary approach/ T. van Dijk – L., 1998. – P. 61*
204. Dijk T. van. *What is Political Discourse Analysis?/T. van Dijk // Belgian Journal of Linguistics. – 1997. – V.11. – I.1. – P. 11-52.*
205. Fairclough N. *Critical Discourse analysis // The Routledge Handbook of Discourse Analysis/N. Fairclough*; Edited by James Paul Gee and Michael Handford. – London, N.Y.: Routledge, 2012. – P. 9-20.
206. Fairclough N. *Critical discourse analysis: The critical study of language/N. Fairclough* – London, N.Y.: Routledge, 2013. – 608 p.
207. Fairclough N., Muldering J., & Wodak R. *Critical Discourse Analysis/N. Fairclough, J. Muldering, R. Wodak // Discourse Studies. A Multidisciplinary Introduction. In T.A. van Dijk (Ed.). – London: Sage, 2011. – P. 357-378.*
208. Floyd W.H. III, Francis A.K. III. *"All Power to the People": The Political Thought of Huey P. Newton and The Black Panther Party/ W.H. Floyd III, A.K. Francis III // The Black Panther Party [Reconsidered]. – Baltimore: Black Classic Press, 1998. – P. 160-161.*

209. Friedrich, P. *The Language Parallax: Linguistic Relativism and Poetic Indeterminacy*/P. Friedrich – Austin: University of Texas Press, 1986. – 192 p.
210. Genette, G. *Palimpsests: literature in the second degree*/G. Genette // *Stages (Series)*, Vol. 8. University of Nebraska Press, 1997. – 490 p.
211. Givón T. *Mind, code and context. Essays in Pragmatics*/T. Givón – Hillsday, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1989. – 472 p.
212. Halliday M.A.K., Hasan R. *Cohesion in English*/M.A.K. Halliday, R. Hasan – London: Longman, 1976. – 392 p.
213. Henry F., Carol T. *Discourses of Domination: Racial Bias in the Canadian English-Language Press*/F. Henry, T. Carol – University of Toronto, 2002. – 272 p.
214. Hinkel E., Sandra F. *New Perspectives on Grammar Teaching in Second Language Classrooms*/E. Hinkel, F. Sandra – NY.: Routledge, 2001. – 282 p.
215. Hirsch E. D. Jr., Kett J. F., Trefil J. *The New Dictionary of Cultural Literacy*/E.D. Hirsch Jr., J.F. Kett, J. Trefil– Boston, N.Y., USA: Houghton Mifflin Company, 2002. – 647 p.
216. Hodges A. *Discursive underpinnings of war and terrorism*/A. Hodges // *The Routledge Handbook of Language and Politics*. – London, N.Y.: Routledge, 2018. – P. 673-686.
217. Jacobson R. *Linguistics and poetics*/R. Jacobson // *Language in Literature*. – Harvard: Harvard University Press, 1987. – P. 62-94.
218. Lakoff G. *Woman, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*/G. Lakoff. – University of Chicago Press, 1987. – 632 p.
219. Leibold A. *The Translation of Humor: Who Says it Can't be Done?*/A. Leibold. – *Meta*, 1989. – 34(1). – P. 107-111.
220. Lipgart A.A., Vishnyakova O.D. *Functional Stylistics and Vertical Context*/A.A. Lipgart, O.D. Vishnyakova // *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. – 2023. – №1. – P. 125-136.
221. Mey J.L. *Pragmatics: An introduction*/J.L. Mey – New Jersey: Wiley-Blackwell, 2001. – 416 p.

222. Minyar-Beloroucheva A., Sergienko P. Linguistic approach to axiological particularities of PR discourse study as an interdisciplinary field/ A. Minyar-Beloroucheva, P. Sergienko // Amazonia Investiga – 2021. – Vol. 10, no. 45. – P. 242-251.
223. Mizin K., Korostenski J. “Western” Cultural Linguistics and “Post-Soviet” Linguoculturology: Causes of parallel development/ K. Mizin, J. Korostenski // Лінгвістичні студії. – 2019. – №37, – P. 7-13.
224. Montgomery M. An Introduction to Language and Society/M. Montgomery – Oxford, 1992. – P. 245
225. Morris Ch. W. Foundations of the theory of signs/ Ch. W. Morris – Chicago: Chicago University Press, 1938. – 59 p.
226. Namadi A., Zarrinjooee B. Horizontal and Vertical Intertext: J.M. Coetzee’s Diary of a Bad Year/A. Namadi, B. Zarrinjooee // Journal of Novel Applied Sciences. – 2014. – №3. – P. 1612-1619.
227. Palmer G.B. Toward a Theory of Cultural Linguistics/G.B. Palmer – Austin (Texas): University of Texas Press, 1996. – 348 p.
228. Paltridge B. Working with genre: A pragmatic perspective/B. Paltridge // Journal of Pragmatics. – 1995. – V. 24. I. 4. – P. 393-406.
229. Peeters B. Applied Ethnolinguistics is Cultural Linguistics, but Is It Cultural Linguistics?/B. Peeters // Advances in Cultural Linguistics. – Singapore: Springer, 2017. – P. 758-802.
230. Peeters B. On Linguoculturology and Cultural Linguistics/B. Peeters // Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication. – 2019. – V. 17. – №4. – P. 6-11.
231. Proshina Z.G. Affinity of Saussurean Linguistics, World Englishes Paradigm, and Intercultural Communication Studies/Z.G. Proshina // Polylinguality and Transcultural Practices. – 2024. – Vol. 21. – N. 4. – P. 621-631.

232. Reisigl M., Wodak R. Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism/M. Reisigl, R. Wodak – London, N.Y.: Routledge, 2001. – 298 p.
233. Searle J. R. Speech acts. An essay in the philosophy of language/J.R. Searle – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
234. Sharifian F. On cultural conceptualisations/F. Sharifian // Journal of Cognition and Culture. – 2003. – №3. – P.187-207.
235. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language/M. Stubbs – Oxford: Basil Blackwell, 1983. – 272 p.
236. Wodak R. The Discursive Construction of National Identity/R.Wodak – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 276 p.

Словари и справочные издания

237. Лингвистический энциклопедический словарь / Науч.-ред. совет изд-ва "Сов. энцикл.", Ин-т языкознания АН СССР; Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
238. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3. изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 318 с.
239. American Heritage Dictionary of the English Language / Anne H. Soukhanov (ed.); the Third Edition. – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2000. – 8654 p.
240. Brown G.W, McLean I., McMillan A. The Concise Oxford Dictionary of Politics and International Relations / Garrett W Brown, Iain McLean, Alistair McMillan; the Fourth Edition. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 640 p.
241. Jary D., Jary J. Collins dictionary of sociology / D. Jary, J. Jary. – Glasgow, UK: HarperCollins, 1991. – 750 p.
242. Longman Dictionary of Contemporary English / the 6th Edition. – London: Pearson Education, 2014. – 2224 p.

243. Stearns P.N. The Oxford Encyclopedia of the Modern World: 1750 to the Present / P.N. Stearns; Vol. 1. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 4096 p.

Электронные ресурсы

244. The Liberty Song (1968) [Электронный ресурс] // Alpha History. Режим доступа: <https://alphahistory.com/americanrevolution/liberty-song-1768/> (дата обращения: 28.05.2025).
245. Anderson Т.К. Trump's Gettysburg Address - Full Transcript [Электронный ресурс] // HuffPost. Режим доступа: https://www.huffpost.com/entry/trumps-gettysburg-address-full-transcript_b_580dbc6de4b099c434319901 (дата обращения: 28.05.2025).
246. Bizarro [Электронный ресурс] // DC.com. Режим доступа: <https://www.dc.com/characters/bizarro> (дата обращения: 28.05.2025).
247. Brownstein R. A War on Blue America [Электронный ресурс] // The Atlantic. Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2024/01/trump-liberal-america-reelection-law-enforcement/676136/> (дата обращения: 28.05.2025).
248. Bump P. Trump reminds us: History also repeats when people take the wrong lessons [Электронный ресурс] // The Washington Post. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/politics/2023/11/13/trump-vermin-hitler-authoritarians/> (дата обращения: 28.05.2025).
249. Bustillo X., Treisman R. J.D. Vance addresses the RNC, and America, with a focus on Rustbelt roots [Электронный ресурс] // NPR. Режим доступа: <https://www.npr.org/2024/07/18/nx-s1-5043871/jd-vance-speech-rnc-trump> (дата обращения: 28.05.2025).
250. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 28.05.2025).

251. Cassidy J. Trump's Fascistic Rhetoric Only Emphasizes the Stakes in 2024 [Электронный ресурс] // The New Yorker. Режим доступа: <https://www.newyorker.com/news/our-columnists/trumps-fascistic-rhetoric-only-emphasizes-the-stakes-in-2024> (дата обращения: 28.05.2025).
252. Collins Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 28.05.2025).
253. Colson T. Trump says 'everyone knows' that Dr. Fauci is a Democrat, despite the fact that he is not a member of any party, Oct. 16, 2020. [Электронный ресурс] // Business Insider. Режим доступа: <https://www.businessinsider.com/donald-trump-claims-dr-fauci-is-a-democrat-no-evidence-2020-10> (дата обращения: 28.05.2025).
254. Declaration of Independence: A Transcription [Электронный ресурс] // National Archives. Режим доступа: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript> (дата обращения: 28.05.2025).
255. Dictionary.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения: 28.05.2025).
256. Drutman L. America Is Now the Divided Republic the Framers Feared [Электронный ресурс] // The Atlantic. Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/01/two-party-system-broke-constitution/604213/> (дата обращения: 28.05.2025).
257. Edelman G. The Walz-Vance Inversion [Электронный ресурс] // The Atlantic. Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2024/08/tim-walz-jd-vance-policy-style-inversion/679386/> (дата обращения: 28.05.2025).
258. Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.britannica.com/> (дата обращения: 28.05.2025).
259. Fort Sumter [Электронный ресурс] // The American Battlefield Trust. Режим доступа: <https://www.battlefields.org/learn/civil-war/battles/fort-sumter> (дата обращения: 28.05.2025).

260. Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 28.05.2025).
261. Full Transcript: Trump's 2020 State of the Union Address [Электронный ресурс] // The New York Times. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2020/02/05/us/politics/state-of-union-transcript.html> (дата обращения: 28.05.2025).
262. Gamble-Theard J. The North Star: A symbol of inspiration and hope [Электронный ресурс] // The Weekly Challenger. Режим доступа: <https://theweeklychallenger.com/the-north-star-a-symbol-of-inspiration-and-hope/> (дата обращения: 28.05.2025).
263. Golshan T. Hillary Clinton's concession speech full transcript: 2016 presidential election [Электронный ресурс] // Vox. Режим доступа: <https://www.vox.com/2016/11/9/13570328/hillary-clinton-concession-speech-full-transcript-2016-presidential-election> (дата обращения: 28.05.2025).
264. Google Books. Civil War [Электронный ресурс] // Google Books Ngram Viewer. Civil War. Режим доступа: https://books.google.com/ngrams/graph?content=Civil+War&year_start=2000&year_end=2022&corpus=en-US&smoothing=3 (дата обращения: 28.05.2025).
265. Google Books. Equality [Электронный ресурс] // Google Books Ngram Viewer. Civil War. Режим доступа: https://books.google.com/ngrams/graph?content=equality&year_start=2000&year_end=2022&corpus=en-US&smoothing=1 (дата обращения: 28.05.2025).
266. Google Books. Equity [Электронный ресурс] // Google Books Ngram Viewer. Civil War. Режим доступа: https://books.google.com/ngrams/graph?content=equity&year_start=2000&year_end=2022&corpus=en-US&smoothing=1 (дата обращения: 28.05.2025).
267. Google Books. Freedom [Электронный ресурс] // Google Books Ngram Viewer. Civil War. Режим доступа:

- https://books.google.com/ngrams/graph?content=Freedom&year_start=2000&year_end=2022&corpus=en-US&smoothing=1 (дата обращения: 28.05.2025).
268. Google Books. US Civil War [Электронный ресурс] // Google Books Ngram Viewer. Civil War. Режим доступа: https://books.google.com/ngrams/graph?content=US+Civil+War&year_start=2000&year_end=2022&corpus=en-US&smoothing=1&case_insensitive=false (дата обращения: 28.05.2025).
269. Gougherty J. Trump Tells Rally Crowd He'll Never Take Away 'Freedoms' Great [Электронный ресурс] // Conservativebrief.com. Режим доступа: <https://conservativebrief.com/trump-tells-79708/> (дата обращения: 28.05.2025).
270. Graham D.A. The Underdog vs. the Victim [Электронный ресурс] // The Atlantic. Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2024/07/kamala-harris-underdog-trump-victim/679298/> (дата обращения: 28.05.2025).
271. Grider J. Mind Control: 46 Times President Obama Repeated the Phrase 'That's Not Who We Are' [Электронный ресурс] // Now the end begins. Режим доступа: <https://www.nowtheendbegins.com/obama-thats-not-who-we-are-46-times/> (дата обращения: 28.05.2025).
272. Gugliotta G. New Estimate Raises Civil War Death Toll [Электронный ресурс] // NY Times. Режим доступа: https://www.nytimes.com/2012/04/03/science/civil-war-toll-up-by-20-percent-in-new-estimate.html?_r=2&ref=science&pagewanted=all (дата обращения: 28.05.2025).
273. John 15:13. King James Version [Электронный ресурс] // BibleGateway. Режим доступа: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=John%2015%3A13&version=KJV> (дата обращения: 28.05.2025).

274. John Brown's Harpers Ferry Raid [Электронный ресурс] // The American Battlefield Trust. Режим доступа: <https://www.battlefields.org/learn/topics/john-browns-harpers-ferry-raid> (дата обращения: 28.05.2025).
275. Joseph C. This Super PAC Wants to Win the ‘Cold Civil War’ Against ‘Woke Communists’ [Электронный ресурс] // Vice. Режим доступа: <https://www.vice.com/en/article/xgdd4q/claremont-institute-thomas-klingsenstein-super-pac> (дата обращения: 28.05.2025).
276. Kagan R. A Trump dictatorship is increasingly inevitable. We should stop pretending [Электронный ресурс] // The Washington Post. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/11/30/trump-dictator-2024-election-robert-kagan/> (дата обращения: 28.05.2025).
277. Kay G. A majority of Americans surveyed believe the US is in the midst of a 'cold' civil war [Электронный ресурс] // Business Insider. Режим доступа: <https://www.businessinsider.com/many-people-united-states-believe-cold-civil-war-survey-2021-1> (дата обращения: 28.05.2025).
278. LeBlanc P., Dale D. Rep. Cawthorn talks of ‘bloodshed’ over future elections as he pushes voting lies [Электронный ресурс] // CNN. Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2021/08/30/politics/madison-cawthorn-elections/index.html> (дата обращения: 28.05.2025).
279. Leibovich M. Trump Voters Are America Too [Электронный ресурс] // The Atlantic. Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2024/01/trump-2024-win-american-identity/676143/> (дата обращения: 28.05.2025).
280. Levitz E. Trump’s Reconquest of the GOP May Have an Upside for Democracy [Электронный ресурс] // New York Magazine. Intelligencer. Режим доступа: <https://nymag.com/intelligencer/2021/02/trump-gop-civil-war-voter-id-laws-democracy-reform.html> (дата обращения: 28.05.2025).
281. Linker D. The threat of civil war didn't end with the Trump presidency [Электронный ресурс] // The Week. Режим доступа:

- <https://theweek.com/articles/983063/threat-civil-war-didnt-end-trump-presidency> (дата обращения: 28.05.2025).
282. Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 28.05.2025).
283. New Initiative Explores Deep, Persistent Divides Between Biden and Trump Voters [Электронный ресурс] // The Center For Politics. Режим доступа: <https://centerforpolitics.org/crystalball/articles/new-initiative-explores-deep-persistent-divides-between-biden-and-trump-voters/> (дата обращения: 28.05.2025).
284. Ng K. Michelle Obama explains her catchphrase ‘When they go low, we go high’ [Электронный ресурс] // The Independent. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/life-style/michelle-obama-stephen-colbert-catchphrase-b2225386.html> (дата обращения: 28.05.2025).
285. Nordquist R. Intertextuality. Glossary of Grammatical and Rhetorical Terms [Электронный ресурс] // Thought.com. Режим доступа: <https://www.thoughtco.com/what-is-intertextuality-1691077> (дата обращения: 28.05.2025).
286. O’Kane C. "Civil War 2" trends on Twitter after Trump quotes speculation that impeachment would spark "civil war" [Электронный ресурс] // CBS News. Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/trump-civil-war-tweet-civil-war-2-is-trending-on-twitter-after-trump-suggested-what-might-occur-if-removed-from-office/> (дата обращения: 28.05.2025).
287. Obeidallah D. Opinion: Is this the worst idea Trump has ever had? Almost [Электронный ресурс] // CNN Opinion. Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2024/06/24/opinions/trump-ufc-migrant-fighting-obeidallah/index.html> (дата обращения: 28.05.2025).
288. Olorunnipa T. Civil War talk in presidential contest reveals fresh divisions on race [Электронный ресурс] // The Washington Post. Режим доступа:

- <https://www.washingtonpost.com/politics/2024/01/13/haley-trump-civil-war-history/> (дата обращения: 28.05.2025).
289. On Newsmax, Sarah Palin Calls for Civil War [Электронный ресурс] // Media Matters for America. Режим доступа: <https://www.mediamatters.org/newsmax/newsmax-sarah-palin-calls-civil-war> (дата обращения: 28.05.2025).
290. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 28.05.2025).
291. Pangambam S. President Biden and former President Trump Debate (Transcript) [Электронный ресурс] // The Singju Post. Режим доступа: <https://singjupost.com/president-biden-and-former-president-trump-debate-transcript/?singlepage=1> (дата обращения: 28.05.2025).
292. Pangambam S. TRANSCRIPT: Kamala Harris Introduces Tim Walz As VP Pick At Philadelphia Rally [Электронный ресурс] // The Singju Post. Режим доступа: <https://singjupost.com/transcript-kamala-harris-introduces-tim-walz-as-vp-pick-at-philadelphia-rally/?singlepage=1> (дата обращения: 28.05.2025).
293. Paz I.G. Read Bernie Sanders's Full Speech on Ending His Campaign [Электронный ресурс] // The New York Times. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2020/04/08/us/politics/bernie-sanders-concession-speech.html> (дата обращения: 28.05.2025).
294. President Barack Obama's inaugural address – full text [Электронный ресурс] // The Guardian. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2013/jan/21/barack-obama-2013-inaugural-address> (дата обращения: 28.05.2025).
295. President Trump's farewell: Read his full speech [Электронный ресурс] // New York Post. Режим доступа: <https://nypost.com/2021/01/19/president-trumps-farewell-read-his-full-speech/> (дата обращения: 28.05.2025).
296. Read Donald Trump's Full Inauguration Speech [Электронный ресурс] // ABC News. Режим доступа: <https://abcnews.go.com/Politics/full-text->

- president-donald-trumps-inauguration-speech/story?id=44915821 (дата обращения: 28.05.2025).
297. Read the Transcript of Donald J. Trump's Convention Speech [Электронный ресурс] // The New York Times. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2024/07/19/us/politics/trump-rnc-speech-transcript.html> (дата обращения: 28.05.2025).
298. Read the Transcript of J.D. Vance's Convention Speech [Электронный ресурс] // The New York Times. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2024/07/17/us/politics/read-the-transcript-of-jd-vances-convention-speech.html> (дата обращения: 28.05.2025).
299. Research Starters: US Military by the Numbers [Электронный ресурс] // The National WWII Museum. New Orleans. Режим доступа: <https://www.nationalww2museum.org/students-teachers/student-resources/research-starters/research-starters-us-military-numbers> (дата обращения: 28.05.2025).
300. Scalia C.J. Why Obama says 'That's not who we are': Column [Электронный ресурс] // USA Today. Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2016/02/08/barack-obama-thats-not-who-we-are-rhetoric-patriotism-column/79971138/> (дата обращения: 28.05.2025).
301. Semper Fidelis [Электронный ресурс] // Marines.com. Режим доступа: <https://www.marines.com/about-the-marine-corps/who-are-the-marines/semper-fidelis.html> (дата обращения: 28.05.2025).
302. Shafer J. How Obama Does That Thing He Does [Электронный ресурс] // Slate Magazine. Режим доступа: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/press_box/2008/02/how_obama_does_that_thing_he_does.html (дата обращения: 28.05.2025).
303. Smith G.A. et al. Decline of Christianity in the U.S. Has Slowed, May Have Levelled Off. [Электронный ресурс] // Pew Research Center. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/religion/2025/02/26/decline-of->

- christianity-in-the-us-has-slowed-may-have-leveled-off/ (дата обращения: 28.05.2025).
304. Sundby A. Read the full text of Biden's inaugural address [Электронный ресурс] // CBS News. Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/president-joe-biden-inauguration-address-text/> (дата обращения: 28.05.2025).
305. The Britannica Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.britannica.com/dictionary> (дата обращения: 28.05.2025).
306. The Gettysburg Address. Transcript of Cornell University's Copy [Электронный ресурс] // Cornell University's Library. Режим доступа: https://rnc.library.cornell.edu/gettysburg/good_cause/transcript.htm (дата обращения: 28.05.2025).
307. The Meaning of Semper Fi: The Marine Corps Motto [Электронный ресурс] // Military.com. Режим доступа: <https://www.military.com/military-life/semper-fi-marine-corps-motto> (дата обращения: 28.05.2025).
308. The New Colossus [Электронный ресурс] // National Park Service. Режим доступа: <https://www.nps.gov/stli/learn/historyculture/colossus.htm> (дата обращения: 28.05.2025).
309. The U.S. Constitution: Preamble [Электронный ресурс] // United States Courts. Режим доступа: <https://www.uscourts.gov/about-federal-courts/educational-resources/about-educational-outreach/activity-resources/us#:~:text=%22We%20the%20People%20of%20the,for%20the%20United%20States%20of> (дата обращения: 28.05.2025).
310. Thebault R. Steve King posts meme warning that red states have '8 trillion bullets' in event of civil war [Электронный ресурс] // The Washington Post. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/03/18/steve-king-posts-meme-warning-that-red-states-have-trillion-bullets-event-civil-war/> (дата обращения: 28.05.2025).

311. Transcript: Mitt Romney's Acceptance Speech [Электронный ресурс] // NPR. Режим доступа: <https://www.npr.org/2012/08/30/160357612/transcript-mitt-romneys-acceptance-speech> (дата обращения: 28.05.2025).
312. Transcript: Sen. JD Vance on "Face the Nation with Margaret Brennan," Aug. 11, 2024 [Электронный ресурс] // CBS News. Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/transcript-jd-vance-on-face-the-nation-aug-11-2024/> (дата обращения: 28.05.2025).
313. Trump D., Carlson T. Tucker on X Debate Night Interview with Donald Trump Transcript [Электронный ресурс] // Rev.com. Режим доступа: <https://www.rev.com/blog/transcripts/tucker-on-x-debate-night-interview-with-donald-trump-transcript> (дата обращения: 28.05.2025).
314. Trump promises stronger America borders, inflation retreat ahead of the November polls Great Rapids1 [Электронный ресурс] // Elvisanokyenews.com. Режим доступа: <https://elvisanokyenews.com/trump-promises-stronger-america-borders-inflation-retreat-ahead-of-the-november-polls/> (дата обращения: 28.05.2025).
315. Trump Rally in Grand Rapids, Michigan [Электронный ресурс] // Rev.com. Режим доступа: <https://www.rev.com/blog/transcripts/trump-rally-in-grand-rapids-michigan> (дата обращения: 28.05.2025).
316. Veterans Day - 11/11/23 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.qnotables.com/post/veterans-day-11-11-23> (дата обращения: 28.05.2025).
317. Walter B.F. Trump Could Still Lead the U.S. to Civil War—Even if He Doesn't Run in 2024 [Электронный ресурс] // Time. Режим доступа: <https://time.com/6141468/trump-us-civil-war/> (дата обращения: 28.05.2025).
318. Washington Free Beacon. 46 Times President Obama told Americans 'That's Not Who We Are' | SUPERcuts! #259 [Электронный ресурс] // Youtube. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=gouAcayDwLM> (дата обращения: 28.05.2025).

319. Watson D. American Carnage. Donald Trump and the collapse of the Union [Электронный ресурс] // The Monthly. Режим доступа: <https://www.themonthly.com.au/issue/2020/july/1593525600/don-watson/american-carnage#mtr> (дата обращения: 28.05.2025).
320. Willick J. Did Vance sell a new kind of conservative nationalism? [Электронный ресурс] // The Washington Post. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/07/18/jd-vance-rnc-convention/> (дата обращения: 28.05.2025).